

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

О Т Ъ И З Д А Т Е Л Я :

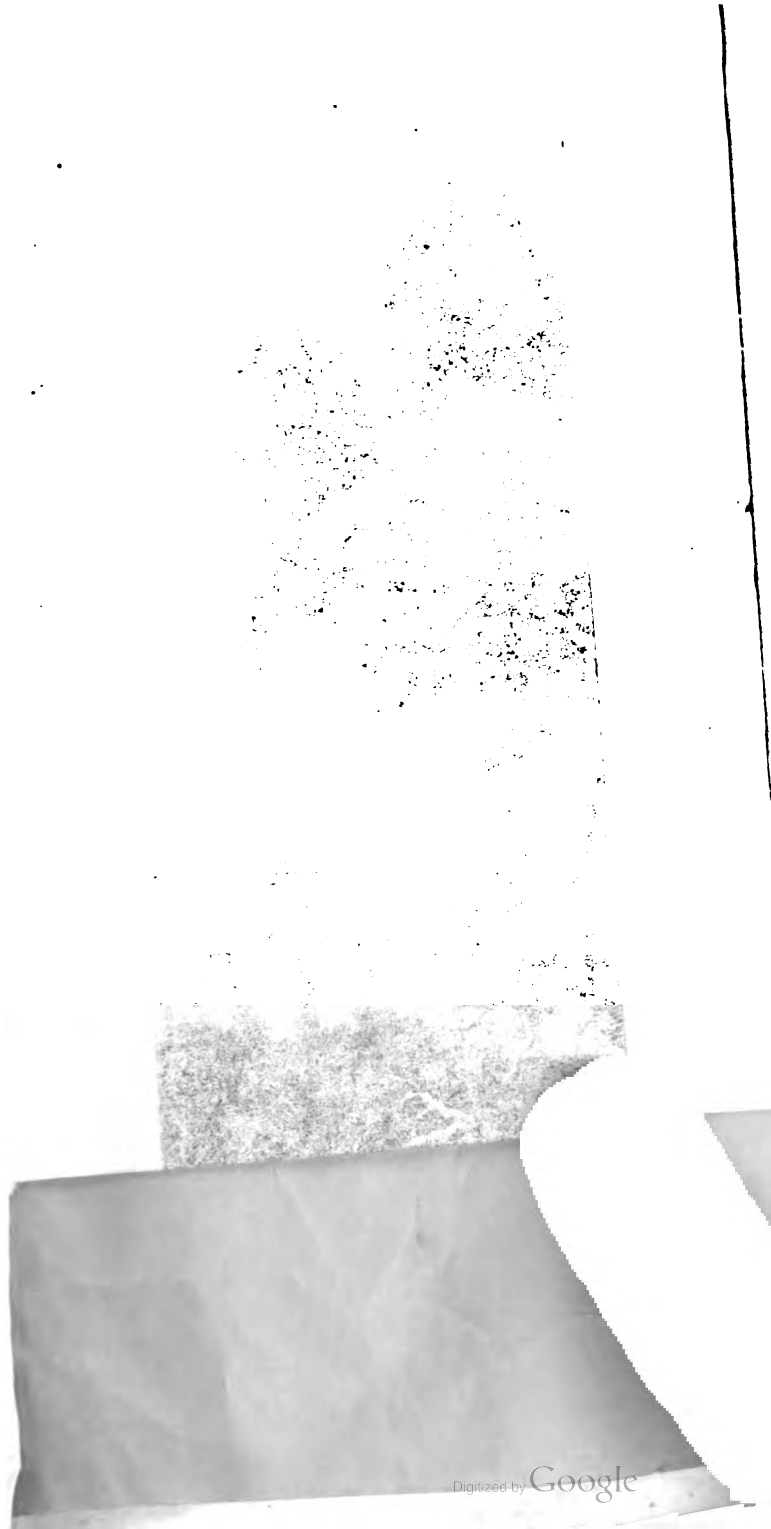
Исполняя завѣщаніе мапери моей и наставника, которыя внушали мнѣ имѣть всегда въ памяти могущія быть со мною несчастія, единственно для познанія Божіей ко мнѣ благодати, я записывалъ всѣ со мною встрѣтившіяся приключенія, и дополняя по времени, собралъ и составилъ изъ нихъ полную жизни моей исторію на Армянскомъ языкѣ. Настояніе и почти самое принужденіе нѣкоторыхъ особъ, бывшихъ въ прошедшемъ Персидскомъ походѣ и меня довольно знавшихъ, заставили наконецъ перевести рукопись мою на Россійскій языкъ, а примѣръ многихъ изданій, съ моими произшествіями согласныхъ, рѣшилъ меня пустить въ свѣтъ оныя записки и тѣмъ самымъ принести, такъ сказать, благодарность во первыхъ всевышнему за благій его промыслъ и ко мнѣ милосердіе, которое сохранило меня отъ многихъ предстоявшихъ опасностей и во впорыхъ великодушнымъ и добродѣтельнымъ людямъ, покровительствовавшимъ мнѣ и служившимъ мнѣ въ самыхъ несчастіяхъ утѣшителями. — Память сихъ послѣднихъ да будетъ незабвенна по гробъ мой. — Издавая сіе я долгомъ поставляю предваришь читателей, что въ книгѣ жизни моей не найдутъ они никакихъ риторическихъ украшеній, хоша и есть нѣко-

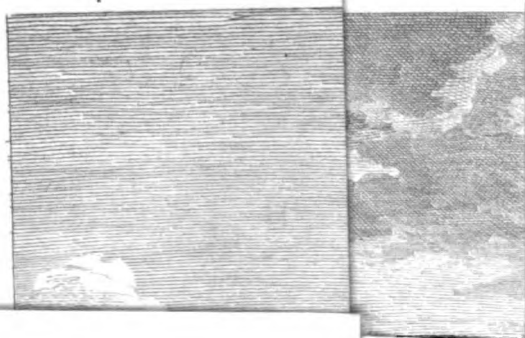
II

порыя мѣста, въ копорыхъ можно бы было разпространитъся въ нихъ. Я писалъ простой только то, что со мною дѣйствительно было, не прибавляя ни одного слова лишняго, котораго не было сказано, а старался еще всѣми мѣрами скрыть многое.

Проя покорно читателей простить мнѣ по чужеземству всѣ нескладныя и неправильныя изрѣченія, въ копорыхъ случиться могутъ и противорѣчія, я уповаю что они извинятъ меня и въ самыхъ грамматическихъ ошибкахъ, коихъ безъ сомнѣнія на всякой страницѣ найдется множество; но виды Персидскихъ мѣстъ по крайней мѣрѣ заслужатъ вниманія; они сняты въ 1796 году однимъ искуснымъ и извѣстнымъ художникомъ.

Изданіе сей книги могло быть и прежде годомъ, но по незнанію моему Россійскаго языка и недоспашкамъ, оставалось безъ дѣйствія. Истинну произшествій подтвердятъ многія особы, меня знающія.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ

АРТЕМІЯ АРАРАТСКАГО.

Я родился въ 1774 году Апрѣля 20 дня, близъ горы Арарата въ селеніи Вагаршапатъ *Վաղարշապատ* *) принадлежащемъ первопрестольному Армянскому Монастырю, называемому Эчмиацину *Էջմիածին*, что значить сошествіе едиnorodнаго Сына Божія, во время Верховнаго Пашріарха всея Арменіи Симеона. — Опець мой по имени Аспвацатуръ, что значить Богданъ, былъ искусный каменосѣчець, небогатый, но какъ всѣ утверждали, добрый человекъ. По смерти его я остался чепырехъ мѣсяцовъ и по тому воспитаніемъ моимъ обизанъ былъ единственно матери. Кромѣ меня она имѣла еще двухъ сиротъ, брата 5-ти и сестру 3-хъ лѣтъ. Когда я началъ подростать и,

*) На семъ мѣстѣ въ древности былъ большой столичный городъ, построенный Армянскимъ Царемъ Вагаршомъ, который назвалъ его своимъ именемъ Вагаршапатъ.

такъ сказать, приходишь въ смыслъ, то единственное мое удовольствіе было слушать рассказы о всякихъ частныхъ происшествіяхъ, какіи обыкновенно въ тамошнемъ мѣстѣ передаются изустно отъ одного другому, даже отъ самой древности. Извѣстно, что не токмо дѣти, но и совершеннолѣтніе любятъ иногда сказки: я всегда приходилъ въ возхищеніе, когда находилъ случай узнать такимъ образомъ что-либо для себя новое. Не рѣдко при семъ случалось и то, что дѣти богатыхъ людей въ нашемъ селеніи, когда разговоръ касался какихъ нибудь знаменитыхъ въ древности мужей, сплетали о себѣ басни, что будто и они происходятъ отъ какого-либо знатнаго лица или фамиліи. Я же напротивъ того всегда начально обращался къ собственному моему положенію и во всей силѣ чувствовалъ то, что я сирота, что мать моя безпомощная и бѣдная вдова, съ великою нуждою и трудами достаетъ только самое бѣдное и нужное пропитаніе. Причина шаковыхъ

горестныхъ обращеній къ самому себѣ была та, что бѣдность и тѣснопа нашего семейства намъ служили всегда жестокою укоризною отъ немилосердыхъ соотечественниковъ, кои смотря на безпомощное наше съ матерью сиротство, старались обременять насъ всѣмъ, что только было въ ихъ возможности.

Изъ 700 домовъ, отъ бѣднаго семейства до самой богатой фамиліи, было не болѣе десяти человѣкъ, кои знали грамотѣ. Къ числу сихъ грамотѣевъ принадлежалъ и я. Мать моя преодолевая всѣ затрудненія, какія только встрѣчала не столько отъ нищеты своей, сколько отъ зависти и жестокости богатыхъ согражданъ, успѣла дать мнѣ возможное воспитаніе, то есть, я обученъ былъ читать и писать. Въ горести своей, которую описать почти не возможно, сносая безропотно противу судьбы бѣдственное свое состояніе, она не имѣла уже никакихъ другихъ желаній, кромѣ того, чтобы меньшій любез-

*

ный сынъ ея, т. е. я, при жизни ея успѣлъ выучиться грамотѣ и быть въ кругу служителей храма Божіа; и вопъ именно слова ея, въ коихъ возносила она желаніе свое къ Богу: „Господи! неопыми отъ меня душу мою доплѣ, пока не увижу меньшаго сына моего, читающаго и поющаго во храмъ твоемъ: *возведохъ очи мои въ гору, отнюду же прійдетъ помощь моя, помощь моя отъ Господа, сотворшаго небо и землю; тогда буду я совершенно утѣшенною за всѣ сираданія мои и съ радостию возвращу тебѣ жизнь мою.* „ Изъ сего видно, что добрая мать моя все счастье свое, благо души своей, и, такъ сказать, край желаній своихъ, полагала единственно въ томъ, чтобы я могъ нести служеніе при храмѣ Господнемъ; въ томъ предопредѣляла единственное счастье собственно для меня самаго, . и что въ томъ только заключалась вся помощь, какой ожидала и желала прискорбная душа ея, отъ Сотворшаго небо и землю. Совекалаь всего, что есть суеш-

ное и ложное въ естествомъ человѣческомъ, кто не почувствуетъ, что подобное расположеніе души, возносящее ее къ Создателю своему, есть самое лучшее, и самое благонадежное сколько ни были бы жестоки окружающія насъ обстоятельства? — Какъ бы то ни было, желанія маперіи моеи исполнились; я совершенно могъ читать все, и въ Сентябрѣ 1786 года, пришедъ въ Церковь на вечернюю молитву, въ первый разъ спалъ читать предъ олтаремъ по уставу псалмы, въ числѣ коихъ и желаемый маперію моею: *возведохъ очи мои въ горы и проч.*

Но злобная зависть бывшихъ въ церкви спаршинъ, коихъ дѣти, кромѣ сельскихъ и домашнихъ работъ, ничѣмъ не занимались и грамотѣ не знали, не умедлила обнаружиться. Не выждавъ окончанія чтенія, они закричали священнику: что ты позволяешь этому сыну нищей вдовы читать здѣсь? — Онъ не хочетъ дѣлать того, что дѣлаютъ дѣти наши, — ударь его и опгони. — Слабый священникъ изъ

подобострастія къ нимъ, забывъ важность своего сана и святость мѣста, подходитъ ко мнѣ, даетъ изрядную пощечину и опгоняешь опъ предолтарнаго мѣста. Мать моя, пораженная паковымъ поступкомъ со мною священника, упадаетъ безъ памяти; ее также бьютъ и по приказанію старшинъ выпаскиваютъ изъ церкви и волокутъ въ домъ. По окончаніи сей мятежной вечерни, старшины строжайшимъ образомъ приказали десятнику смотрѣть за мною накрѣпко, не давая мнѣ ни одной минутой свободной, чѣмъ я не могъ ничѣмъ заниматься, кромѣ обыкновенныхъ работъ, говоря: и-эпопъ негодай, сынъ нищій дерзкой женщины хотелъ быть ученымъ и равняться съ нашими дѣшми, (какъ будто бы дѣши ихъ знали грамошу) онъ долженъ только ходить за скопиною, обрабатывать поле и мушить воду *); словомъ, мы при-

*) Поля на коихъ посѣяно сорочинское пшеко, держатся покрытыми водою до самаго его созрѣнія. Когда же сѣютъ его: то надобно прежде мушить воду ногами; также пускаютъ для сего и скопину, и семена бросаютъ въ мушную

казываемъ тебѣ выбить изъ его головы всю грамошу,,... Вопль презрѣдное наставленіе, достойное ума и сердца тогдашнихъ земляковъ моихъ! —

По выслушаніи сего повелѣнія пришелъ я домой и нашелъ мать мою въ самомъ опчаянномъ положеніи. Сколько ни была возмущена душа ея произшествіемъ въ церкви, но увидѣвъ меня, старалась придти въ себя. — Ей было нужно скрыть собственную горестъ, чѣмъ утѣшилъ меня и вмѣстѣ съ тѣмъ поспѣшилъ дать мнѣ спасительныя наставленія, копорыя по мнѣнію ея въ спрахѣ, производимомъ мапернею любовію, должны были пошчасъ исполниться. Ахъ! сынъ мой, говорила она, злодѣи не поцѣдили тебѣ и во храмъ Божіемъ; но Богъ, копорый еще болѣе оскорбленъ злодѣйствомъ ихъ, накажетъ ихъ и отмститъ обиды наши.— Помни, что намъ Спаситель приказывалъ:

воду, дабы такимъ образомъ могли быть подъ водою покрыты нѣсколько землею.

Если кто ударитъ тебя въ ланиту, обрати ему другую. — Между тѣмъ я страшусь по угрозамъ ихъ, чѣмъ они не изпребили тебя и для того бѣги отъ нихъ, любезное дитя мое, спасай жизнь свою, скройся въ монастырь, или въ пустыню; — видно, что и твоя участь будешь столько же горестна, какъ и моя. — Четырехъ лѣтъ была я взята въ плѣнъ и по невѣденію вѣрила ученію Магомета. Потомъ претерпѣвъ разныя несчастія и мученія, возвратилась въ нѣдра православной церкви и содѣлалась женою Христіанина, твоего отца — и считала уже себя счастливою, какъ напрошивъ того судьба заставила испытать меня новыя злключенія, опнявъ у меня, уже девятый годъ, мужа, оставившаго мнѣ въ наслѣдство нищету и вась проихъ сиротъ. — Переноса всѣ нужды, я старалась обучить тебя, и, чѣмъ имѣла къ тому свободное время, вмѣсто тебя исправляла работы и не щадила ни силъ, ни здоровья моего, и вмѣстѣ должна еще была доставать и на пропитаніе; воспитывая и соблюдая тебя, я думала на-

саждать дерево, опъ котораго при старости моей ожидала пріятныхъ и питательныхъ плодовъ, я надѣялась, что ты будешь подпорою старости и дряхлости моей, что подъ вѣтвями твоими я буду имѣть спокойную тѣнь и убѣжище; что ты будешь единственно причиною радостей моихъ, кои заспаваютъ меня забыть мои горести и бѣдствія, и дадутъ чувствовать честь и похвалу о тебѣ въ людяхъ нашихъ. — Господь услышалъ, наконецъ молитвы мои — и сердце мое возхлынуло радостію; но На семь непріятномъ возраженіи мать моя остановилась; по томъ голосомъ, показывающимъ изступленіе и сильное спраданіе души, продолжала: Ахъ! злодѣи безчеловѣчные, — одну минуточку только имѣла я радость мою; вы вырвали ее изъ сердца моего, испортили насажденіе мое; — вы попребите и корень его и съ нимъ надежды мои! — Такимъ образомъ мать моя съ начала желая утѣшить меня и успокоить, постепенно пришла сама въ прежнее отчаяніе и начала проклиная день своего рожденія,

употребивъ въ своемъ ропотѣ противу недовѣдомыхъ судебъ Божіихъ многія выраженія и изъ Іова.

Я старался утѣшить ее, сколько могъ и какъ умѣлъ; ибо по молодости лѣтъ чувствуя только настоящее, въ разсужденіи будущаго былъ гораздо спокойнѣе; какъ бы то ни было, я успѣлъ успокоить ее столько, что опечаленіе ея превратилось на послѣдокъ въ тихую горестъ. До сего времени я не зналъ ничего о подробностяхъ ея жизни; но въ продолженіи вечера, для облегченія ли стѣсненнаго и разтерзаннаго сердца своего, или для моего наставленія, рассказала она намъ всѣ обстоятельства прошедшаго отъ младенческаго возраста своего до настоящаго времени.

Я, говорила она, природная Гайканка, (**)

(**) Гайкусь, праправнукъ Аеша, одного изъ сыновей праведнаго Ноа, есть первый основатель Арисіи; онъ предпріялъ выѣздъ съ Нимродомъ столпошвереніе Вавилонское,

предки наши, просвѣпившіеся свѣтомъ Евангельскаго ученія отъ Священномученика Григорія Գրիգոր, просвѣпителя Арменіи, пребывали въ Христіанскомъ законѣ. Отъ честныхъ родителей родилась я въ 1751 году въ Газахъ *). — На двухъ-годовомъ возрастѣ лишилась я отца моего, а швоего дѣда. Послѣ того чрезъ два года, Лезгинцы подъ предводительствомъ своихъ начальниковъ дѣлали безпрестанные набѣги на Грузію, производя грабительства и убійства, а съ другой стороны въ сіе же самое время такой былъ въ нашихъ мѣстахъ голодъ, что народъ, подобно скошамъ, принужденъ былъ питаться травою, или кѣмъ что могъ найсти; и наконецъ жители до такой доведены были крайности, что отцы и матери опирались отъ дѣшей своихъ и бросали ихъ. —

но не захотѣвъ признать надъ собою верховной власти Неврода, удалился въ свою землю, и послѣ въ возгорѣвшейся за то между нимъ войнѣ убилъ его. По имени его Ариале называются и Гайканцани, или племя Гайканское.

*) Провинція Газахъ, принадлежитъ Грузіи и граничитъ съ Персією.

Мать моя, а своя бабушка, видя, что ей со мною неизбежная предстоит гибель и отъ голода, отъ убійствъ и грабителей, отправилась со мною въ Еривань, въ намѣреніи пройти въ Вагаршапатъ, гдѣ по совершенному спокойствію, жили наслаждались изобиліемъ, и гдѣ старшая сестра моя была въ замужствѣ за человѣкомъ небѣднымъ. Но по двухъ-дневномъ нашемъ путешествіи Лезгинцы напали на нашъ караванъ и все разграбили; старыхъ мужчинъ убили, а молодыхъ взяли въ плѣнъ, въ копорый увлекли и меня; а мать мою по старости и слабости бросили на мѣстѣ, снявъ съ нее все платье, словомъ оставили обнаженную и безчувственную. По прошествіи нѣкотораго времени, я была продана отъ нихъ въ Персидскій городъ Ганджу, одному знатному Персіанину по имени Чолоху Сафаръ-Беку, который будучи человѣкъ чувствительный, сжалился надъ моимъ младенчествомъ, принялъ меня не такъ какъ невольницу, но воспитывалъ какъ родную дочь и обучалъ Персидской

грамотѣ и закону. По прошествіи же двухъ лѣтъ, когда я оказывала въ ученіи совершенные успѣхи, Сафаръ Бекъ видя, что челоѡколюбивыя его попеченія обо мнѣ не остаются впунѣ, положилъ на конецъ причестъ меня къ своему роду, и на 7 году моего возраста сговорилъ меня за роднаго своего сына, сдѣлавъ чрезъ своего Муллу кябинъ (свадебный контрактъ). — Послѣ сего спустя четыре года, когда мнѣ исполнилось уже 11 лѣтъ, благодѣтель мой положилъ быть моей свадьбѣ; но въ то же самое время нарѣченный мой женихъ сдѣлался жестоко болѣнь.

Между тѣмъ мать моя, какъ она послѣ мнѣ рассказала, бывъ ограбленною разбойниками и брошенною на мѣстѣ, пришедши въ себя, оставалась нѣсколько часовъ на дорогѣ, оплакивая мое похищеніе и общее наше съ нею бѣдствіе; а на послѣдокъ съ сердцемъ, полнымъ отчаянія, не имѣя никакой одежды; дошла до деревни Шамкоръ, остано-

лвщей опъ того мѣста весьма не въ дальномъ разстояніи, гдѣ она и оспалась жишь.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ поправясь въ здоровьѣ и соспоянїи своемъ, по непреодолимой маперинской горячности, рѣшилась меня опыскивать повсюду, гдѣ бы то ни было, и хопя бы исканіе сіе споило ей жизни. Съ начала прибыла она въ Ганджу, гдѣ я дѣйспвительпо находилась; но не могла шупъ опыскашь меня по тому, что подобное приключеніе, по копорому я попалась въ оное мѣсто, и продажа плѣнныхъ всякаго возраста и пола бывали весьма часпо, особливо же въ погдашнее время. Опшуда опправи-лась она въ Грузію; по томъ въ Шуши, главный Карабагскій городъ, гдѣ найдя удобный случай, поверглась къ ногамъ Пана-Хана, и пересказавъ ему свое бѣдствіе и мое похищеніе, просила его помощи. Сей великодушный и справедли-вый человекъ сполько былъ пронуть ея положеніемъ, что шупъ же обѣщаль ей просимую помощь и исполниль обѣщаніе

свое чрезъ нѣсколько дней со всею возможною милостію, какой только мать моя желать могла: онъ далъ ей нѣсколько денегъ и открытый листъ, содѣржащій повелѣніе, что естли она опыщеть свою дочь въ его владѣніи, или въ Ганджѣ, которой Ханъ Шахверди соспоэль подь его властію, то немедленно бы ей меня возвратили, или по крайней мѣрѣ отдали за небольшой выкупъ, который она была бы въ состояніи заплатить.

Получивъ таковое повелѣніе, она приняла намѣреніе, чрезъ Ганджу отправиться въ Вагаршапатъ, отшуда въ пограничный Турецкій городъ Ахелциха, куда обыкновенно Горскіе хищники привозятъ своихъ плѣнныхъ для продажи, а тамошніе жители развозятъ ихъ въ другіе Турецкіе города и въ Египтъ. — На пути своемъ собирая подаяніе для моего изкупленія, прибыла въ Ганджу, гдѣ ходя по Армянамъ, испрашивала милоспыню и вмѣстѣ съ тѣмъ старалась развѣдывать обо мнѣ, рассказывая мое похищеніе, гдѣ и когда

оное случилось. Нѣкоторые похвалля добродушіе и щедрость Сафаръ - Бека, у коего я находилась, совѣтовали ей для изпрошенія таковой же милоспыни и дпи къ нему, говоря, что онъ конечно мнѣ въ ней не откажетъ, особенно по тому, что сговоренный къ женидбѣ сынъ его находится при смерти. Мать моя послѣдовала сему совѣту, и пришла къ дому Сафаръ-Бека. Находящіеся у него люди научили мать мою явиться ко мнѣ, называя меня невѣсткою моего хозяина, и что я сдѣлаю ей щедрое подаваніе ради облегченія отъ болѣзни нарѣченнаго мнѣ мужа. Мать моя, входя въ храмъ (женскія комнаты), въ первыхъ дверяхъ встрѣчается со мною. Будучи воспитываема Сафаръ - Бекомъ со всею попечительностію отца и въ законѣ Магомешанскомъ, я не токмо не ожидала встрѣтитися у него съ моею матерью, но бывъ разлучена съ нею еще 4 хъ лѣтъ со вѣмъ объ ней и позабыла. — Спаранія хозяина моего о воспитаніи моемъ дѣйствительно не были щещны; я чинила,

писала и говорила по Персидски столь хорошо, что и старшіе меня въ томъ мнѣ уступали; и всѣ вообще называли меня умницею. Мать моя, иначе могла говорить со мною, какъ по Персидски. Казалось бы, что ей, непомышлявшей во все найти свою дочь тамъ, куда пришла только за подавнiемъ, невозможно, или по крайней мѣрѣ трудно было бы узнать меня по прошествіи семи лѣтъ ошъ 4 до 11-лѣтняго возраста моего; но вмѣсто того, сердце ея узнало меня при первомъ на меня взглядѣ. — Тебя ль я вижу, любезная, потерянная дочь моя, вскричала она? — И забывая свое состояніе и то, что пришедъ просить милостыню, думала говорить не съ своею дочерью но съ дочерью богатаго и знаменитаго человека, обнявъ меня, прижала къ своему сердцу, и обливая лице мое слезами, въ чрезвычайномъ внутреннемъ волненіи, нѣсколько минутъ не могла мнѣ болѣе сказать ни одного слова; по томъ съ рыданіемъ продолжала: ахъ любезная дочь! Тебя похитили ошъ меня варвары; чшобъ

опыскашь тебя, я подвергалась всѣмъ опасностямъ, сносила терпѣливо голодъ, жажду, нагошу, и всегда уповала на помощь Божию и священномученика нашего Григорія, просвѣпившаго насъ свѣтомъ Евангелія Христова, — уповала, что я найду тебя, и упованіе мое совершилось; вѣра и надежда моя на милость и помощь Бога нашего не погибли впунѣ; узнай мать твою, — ты Христианка, изкуплена отъ первороднаго грѣха святою кровію Христовою и крещеніемъ во имя Его, ты не можешь забыть, что имѣла мать, которая учила тебя молишься во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣлимую; — узнай меня дочь моя и самое себя, не прельщайся своимъ состояніемъ; все здѣсь временно, и въ будущую минуту можетъ погибнуть все земное благо наше: послѣдуй примѣру Святой мученицы Рипсимы, которая опреклась быть супругою двухъ великихъ Царей *) и приняла смерть за

*) Историкъ Агаангель, бывшій Секретаремъ Армянскаго Царя Тридцата, пишетъ, что Рипсима съ прочими 37-ю

вѣру Христову; обратись и ты къ истинному Господу Богу твоему; и естли слышавъ тебя отпоргашь отъ него, пригошовъ тѣло свое на мученія и не спрашись смерти. Послѣ сего въ короткихъ словахъ приведя мнѣ въ примѣръ подвиги мучениковъ, спсавшихъ за Христа и получившихъ вѣнцы царствія Божія, въ заключеніе сказала: „я надѣюсь, что бѣдная одежда матери твоей и совѣты ея не будутъ тебѣ проливны — сердце мое богато любовію къ тебѣ и желаніемъ тебѣ блага и спасенія.“ — Къ счастію нашему, въ продолженіи болѣе четверти часа никто не помѣшалъ нашему разговору и не слыхалъ ни рыданій, ни разговора моей матери со мною. — Я не пони-

дѣнцями Христіанками, бѣжавъ отъ Діоклисіана, который хотѣлъ жениться на Рипсимѣ, укрывалась въ Арменіи. Діоклисіанъ узнавъ о семъ, писалъ къ Тридашу, чтобы онъ Рипсиму или прислалъ къ нему, или бы самъ на ней женился. Но Рипсима бывъ отыскана, по наставленіямъ старшей изъ нихъ Кананы отпеклась отъ всѣхъ предложеній и за то приняла мученическую смерть, въ лѣто отъ Р. Х. 282, всѣ, кромѣ двухъ Нуніи и Мани, кои удалились въ Грузію, и привели ее въ Христіанскую вѣру.

мала самое себя и находилась въ ея объ-
 япіяхъ, не сказавъ ей въ продолженіе рѣ-
 чи ея ни одного слова; но шомъ вдругъ
 какъ бы мрачный покровъ спалъ съ меня;
 я увидѣла новый свѣтъ, и новыя чувст-
 вованія наполнили сердце мое и душу. Въ
 пужь минупу вспомнила я младенчество
 мое, и даже то, что мать моя учила ме-
 ня молился во имя Отца, и Сына и Свя-
 таго Духа. Обнявъ крѣпко, прижала я ее
 къ груди своей; слезы мои лились ручьями
 и смѣшались съ ея слезами. „Я узнаю
 тебя мать моя и послѣдую за тобою! —
 Приготовляю плѣло мое на мученія и съ
 радостію приму смерть; поди скорѣй и
 дѣлай что должно, пока нарѣченный мой
 мужъ находится болѣнь и я свободна.“
 Такимъ образомъ проспаясь съ нею, дала
 ей всѣ случившіяся со мною деньги. —
 Она оставила меня поспѣшно, опасаясь,
 чтобы насъ не застали, и чтобы послѣд-
 нее несчастіе не было бы болѣе прежня-
 го. Бышедъ опъ меня, пошла она пот-
 часъ къ спаршему священнику нашему и
 пересказала все случившееся съ нею и у

кого меня нашла. — Онъ говорилъ ей съ начала, что славный Сафаръ-Бекъ по богатству своему столь силенъ, какъ левъ, что и самъ Ханъ Ганджинскій уважаетъ его и не можетъ ему ничего сдѣлать, и что кромѣ Бога никто не можетъ меня освободить отъ рукъ его. Онъ совѣщивалъ ей попробовать іцаспія ипши къ Шушинскому Хану просить его помощи, говоря, что онъ чувствителенъ къ несчастнымъ, весьма сирогъ, справедливъ и многимъ уже оказалъ по подобнымъ случаямъ милосердіе и помощь. Но когда мать моя объявила ему, что она уже имѣла отъ него открытый листъ, тогда сей добрый священникъ вспалъ и благословилъ Бога, сказавъ ей: дочь моя, я вижу, что Богъ съ тобою — поди — надѣйся на Него, — не бойся страха сильныхъ, и приступай къ дѣлу своему, чтобы спасти дочь отъ закона несправеднаго. Богъ шворящій чудеса, сохранившій опроковъ Вавилонскихъ отъ пламени, избавилъ и свою дочь и спасетъ ее отъ смерти; ты вспрѣмшишь затрудненія и

самыя опасности; но дерзай на все во имя Господа Иисуса Христа, не спрашись смерти, но паче радуйся, есѣли должно будешь принять ее за вѣру: старайся укрѣпишь въ подвигѣ семь и дочь твою; при чемъ, для подкрѣпленія духа ея, привелъ ей также многіе примѣры о подвигахъ Св. мучениковъ и мученицъ, и наконецъ сказалъ: „теперь поиди дочь моя въ церковь и принеси Господу теплыя твои молитвы, да благодать Его пребудетъ съ тобою, содѣйствуя тебѣ и укрѣпляя тебя въ опасностяхъ.

Получивъ таковыя наставленія, мать моя была на другой день въ церкви, и опслушавъ обѣдню, пришла къ намъ въ домъ, съ просительнымъ письмомъ Сафаръ-Беку, написаннымъ по Персидски.

Сафаръ - Бекъ, мой хозяинъ, какъ человѣкъ весьма милосливый, то опъ него дано было приказаніе служащимъ въ домъ, никому изъ приходящихъ къ нему съ просьбами, для изпрошенія какой-либо по-

мощи, не опказывать и допускать. По
 сему мать моя безъ всякаго заперудненія
 могла войти въ его покой. Упавъ къ но-
 гамъ его, подала ему свою просьбу, въ
 которой изобразивъ свои бѣдствія, мое
 похищеніе и труды, употребленные ею
 къ опысканію меня, просила его со сле-
 зами допустить ее видѣть меня, такъ
 какъ слышала она, что у него находится
 на воспитаніи одна дѣвица изъ Армянской
 націи, и что можетъ быть не узнаетъ
 ли она во мнѣ потерянной ея дочери. —
 Письмо написано было коротко и прога-
 тельно; но хозяинъ мой прочитавъ оное,
 сказалъ моей матери смѣясь: ахъ, ты
 безумная Армянская старуха! Какъ можно
 чтобы ты дочь твою, которую, какъ ты
 говоришь, потеряла четырехъ-лѣтнюю,
 могла узнать по прошествіи семи лѣтъ;
 видно, что у васъ у женщинъ нѣтъ ни
 какого разсудка. Мать моя не дослуши-
 вая далѣе его рѣчей, и заливаясь слезами,
 упала опять къ его ногамъ, и просила,
 чтобы позволилъ ей только взглянуть на
 меня, и что есѣли я дочь ея, которую

она ищетъ, то надѣется потчасъ узнать меня и докажетъ ему по признакамъ. Сафаръ-Бекъ на конецъ склонился на неопступныя ея просьбы и самъ пошелъ съ нею въ харамъ. Съ начала показывали ей всѣхъ дѣвицъ, какія только были у насъ въ домѣ по одиначкѣ, и самъ спрашивалъ со смѣхомъ: ну, не эпали своя дочь? — Мать моя отвѣчала: нѣтъ! — Напоследокъ показали и меня: остановясь на одно мгновение и устремивши на меня быстрый взглядъ, какъ бы въ первый еще разъ меня видя, потчасъ бросилась было ко мнѣ, чѣмъ обнять, но ее удержали и Сафаръ-Бекъ велѣлъ пересказать ему, какія я имѣю знаки, чѣмъ удостовѣриться, справедливо ли она признаетъ меня своею дочерью. — Мать моя немедленно пересказала ему все, что могло служить примѣтами на моемъ тѣлѣ. — Потчасъ меня освидѣтельствовали чрезъ женщинъ при мапери, и сказали хозяину, что она говорила правду. — Не смотря на сіе Сафаръ-Бекъ при всей добротѣ своей не хотѣлъ со мною расстаться, раздражилъ

ся тѣмъ до крайности и разбранивъ мою
 мать, называя ее дерзкою, обманщицею
 и прочее, приказалъ ее выгнать изъ до-
 ма. — Послѣ перваго свиданія моего съ
 нею, я съ несказаннымъ нестерпѣніемъ
 ожидала ея прибытія, дабы узнать, что
 она предприметъ къ моему избавленію. —
 Для сего я велѣла, чтобы о приходящихъ
 къ хозяину просить милостыню, доказы-
 вали бы и мнѣ, и сама безпрестанно за-
 шѣмъ присмапривала, а между мѣмъ при-
 готовляя себя ко всему, чтобы изъ того
 ни вышло, съ сокрушеннымъ сердцемъ мо-
 лилась Господу и святымъ мученикамъ. —
 Я видѣла, какъ мать моя пришла, и ча-
 стію слышала разговоръ ея и просьбы къ
 Сафаръ-Беку. — Тутъ я призвавши Бо-
 жію помощь, рѣшилась на все, и только
 что по приказанію Сафаръ-Бека мать мою
 спали выгонятъ, я пришедши внѣ себя,
 выбѣжала изъ моей горницы и съ огча-
 ніемъ закричала Сафаръ-Беку: „Хозяинъ!
 Это истинная моя мать! — Я узнала ее,
 почую законъ мой, въ которомъ ея рож-
 дена, — и вѣрую во имя Отца, и Сына, и

Святаго Духа; — дѣлайте со мною что хошите, но я не отрѣжусь отъ истиннаго Бога моего, не отстану отъ моей мапери, и готова съ нею за Спасителя нашего Иисуса Христа на всѣ мученія и на смерть; вы нарекли меня быть женою вашему сыну; но я таковою не буду — что вы намѣрены со мною дѣлать — дѣлайте скорѣе и я готова умереть.“ — Сафаръ-Бекъ пришедши отъ сего во все неожиданнаго вызова въ большее еще раздраженіе, обратился къ моей мапери и кричалъ на нее: „какъ ты осмѣлилась негодная дерзкая женщина съ своимъ морщиннымъ гнуснымъ лицомъ, придти въ палаты мои, и обольстить эту невинную дѣвушку? — Волъ тебѣ какое я сдѣлаю рѣшеніе: ты будешь наказана публично и брошена въ мрачную тюрьму, гдѣ не увидишь ты дневнаго свѣта и изпаешь отъ голода и жажды.“ — Онъ тотчасъ приказалъ служителямъ своимъ связать ей руки, вести чрезъ главные улицы въ ханскую тюрьму, и тамъ посадить ее въ самое мрачное мѣсто, по-

ка онъ увидишся съ Ханомъ , а по доро-
гѣ бить палками. Я пришла въ ужасъ
отъ сего варварскаго повелѣнія , кричала
хозяину , чѣмъ меня не разлучать съ ма-
терью , и что я хочу съ нею вмѣстѣ пре-
терпѣвать мученія за Господа Бога мо-
его — и повпоряла съ воплемъ , что ни
служанкою его , ни женою сына его не
буду , и не хочу оспаться заблужденною
во мракахъ закона его ; но желаю при-
нять мученія и смерть за вѣру Хрисі-
анскую. Видя мать мою связанную и вле-
комую по безчеловѣчному его повелѣнію
въ шеницу , я рвалась за нею — но Са-
фаръ-Бекъ поспѣхъ приказалъ взять ме-
ня , бросить въ погребъ , и не давать мнѣ
ни пищи , ни ѣсть , пока не раскаюсь въ
моей дерзости , не откажусь отъ мапері
моей и отъ намѣренія послѣдовать за
нею.

Между тѣмъ болѣзнь сына его день
отъ дня усиливалась — такъ , что онъ
находился при смерти. — Сафаръ - Бекъ
занявъ будучи всѣми попеченіями объ

немъ, не имѣлъ времени думать ни объ матери моей, ни обо мнѣ. Прошелъ уже цѣлый мѣсяцъ, какъ я находилась въ ямѣ или подвалѣ, брошенная на голой землѣ, куда однако приносили мнѣ каждый день нѣсколько пищи и воды, а иногда брали и въ покой. — Собственное положеніе мое, сколько ни было тягостно, но я думала единственно объ моей матери; ея мученія раздирали душу мою и я, конечно не перенесла бы столь долго сего тѣлеснаго и душевнаго мученія; но святыя примѣры, приведенныя мнѣ матерью, подкрѣпляли мой духъ, и увѣренность, что спрдація сіи принимаемъ мы съ нею за Спасителя нашего и за Святую вѣру Его, наполняли сердце мое утѣшительными чувствованіями. Я молилась Богу только подкрѣпить меня въ шаковомъ подвигѣ, за который должна буду получитьъ вѣчное блаженство, и со всемъ не внимала нѣмъ увѣщаніямъ, утѣшеніямъ и даже была нечувствительною къ нѣкоторымъ облегченіямъ въ положеніи моемъ, кои по приказанію Сафаръ-Бека, иногда мнѣ дѣ-

дали его люди. — На конецъ пришли взять меня изъ моего заключенія. — Я введена была къ Сафаръ-Беку, у котораго тогда находилось нѣсколько человѣкъ изъ самыхъ ближнихъ его пріятелей. Мнѣ напередъ сказано было отъ нѣкоторыхъ служителей, любившихъ меня, что сіи друзья его совѣтовали Сафаръ-Беку оставить мученіе и употребить ласку и всевозможныя милости, которыми, какъ надѣялись они, лучше можно убѣдить меня и обратишь къ прежнему моему разположенію. — „Она ужасно измѣнилась“ сказалъ Сафаръ-Бекъ взглянувъ на меня; посмотри въ зеркало: ты не узнаешь самое себя. — Неужели тебѣ лучше валяться въ ямѣ, считаешься дочерью бѣдной Армянки, и быть въ числѣ Армянъ, подданныхъ нашихъ, съ которыми мы можемъ дѣлать все, что хотимъ: нежели жить въ полномъ удовольствіи, пользоваться моею опеческою любовію и быть госпожею? — Послушай, любезная дочь моя! Ты можешь быть не забыта, что я купилъ Тебя у разбойникова, какъ неволь-

ницу, содержалъ тебя какъ собственное мое дитя; лелѣялъ тебя на груди моей со всею горячностію отца; — прилагалъ все стараніе о твоёмъ воспитаніи, просвѣтилъ тебя православною нашею вѣрою; ты одѣвалась всегда въ золотыя одежды и наслаждалась у меня всемъ благомъ, какое только можешь доставить человѣкъ такъ знашный и богатый, какъ я. Многіе искали щастія, чтобъ дочерей своихъ отдать за моего единственнаго сына, но это щастіе опредѣлилъ я тебѣ. — Онъ теперь при послѣднемъ концѣ — и на одрѣ своемъ лежитъ почти безчувственъ; при сихъ словахъ хозяинъ мой разпрогался и продолжалъ почти сквозь слезы. Можешь быть скоро уже я потеряю его на вѣки; но ты заступишь его мѣсто; я самъ старъ и также близокъ къ смерти, — ты будешь единственною наслѣдницею всего моего богатства, имени и славы моей. — Женщина, тебя обольстившая, которую ты называешь матерью, въ продолженіи сего времени, можешь быть уже изпаяла въ шемницѣ; а если жива, то

я велю ее освободить; дамъ ей пропитаніе и сдѣлаю щастливою; только ты обратись къ повиновенію, и прими съ признательностію благо, мною тебѣ предлагаемое. Обѣщаніе же мое, которое тебѣ сдѣлаю при сихъ друзьяхъ моихъ, я подтверждаю присягою и клятвою вонъ предъ симъ священнымъ Алкораномъ. — Выбирай теперь любое. “ Я ни мало не думал, отвѣчала ему, что помню всѣ благодѣянія его и благодарю за нихъ; но теперь не хочу болѣе ими пользоваться; не желаю ни богатства его, ни славы, но желаю остаться вѣрною Господу Богу моему и умереть за него; все то что онъ даетъ мнѣ, есть временное, какъ права изсохнешь на другой же день и можешь погибнуть; а то, что надѣюсь получить отъ Господа Іисуса Христа, есть вѣчное, что я не перестану исповѣдывать Свяшую Троицу Отца и Сына и Святаго Духа, и ни за что не отрѣжусь отъ матери моей Христіанки. — Сафаръ-Бекъ, раздраженный отвѣтомъ моимъ, обратился къ друзьямъ своимъ: видите ли, что ни

какое милосердіе не дѣйствуетъ на эпихъ безчувственныхъ и неблагодарныхъ пварей. И пошчасъ приказалъ снятъ съ меня плащъ, въ которомъ я была, и надѣтъ на меня самый толстый миткаль, въ которомъ обыкновенно погребають мертвыхъ; голову мою покрыли рубцомъ, связали руки крѣпко и босую повели въ пнорьму къ мапери. Мальчишки по улицамъ, можетъ быть нарочно къ тому приготовленные, кричали идучи за мною: это дочь сщарой Армянки; она отрекается отъ нашей святой вѣры и хочетъ быть Армянкою. Такимъ образомъ на дорогѣ дѣлали мнѣ всякія ругательства и сопровождали побоями. Приведя меня на тюремный дворъ въ ханскую конюшню, привязали къ столбу; попомъ вывели ко мнѣ изъ шемницы мапъ мою и привязали къ другому столбу, а меня начали бить одни по лицу, другіе по головѣ, иные плевали на меня, произнося по повелѣнію своего господина ругательства, словомъ дѣлали все, что было имъ угодно. Ожидая, что мапъ моя сжалась на мои му-

ченія будетъ уговаривать меня покориться волю нашего мучителя. Но она на прошивъ того подкрѣпляла меня переносить оныя для имени Христова и вѣчнаго блаженства, говоря: потерпи, любезная дочь моя, Богъ съ нами, онъ намъ дастъ терпѣніе и силы перенести всѣ муки. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на всю мою молодость, я такъ была тверда, какъ камень, и нечувствовала ни посрамленія, какое дѣлалось мнѣ посреди народа, ни побой, и, словомъ сказать, я въ разсужденіи всего того была совершенно мертвая; душа моя занята была единственно любовью ко Христу и святой вѣрѣ его. Я спокойно отпѣвала матери моей: не бойся мамушка, я не отстаю отъ тебя; притѣсненія ихъ я не чувствую, и они ничего изъ меня не вымучатъ. Матери моей оказаны были сугубыя жестокости; и такимъ образомъ провели мы свои сутки: привязанные къ столбамъ и принимая отъ служителей хозяина моего различныя ругательства и побои. Намъ пищу приносили такую, какой не даютъ и соба-

камъ. Однако мы были не голодны; нѣкоторые чувствительные люди пыхонько приносили намъ хлѣба, пшена и сыру.

Приключенія наши съ матерью уже извѣсны были въ городъ всѣмъ отъ малаго до большаго. Сынъ Сафаръ - Бека между тѣмъ по удивительному промыслу Божию ни выздоравливалъ, ни умиралъ; болѣзнь его не могла уже быть сильнѣе; онъ во все это время, болѣе мѣсяца, лежалъ безъ всякаго движенія, томясь между смертію и жизнью. — Отецъ потерявши надежду увидѣть его выздоравливающимъ, желалъ уже одного конца. Друзья его будучи благоразумнѣе, собрались къ нему и совѣщали чѣмъ насъ освободить, говоря: эта дивная болѣзнь съ своимъ сыномъ, конечно есть Божіе наказаніе, и, можетъ быть, за мученія, какія ты дѣлаешь старухѣ Арминкѣ и ея дочери; лучше освободи ихъ и принеси эту жертву для облегченія сына своего. Можетъ быть Богъ за это помилуетъ его и не лишитъ тебя единороднаго своего

наслѣдника котораго ты смертію и мученіями сихъ несчастныхъ воскресить не можешь. Еспьли уже эта дѣвка опьказывається отъ всего благополучія и рѣшилась терпѣливо переносить швой мученія за свою вѣру, то оставь ихъ съ покоемъ. Подумай хорошенько объ этомъ: весь городъ знаетъ, что ты напрасно мучишь двухъ невинныхъ; ты потеряешь доброе швое имя; швой благодѣянія, какія ты до сего дѣлалъ несчастнымъ, забудутся въ памяти людей; тебя будутъ называть мучителемъ, ты лишишься и сына, и будешь разкаиваешься въ напрасной и несправедливой швоей жестокости. По крайней мѣрѣ испытай наши совѣты, которые дѣлаемъ тебѣ отъ усердія и искренней къ тебѣ дружбы. Ты всегда можешь ихъ убить, и шеперь и послѣ, но неспыдно ли будешь тебѣ, почтеннѣйшему и первому въ нашей области человѣку, оказывать власть и мщеніе надъ слабыми женщинами. Сафаръ-Бекъ склонился на ихъ совѣты, и тогда же послалъ насъ

освободить, но съ тѣмъ, чтобъ привести къ нему публично связанныхъ. — На семъ обратномъ пути мы сопровождаемы были отъ ребятъ тѣми же ругательствами, но едва ихъ слышали и не внимали ничему. — Насъ ввели къ Сафаръ-Беку въ собраніи всѣхъ бывшихъ у него друзей. — Онъ съ начала уговаривалъ мать мою, чтобъ оставила на меня свои требованія и совѣщала бы мнѣ признать его моимъ отцомъ и опасаться въ его законѣ, что онъ за сіе оставитъ ее у себя и будетъ беречь ее старослѣ. Мать моя съ твердостью опречлась отъ всего и сказала рѣшительно, что ни благодаренія его, ни мученія непобѣдитъ любви ея къ Богу и Святой вѣрѣ Христіанской. Сафаръ-Бекъ обратился ко мнѣ, и съ возможною ласкою уговаривая меня, повторялъ всѣ свои обѣщанія, а я повторяла ему свои отреченія, и тоже отвѣчала, что мать моя. Видя упорность нашу, онъ приказалъ насъ бить: мать мою и меня хлестали служители его большими масровыми прутьями

*) , а Сафаръ-Бекъ, казалось, съ яростію утѣшался нашимъ глухимъ стономъ. Друзья его вновь пронутые мученіями нашими убѣдительно просили его оставить свою жестокость, говоря: неужели ты въ самомъ дѣлѣ хочешь ихъ замучить и умертвить? ты видишь, что они готовы перенести все и даже умереть; они побѣдятъ тебя — и ты послѣ будешь мучиться совѣстію больше, нежели какое теперь дѣлаешь имъ мученіе; прослышавъ варваромъ, а кровь ихъ будешь вопишь на тебя къ Богу. — Убѣжденія сихъ великодушныхъ людей, и наше терпѣніе болѣе устыдили его, нежели пронули его чувствительность. Онъ противъ воли своей приказалъ прекратить насъ бить, а друзья его въ ту же минуту настаивали, чтобы онъ далъ намъ о свободѣ нашей бумагу и опустилъ бы съ милостію, дабы тѣмъ сколько можно загладить свою несправедливость, и чтобы мы не проклинали его. Сафаръ-Бекъ склонился уже

*) Масиръ, или Масро ое дерево, имѣетъ алые плоды, и спитъ какъ у шиповника.

на все, шопчасъ написалъ бумагу, приказавъ принести все мое платье и отдаван его мнѣ, прибавилъ къ тому на прощаніе наше сло піаспровъ. — Мать моя и я упали къ ногамъ его и благодарили за его милости. Равнымъ образомъ отдали нѣсколько поклоновъ его друзьямъ, которымъ единственно обязаны были за наше избавленіе. При всей жестокости, съ какою поступалъ со мною Сафаръ-Бекъ, ему горестно было расстаться со мною. Онъ самъ началъ уже просить у насъ милости, чшобъ мы оспались у него въ домъ и управляли бы въ немъ всѣмъ, или по крайней мѣрѣ не выѣзжали изъ города, говоря мнѣ: я тебя воспиталъ какъ дочь мою и не могу съ лобою расстаться; по крайней мѣрѣ, доколѣ я живъ, будь здѣсь въ городѣ, чшобъ я могъ тебя всегда видѣть и имѣть о тебѣ попеченіе. Въ самомъ дѣлѣ онъ говорилъ въ эту минуту отъ чистаго сердца, мы повторили ему со слезами благодарность нашу и общали оспаться въ городѣ.

Вышедъ отъ него, пошли мы съ матерью къ старому священнику, который давалъ ей предъ тѣмъ спасительныя наставленія, чтобы сохранишь вѣру свою. Священникъ сей, когда мать моя пошла отъ него къ Сафарь-Беку просить объ освобожденіи меня, подкупилъ одного извѣснаго ему Персіанина, чтобы онъ наблюдалъ и увѣдомлялъ его обо всемъ, что будетъ происходить съ нами, дабы могъ донести о томъ Патриарху, и пошому зналъ все, что мы претерпѣли. Онъ встрѣтилъ насъ съ радостнымъ лицомъ прославляя имя Божіе. — Къ приключенію нашему нужно было рассказать ему только самое послѣднее общительство. — Онъ совѣтовалъ намъ, что хотя Сафарь-Бекъ и расстался съ нами хорошо и общалъ оказывая покровительство, но это доброе его разположеніе скоро пройдетъ; природная жестокость возстанетъ въ душѣ его, и онъ подобно уязвленному змѣю будетъ преслѣдовать насъ со всею злобою. — Мы, говорилъ онъ, подъ ихъ властію — они могутъ дѣлать съ нами все;

на васъ выдумаютъ какое нибудь преступленіе — и подвергнуть можете быть большому бѣдствію, нежели какое претерпѣли; а чѣмъ избѣгнуть сего, надобно вамъ какъ можно скорѣе отсюда удалиться въ Вагаршапатъ, гдѣ вы будете безопасны; тамъ Патріархъ можете защитить васъ отъ всего. Онъ велѣлъ намъ потчасъ пристать къ какому нибудь Армянину и ни куда не выходить изъ его квартиры, пока онъ между тѣмъ приищетъ надежнаго челоѣка, проводитъ насъ до назначеннаго мѣста благополучно. По прошествіи нѣсколькихъ дней, доброй сей священникъ привелъ къ намъ тайно двухъ Армянъ, нанятыхъ имъ для нашего провожденія. — Дождавшись ночи, мы помолились Господу Богу усердно вмѣстѣ съ священникомъ, и отправились въ путь пѣшкомъ, будучи сопровождаемы его благословеніями. Армяне сіи зная хорошо тамошнія мѣста, гдѣ и какъ беречься отъ опасностей, дабы неопасна снова Лезгинцамъ, или другимъ разбойникамъ, повели насъ окольными дорогами, удаляясь

опять обыкновенной. Ночью пряпались въ каменьяхъ или оврагахъ, а упромъ, начиная продолжая пушъ, осматривались на передъ, не ѣдешъ ли, или нейдешъ ли кино. —

Идучи такимъ образомъ, дошли мы до озера Кегамъ, или Севанъ, на которомъ опъ берега верспахъ въ двухъ увидѣли на оспровѣ большой спаринной Армянской Монастырь. — Провожатые наши показали намъ пушъ развалины древняго города Кег-Аркунъ (что значить Царское Село), построенный въ древности Кегамомъ, Царемъ Армянскимъ и раззоренный до основанія Шахъ-Абасомъ. — Мѣстоположеніе пушъ пріятнѣйшее и особливо весною, въ которое время мы проходили. Ошдыхая на берегу озера, мы любовались окружающими насъ видами, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ горестію взирали на опуспошеніе споль прекрасныхъ мѣстъ, гдѣ Армяне подъ власпей законныхъ ови ихъ Государей жили благополучно. Провожатые рассказали намъ, что въ ономъ

озеръ вода сладка; рыбы великое множество, и чудесно то, что каждый мѣсяцъ раждаются новая рыба, со всѣмъ другого вида, такъ, что рыбы прошедшаго мѣсяца весьма рѣдко уже бывающъ видимы. Черезъ 12 дней прибыли мы чрезъ Герхъ-Булахъ, (что значить 40 изпочниковъ) въ Еривань, а отсюда въ Вагаршапашъ. Только что вступили въ предѣлы сего города, то въ первые почувствовали въ груди нашей свободу и могли дышать безъ спреха.

Бывшій въ то время Патриархъ Симеонъ, чрезъ Ганджинскаго Священника зналъ уже все, съ нами шамъ случившееся. — Онъ самъ позвалъ къ себѣ мамъ мою, принялъ насъ съ благоволеніемъ и обнадежилъ всегдашнимъ покровительствомъ. — На пожалованные отъ Сафаръ-Бека 100 піаспровъ, за уплатою провожавшимъ насъ Армянамъ договоренной цѣны, мы могли жить безъ всякой нужды довольное время. Между тѣмъ мамъ моя забошлась, какъ бы выдать меня за мужа

за добраго челоуѣка и чрезъ то устроили мнѣ пещорную жизнь. По прощесивіи въкощораго времени, въ томъ же году пріѣхалъ въ Эчміацынской монашхырѣ одинъ молодой челоуѣкъ, для поклоненія изъ области Мушъ *), Родомъ онъ былъ Хачикіадецъ, который жилъ издавна такъ какъ и онъ въ селеніи Варшенисъ. Аствацатуръ, какъ звали сего молодаго челоуѣка, былъ Мастеръ каменнаго дѣла. По сему Папріархъ Симеонъ, какъ былъ любитель Художествъ, желая удержати его у себя для пользы монашхыря, убѣдительною образомъ просилъ его остаться въ Ечміацинѣ, съ тѣмъ, что онъ по временамъ можетъ ѣздитъ на свою родину для свиданія съ родителами, а чемъ писадъ и къ нимъ. Какъ скоро онъ на сіе согласился, то Папріархъ, чтобы удержати его у себя на всегда, вознамѣрился его женить. — Обѣщавшись намъ

*) Провинція Мушъ, Курдустанской области, состоитъ подъ Турецкимъ владѣніемъ въ Малой Аріевіи. — Главный городъ Мушъ расположенъ на самомъ берегу Евфрата. Владѣютъ сею провинціею преемственно Ики-Туглу-Паша (т. е. дукъ-будущимъ) изъ рода Куртъ.

покровительствовашь, онъ въ награду за претерпѣніе наше, предложилъ ему въ невѣсты меня, и такимъ образомъ я выдана была за мужъ въ шомъ же году. Мужъ мой, а швой опецъ, построилъ для себя домъ и два года жили мы спокойно и благополучно. Мы имѣли одну только печаль о смерти моей матери, которая умерла на другой годъ. Но по прошествіи двухъ лѣтъ сдѣлалась у насъ тревога; разбойники спали опять дѣлашъ набѣги, а при томъ начались и междоусобныя безпокойствія. По сей причинѣ Ериванскій Ханъ велѣлъ жителямъ, для избѣжанія опасности, удалиться изъ селенія въ Синакскія горы на Южную сторону. Забравши наши пожитки, выѣхали и мы изъ дому въ Синакъ и прожили тамъ съ годъ. Здѣсь скорѣ родился старшій швой братъ. Въ теченіи года мяшежи успокоились совершенно и мы возвратились въ селеніе; но нашли такое раззореніе, что жители едва могли распознать мѣста своихъ домовъ. Все было разломано разбросано, сожжено, и едва только въ нѣкошорыхъ мѣ-

спяхъ спояли спѣны. Опець твой при-
 нужденъ былъ вновь спроишься и сдѣлать
 маленькой домъ. Но чрезъ два года съ не-
 большими, нѣкоторые изъ монашескующихъ
 причинили намъ новое безпокойство.
 Близость селенія отъ монастыря да-
 вала имъ способъ дѣлать не позволенные
 поступки. Патріархъ для отвращенія се-
 го изпросилъ у Ериванскаго Хана позво-
 леніе свести селеніе далѣе на 5 верстѣ.
 Нѣкоторымъ бѣднымъ Патріархъ сдѣлалъ
 пособіе деньгами. Здѣсь на новомъ посе-
 лѣніи, по прошествіи также двухъ лѣтъ
 безъ мала, родилась Гирикнась, швоя се-
 стра. Между тѣмъ опець, не знавши въ
 дому родителей своихъ никакихъ недо-
 статковъ и заботъ, переносилъ со мною
 всѣ безпокойства и нужды, спалъ ску-
 чалъ свою жизнь и задумывался. Опець
 его писалъ къ нему неоднократно и убѣ-
 дительно просилъ, чтобы онъ ѣхалъ къ
 нимъ и со мною, дабы они могли имѣть
 утѣшеніе его видѣть и въ его глазахъ
 умереть, обѣщаясь исправить всѣ его ну-
 жды и оплатить долги, какіе бы онъ ни

надѣлалъ. Но какъ по опасности дороги
опъ насилій и грабежей, никакъ нельзя
было ѣхать со мною, а оставишь меня
онъ не хотѣлъ, по сіе и было претѣп-
ствіемъ удовлетворишь желанію его ро-
дителей и желанію собственно нашему,
чтобъ удалишься къ нимъ, какъ въ спо-
койное убѣжище и гдѣ могли бы мы жить
въ полномъ удовольствіи; ибо отецъ его,
а твоей дѣдъ, былъ человѣкъ богатой. Ме-
жду тѣмъ печали и заботы сокрушали его
здоровье. Онъ сдѣлался боленъ и напо-
слѣдокъ не могъ уже совершенно попра-
виться. Мы не имѣли ни опъ кого ника-
кой помощи; не было у насъ никакого прі-
ятеля, и никто даже не утѣшилъ насъ
хотя бы однимъ словомъ. Вся надежда
наша была обращена къ одному Богу шу-
рами моими доставала я дневное пропи-
таніе, а отецъ твой въ теченіе послѣд-
нихъ двухъ годовъ съ великою нуждою,
да и по рѣдко, могъ заниматься своею
работою. На 10 году моего замужства,
1774 Апрѣля 20, въ самую спрасную
Субботу вечеромъ родился ты. — Спа-

рики и спарухи наши таковое время твоего рожденія сочли чудеснымъ и чрезвычайнымъ. — По стариннымъ примѣтамъ и сказкамъ присудили, чтобъ я непременно взяла отъ жертвенной перваго дня Пасхи скопины кость лопатку, и положила бы къ тебѣ подъ головы до 7-ми лѣтняго возраста, отъ чего по предсказанію ихъ, долженъ ты быть весьма мудрымъ и славнымъ человекомъ. Хотя я была уже 22 лѣтъ, но такъ лестное и утвердительное о твоёмъ рожденіи мнѣ спариковъ, заставило меня вѣрять имъ; со всею простотою ребенка по крайней мѣрѣ я боялась, чтобъ въ самомъ дѣлѣ не упустилъ твоего счастья и легко приняла суевѣрное ихъ наставленіе, которое дѣлали они мнѣ прорицательнымъ голосомъ, и, даже повелительно. Лопатка была взята и положена тебѣ въ головы; но послѣ, по прошествіи шрехъ годовъ, я думала о дѣйствіи сей кости противное предсказанному, и изтолча бросила ее въ рѣку. Крещеніе твое надлежало совершить на другой день, т. е. въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, но

какъ мы съ опцомъ своимъ находились уже въ крайней бѣдѣ, то и не могли для того справиться такъ скоро. Пришомъ же онъ въ болѣзни своей уже такъ былъ слабъ, что едва могъ ходишь по горницѣ, а я послѣ родовъ не могла скоро собраться съ силами *) Нѣкоторые уже изъ сосѣдей, видя наше положеніе, помогли намъ въ шомъ, и, какъ я замѣтила, то усердіе ихъ на сей разъ происходило отъ почщенія къ чрезвычайному, по мнѣнію ихъ, рожденію своему; и такъ окрестили меня въ слѣдующее Фомино Воскресеніе *); при семъ случаѣ и самъ даже священникъ непреминулъ поздравить меня съ своимъ рожденіемъ и вмѣстѣ съ другими пророчилъ о своей премудрости и знаменности. Между тѣмъ отецъ мой въ продолженіи послѣднихъ 4хъ мѣсяцовъ отъ рожденія своего будучи уже тяжко

- *) Женщина родильница, по нашему обычаю, прежде шести недѣль не можетъ ходишь со двора днемъ; кромѣ вечера, когда скроется солнце; и ни кто во все это время не будетъ ѣсть изъ ея рукъ или приготовленной ею пищи.
- *) Я собственно для себя замѣтила, что въ Фомино Воскресеніе забавлялась мать моя отъ Сафаръ-Бека.

болѣнь, Іюля 24 умеръ, оставя меня съ вачи одну переносить всѣ бѣдствія ужасной бѣдности. Горесть моя тѣмъ была сильнѣе, что въ немъ имѣла я единственнаго друга; лишившись его, мнѣ не съ кѣмъ уже было раздѣлять печалей. Мы утѣшали одинъ другаго и чрезъ то доставляли сами себѣ нѣкоторыя минутныя отрады. Старшій братъ швой былъ въ это время близъ 7 ми, а сестра 5 хъ лѣтъ. Предавши землѣ тѣло покойнаго отца швоего, я должна была думать о способахъ къ продолженію моей жизни и къ вашему воспитанію. — Второе замужство могло бы поправить мое сосполніе и мнѣ еще можно было очень надѣяться выйти замужъ за какого нибудь пожилаго достаточнаго вдовца, если бы была я легкомысленнѣе и менѣе бы любила васъ, но я въ разсужденіи сего не обольщала себя никакими надеждами и думала, что я согрѣшу предъ Богомъ, если послѣдую бывъ женою другаго мужа, проживъ съ первымъ девять лѣтъ и имѣя уже отъ него прехъ дѣтей. Богъ далъ мнѣ мужа,

я любила его и онъ меня любилъ; Богъ его взялъ, но любовь мою къ нему должна я сохранить въ сердцѣ моемъ на всегда и только для васъ. Вопчимъ не можешь васъ любить, какъ родной отецъ; а когда будушь другіе дѣши, то и возненавидишь васъ. Женитса на вдовѣ для богатства, но я кромѣ нищеты неимѣю ничего; для красоты — но лучшая красота моя прошла; она увяла, опъ труда и печали, какъ цвѣтокъ опъ морозовъ; — для любви, моя любовь въ могилѣ — для дѣшей, но я имѣю уже проихъ. Такъ разсуждая сама съ собою, я вспомнила о пипицѣ Керункъ и привела себѣ ее въ примѣръ: потерявъ свою пару, она не шокмо не ищеть другой, но и удаляется опъ спада; уединенна изнуряеть себя около береговъ и наконецъ умираеть. Такое посполнство и терпѣніе въ пвари, неодаренной разумною и безсмертною душою, не должны ли наиболѣе соспавлять качесльвъ челоука, — превосходнѣйшаго твореніа Божіа, — нежели проотивною почу слабостію унижались нате безсловѣсныхъ.

И такъ я избрала единственное средство, чтобы тяжость состоянія моего сносить терпѣливо, рѣшилась собрать къ тому всѣ душевныя мои силы, просить всегда Бога о подкрѣпленіи моего терпѣнія и снискивать пропитаніе для себя и для васъ трудами. Днемъ шкала ковры, вечеромъ пряла бумагу, — и съ помощію домашняго хозяйства, цѣлые пять лѣтъ по милости Божіей я жила съ вами безъ всякой нужды и даже порядочнѣе нѣкоторыхъ достопочтовыхъ нашихъ людей. — Но по прошествіи сихъ пяти лѣтъ, (въ 1779 году) разрушено было опять спокойствіе жителей. Грузинскій Царь Ираклій, поспребувалъ отъ Ериванскаго Хана дани; но онъ въ томъ ему отказалъ. Ираклій собралъ войско и пошелъ на Ериванъ войною. При всшупленіи его въ область Араратскую, Патріархъ Симеонъ вышелъ ему на встрѣченіе въ деревню Ашшаракъ, *) и употреблялъ всевозможныя убѣжденія отклонить его отъ сего предпріятія,

*) Ашшаракъ отъ Вагаршапата приѣздно върсахъ въ ео-река.

представляя ему, что пребуемая имъ дань и опказъ Хана во вся не спомнѣя того, чтобъ вести за то войну, пребующую великихъ издержекъ, и крови многихъ тысячъ людей; что онъ посмареется употребить посредство свое склонить Хана къ удовлетворенію его требованія и надѣется въ томъ успѣшь; но Ираклій не внималъ ни чему; восемь самыхъ богатыхъ Армянскихъ селеній удалились къ Балзигу на Турецкую границу, а прочіе по Христіанству приняли сторону Ираклія. Папріархъ пакы употребилъ свое посредство при деревнѣ Паракаръ; но и на сей разъ оно оспалось безъ всякаго успѣха. Ираклій началъ непріятельскія дѣйствія сирѣдленіемъ изъ пушекъ противу крѣпости; но сіе не произвело въ Персіанахъ ни малѣйшаго страха; они отвѣчали ему со смѣхъ однимъ насмѣшками. Ираклій опвергнувши совѣтъ Папріарха, принужденъ былъ опспань опъ своего намѣренія и проотивъ воли. Наспупающая зима грозила ему погибелю всего его войска опъ снужи и голода. Неудача сія раздражила

его до жестокости; онъ оказалъ ее особливо надъ Армянами, которые хоща и полагали на него всю надежду, что онъ избавишь ихъ отъ ига Персидскаго, и для сего оказывали ему всякое при семь случаѣ усердіе и сдѣлались бунтовщиками прошиву своихъ власпелиновъ. Ираклію казалось мало разорить только ихъ, которые остались при своихъ селеніяхъ; но разослалъ своихъ чиновниковъ уговорить удалившихся къ Балзигу возвращишься къ своимъ мѣстамъ, и поставляя порукою Папріарха, увѣрялъ, что онъ пришелъ въ обласъ ихъ единственно для ихъ освобожденія; что ни о чемъ такъ не думаешь, какъ о ихъ благосостояніи и будешь прилагать о томъ всевозможныя попеченія; и на конецъ, чтобы они опложа всякой страхъ, возвратились въ свои дома. Несчастные, убѣжденные поручительствомъ Папріарха, къ которому имѣли полную довѣренность и любовь, прибыли къ своимъ мѣстамъ, только для того, чтобы содѣлаться жертвами самыхъ ужасныхъ насилій. Кромѣ нашего селенія

Вагаршапата и еще нѣсколькихъ ближайшихъ къ Эчміацыну деревень, заключившихся для безопасности въ крѣпость монастыря *), всѣ прочіе были раззорены, или сожжены; имѣніе разграблено; бѣдные и богатые ошведены плѣнными въ Тифлисъ и раздѣлены Иракліемъ между его Князьями. — Но этого еще не довольно: не смотря на то, что и Персіане при всѣхъ грабительствахъ своихъ ни когда не касались мѣстъ священныхъ и уважали храмы, — воинство Ираклія раззорило и ограбило всѣ монастыри и церкви на Аракатской горѣ и въ другихъ мѣстахъ находившіеся, такъ, что кромѣ пуспыхъ спѣвъ ничего въ нихъ не оспалось. Папріархъ Симеонъ, заключивъ Вагаршапскихъ жителей въ Монастырскія спѣвны, просилъ Ираклія не раззорять нашего селенія, обѣщаясь удовлетворить всякому его шребованію, что имъ и было исполнено. Между многими другими его шребованіями, даны ему отъ Папріарха знаш-

*) Крѣпости сей прежде не было, а построена попеченіемъ Папріарха Симеона.

ныя денежныя суммы, и такимъ образомъ Папріархъ спасъ насъ отъ того бѣдствія кошорому подверглись всѣ прочіе Армяна, и каковаго не прешерпѣли еще ни при какихъ безпокойствахъ и грабежахъ со стороны вторженія Лезгинцовъ, и прочихъ горскихъ разбойниковъ. Изъ числа плѣнныхъ, взятыхъ Иракліемъ, большая часть слѣдовала за нимъ въ самомъ ужасномъ сосшоаніи; они не имѣли ни одежды, ни обуви, все у нихъ было опнято и ограблено, многіе погибли на дорогѣ отъ голода, а многіе спаслись бѣгствомъ приведенные же въ Тифлисъ, одни разсѣлены были по разнымъ самымъ опаснымъ мѣстамъ отъ разбойниковъ, а другіе розданы Князьямъ и прочимъ Грузинскимъ дворянамъ, коихъ они называютъ нынѣ своими крѣпостными *), и стараясь ли-

*) Армяне были и есть всегда всѣмъ невольны, и прислуживаютъ имъ нѣкошорые въ крѣпость со всѣмъ неправильно, не имѣя на то ни какихъ документовъ, да и бытъ оныхъ никогда не можешь. Турки никогда Армянъ не покупають, что строго у нихъ запрещено, а Грузинцовъ продавають обыкновенно какъ и прочихъ невольниковъ.

ищѣ свободы, угнѣпали ихъ всякими притѣсненіями и не рѣдко до крайности.

Сіе произщесловіе уподоблялось нѣкоторымъ образомъ преселенію Вавилонскому и естѣли не превосходило, то и ничѣмъ неуступало раззореніямъ, учиненнымъ Шахъ Аббасомъ попому, что при плѣненіи Вавилонскомъ пощажено было человѣчество, и плѣнные Іудеи можешъ бытъ не претерпѣли того, что претерпѣли Армане, опъ глада, нагошы и проч. а въ послѣднемъ случаѣ и святость храмовъ оспалась неприкосновенною и уваженною *). Слѣдствія сего раззоренія были не менѣе плачевны поля остались въ запустѣніи и опъ того цѣлые два года продолжалась такая дороговизна, что

*) Персіане храниъ всякой религій, не смотря на разность закона, уважающъ сколько, сколько должно уважить мѣсто, посвященное богу и молишванъ. Шахъ Аббасъ, при своемъ нашествіи, повѣсилъ въ Эчміадинѣ богашую лампу которая и до нынѣ тамъ находилась. Нынѣшній Шахъ (или Шахъ-Зада) бывъ въ Эчміадинскомъ Монастырѣ, вѣшелъ въ храмъ не иначе, какъ входятъ и въ свои мечети, скинувъ въ преддверіи туфли, и повелѣвъ напередъ полъ храма устлать драгоценными коврами.

Лидеръ (10 фунтовъ) хлѣба, продавался 15 піаспровъ на Турецкіи деньги, да и того взявъ было негдѣ. По сему бѣдные и богатые приведенные въ бѣдность, должны были пипашься быліями и умирашь съ голода.

Папріархъ Симеонъ носилъ въ душѣ своей сіи язвы народа. Всеобщее бѣдствіе людей, изпаявавшихъ въ глазахъ его опытъ глада; разхищеніе имѣній и раззореніе храмовъ Божіихъ повергло его въ жестокую скорбь. Казалось, что неусыпныя его попеченія и благоразуміе, полагали пвердыя основанія благосостоянію народа Арминскаго: онъ употреблялъ къ тому всѣ средства и усилія, и народъ ощущалъ уже въ довольной мѣрѣ благодѣтельные плоды по истиннѣ пастырскаго его управленія; но Царь Ираклій, шакъ сказать, въ одинъ часъ и однимъ ударомъ разрушилъ все. — Повсюду видны были слѣды запустѣнія, нищеты и губительства; а оставшаяся часть народа представляла не людей, но образъ изпомненныхъ скипающихся пѣней. — Всѣмъ примѣтны были внутрен-

нія мученія Папріарха, что онъ не въ силахъ былъ удовлетворить нуждамъ цѣлаго народа и облегчить бѣдственный ихъ жребій. — Впрочемъ онъ дѣлалъ все, что только было въ его возможности, и явно изливалъ изъ сердца своего прискорбныя чувствованія, кои споль были сильны, что онъ, какъ добрый пастырь, напередъ отдавъ Господу опочоу въ дѣлахъ своихъ и въ управленіи ввѣреннаго ему спада, просилъ о прекращеніи жизни его. Часто съ горькими слезами представлялъ онъ, что стараясь тщательно соблюсти, устроить и сдѣлать благополучнымъ сколько возможно малое спадо свое, не можетъ перенести наспигшаго насъ жребія и при семъ возклидалъ къ Богу, что онъ не виненъ въ крови овецъ, опъ Него ему врученныхъ; что онъ полагалъ за нихъ душу свою, но не въ силахъ былъ спасти опъ волковъ, кои ихъ разхищили и разтерзали. Къ сему несчастію присовокупилось еще другое для Папріарха чувствительное обстоятельство, что нѣкоторые изъ націи нашей, отдалившись

опъ вѣры опцовъ своихъ, утвержденной на Никійскомъ Соборѣ, и сдѣлавшись Папистами, или Езуитами, спарались развращающъ слабыхъ, и ложными своими умствованиями, коихъ цѣлю единственно былъ обманъ и корысть, совращающъ простосердечныхъ деревенскихъ жителей съ истиннаго пути.

На конецъ печали сіи, изнурившія душевныя и тѣлесныя его силы, по прошествіи 8 мѣсяцовъ прекратили его жизнь. Тѣло сего достойнѣйшаго пастыря погребено съ прочими Папріархами въ Монастырь Св. Мученицы Каіаны и сопровождаемо было всеобщими рыданіями. Сею пошерею нещастіе наше усугубилось несравненно. Народъ лишился въ немъ единственной опоры, защитника и самаго ревностнаго попечителя нашей вѣры *).

*) Папріарха Скизона по справедливости можно почесть членомъ по Просвѣщеніи Григоріѣ. — Онъ возобновилъ и устроилъ въ совершенномъ порядкѣ церковное служеніе, которое до того по разнымъ упущеніямъ въ рукописяхъ приведено было въ большое неустройство; усовершенствовалъ типографією своею прежнія ошибки и сдѣлалъ ихъ

Послѣ него вступилъ на Патріаршій престолъ Архіепископъ Лука изъ города Каринъ, (по Турецки Арзрумъ), въ это время уже ты былъ на 8мъ году. Я намѣрена была употребить всѣ силы, обучить тебя грамотѣ и ввести въ духовное званіе, чтобъ ты содѣлавшись наконецъ служителемъ церкви, молился Богу объ опущеніи грѣховъ твоихъ родителей, надѣясь при томъ, что ты будешь мнѣ подпорою въ старости моей и спашешь поддерживать брата твоего и сесипру. — Я прибѣгла къ монастырскому переплешчику, нашему сосѣду, и просила его со слезами, чтобъ онъ взялся тебя выучить грамотѣ. Онъ охотно на это согласился, но съ великимъ трудомъ могла я для ученія твоего сыскать доску *).

написанные сохранялъ вѣчной порядокъ и будущъ свидѣтельствовъ какъ великихъ его дарованій, такъ и приверженности къ службѣ божіей и церкви. — Равнымъ образомъ прилагалъ онъ неусыпное стараніе о благосостояніи народа, выписывалъ нужныхъ художниковъ, ободрялъ всякія полезныя мастерства и дѣлалъ всѣ нужныя пособія.

*) Азбуку учать у насъ на доскѣ изъ дерева грецкихъ орѣховъ, на кошорой учились писать буквы тушью. За ученье

Ты учился весьма прилѣжно и въ продолженіи одного года могъ уже чипать очень хорошо и отвѣчать на многіе вопросы о вѣрѣ на память. Ты спалъ славись въ нашемъ селеніи; всѣ тебѣ завидовали, потому больше что ты былъ сынъ самой бѣдной вдовы, между тѣмъ какъ дѣти нашихъ богатыхъ людей не знали грамоты и не учились. Староста нашей деревни Карапешъ былъ человекъ очень доброй и одинъ почти онъ принималъ въ тебѣ участіе, одобрялъ мое спараніе и по добротѣ души своей радуясь успѣхамъ твоимъ въ ученіи, оказывалъ намъ покровительство. Но не смотря на то, по происшествіи нѣкотораго времени, одинъ изъ десятильниковъ, у котораго сынъ былъ совершенно безсмысленной и ни къ чему неспособный, кромѣ простой полевой работы, изъ зависти сталъ не рѣдко отвлекать те-

блаты твои; а по праздникамъ родители дарятъ того человека чѣмъ могутъ. Сверхъ того ученикъ дѣлаетъ у него въ домѣ все, какъ крѣпостной работникъ. Вообще учителя поступаютъ съ своими учениками самовластно и часто наказываютъ ихъ самыми широкими и безчеловѣчными образамъ.

бя опть ученя и посылашь на работы. Тогда я принуждена была сравнятьсѣ съ ребятами, и вмѣсто тебѣ исправляла все то, что тебѣ дѣлать заставляли, давая тебѣ способъ продолжатъ свое ученье. Но когда, къ несчастію нашему, покровитель нашъ Карапетъ померъ, то управлявшій въ то время деревнею, одинъ изъ духовнаго званія, по имени Калустъ, изъ деревни Ашпаракъ, человѣкъ жестокосердой, котораго душа исполнена была злобы и ненавиденія, опредѣлилъ на мѣсто Карапета староспою Сагака, человѣка совершенно глупаго, который безпрестанно говорилъ самъ не зная что. — Никогда и ни кто кромѣ безполковаго и глупаго вздора, ничего опть него неслыхалъ. Онъ каждое утро, вставая рано, ходилъ на сборное мѣсто только за тѣмъ, что бы стоя, или ходя, молоть что только на языкъ ему попадется и ругать тѣхъ, кого могъ онъ обижать. Спрашивая изъ бѣдныхъ то иного, то другаго, поспавлялъ за удовольствіе поносить безчесными словами ихъ самихъ, или родственниковъ ихъ

кого ему вздумается; прочіе старшины и богатые люди деревни нашей были неумнѣе его, или очень мало, словомъ сказать, что ни добраго нрава, ни здраваго разсудка почти со всѣмъ не имѣли. — Въ одно время, когда я исправляла за себя работы и была за то отъ десятиника очень обижена, пришла къ Сагаку съ жалобою, и объясняя ему мою обиду, просила его оказать мнѣ съ сиротами отъ припѣсненій защиту, но онъ вмѣсто того закричалъ на меня съ бранью, для чего я нейдуча за мужъ, и выгналъ меня вонъ.

Съ тѣхъ поръ перенося на себѣ всѣ трудности и обиды съ терпѣніемъ, я избавляла чрезъ то себя отъ всѣхъ огорченій; собирала съ поля остатки пожинаемаго хлѣба; трудилась день и ночь, чтобы достать вамъ пищу, и нѣсколько разъ принимала побои, публичныя ругательства и насмѣшки, ожидая только того, что когда ты въ состояніи будешь читать въ церкви, тогда уповала я найди въ людяхъ нашихъ честь и видѣть

тебя въ покоѣ и уваженіи. — Но изверги
опіяли у меня и сію послѣднюю надежду
злоба и зависть ихъ, какъ шы видишь,
еще болѣе умножилась. Они вздумали по-
губить тебя, приготоуля тебѣ ядъ и
изошря на тебя кинжалы свои. Ахъ! лю-
безный сынъ мой! Тебѣ ничего больше
не оспается дѣлать, какъ положившись
на покровишельство Божіе, удалишься
отсюда. Возьми крестъ, одѣнься въ воло-
сяную одежду пустынниковъ и ищи себѣ
убѣжища, гдѣ найши можешь. Я ничего
больше не могу для тебя сдѣлать, какъ
только молишься, чѣобъ Богъ далъ тебѣ
перпѣніе и помогъ войши въ какой ни-
будь монастырь съ швоею бѣдностію *)
Неослабъвай въ упованіи на Бога, и иди
въ слѣдъ Христа Спасителя нашего. Онъ
сказалъ, кто не оставитъ отца и мать
свою ради Его, тотъ не достоинъ Его. —
Я рассказала тебѣ произшествія жизни

*) Бѣдному почти невозможно, или весьма трудно попасть
у насъ въ Монастырь. Туда принимаютъ только доста-
точныхъ, или по покровишельству какого внесетъ бога-
тѣго человека что со мною и случилось.

моей для того, чтобы мои страдания, терпѣнныя мною съ матерью моею для любви Божіей, и помощь Его, оказанная въ избавленіи насъ отъ разныхъ бѣдствій, послужили тебѣ примѣромъ и утвердили тебя въ томъ упованіи что Богъ всегда силенъ; можетъ возвѣсти падшаго, воскресить умершаго, и отъ камени воздвигнуть семя Авраама. Мы взяли отъ земли и обратимся въ землю. Вѣкъ нашъ пройдетъ подобно тѣни и какъ мимо текущая вода, а съ нею и всѣ печали наши. Настоящая жизнь наша есть странствование и путь, на которомъ съющіе слезами пожнутъ радостию въ будущей вѣчной жизни. — Не желай ничего, кромѣ терпѣнны и нелицъ отъ вѣры другихъ успѣшеній, кромѣ любви и упованія на Бога, будь вѣренъ до смерти и ожидай награды только въ будущемъ вѣкѣ. — Не огорчайся давищимъ приключеніемъ. Богъ накажетъ обидѣвшихъ и наградитъ тебя за твою невинность. Помни сіи мои наставленія, и мои происшествія и страданія поставь себѣ примѣромъ; утверди

ихъ въ твоей памяти и сердцѣ. Сохрани Христианскую вѣру, которой обучаютъ тебя; я даю тебѣ сіе завѣщаніе и естъли ты сохранишь его, то будешь благословенъ отъ Бога.

Послѣ сей исторіи мать моя осыпала меня жарчайшими поцѣлуями и прижимая къ сердцу своему, продолжала утѣшая меня и совѣщавать чѣмъ надѣялся на помощь Божію. — Въ продолженіи разговора ея, я, такъ сказавъ,пилъ мои слезы; старшій мой братъ и сестра плакали не меньше меня. — Такимъ образомъ провели мы весь вечеръ за полночь. На слѣдующее утро весьма рано, когда еще не разсвѣпало, мать моя услышала стукъ у воротъ и по голосу узнала того десятиника, кому приказано было отъ старшины смотрѣть за мною. — Не предвидя изъ прихода его ничего добраго, мать моя не прежде его впустила, какъ по тихоньку выведи меня на дворъ и скрывши въ сухомъ коровьемъ навозѣ, который обыкновенно запасается у насъ на зиму для

люпки печей. Взошедъ въ герницу, топчась спросилъ меня. Она отвѣчала ему, что я пошелъ учись. Не за долго предъ шѣмъ временемъ, мать моя тайно отда- ла меня для ученя къ другому доброму человѣку, для того, что у прежняго моего учителя всегда за мной караулили, чпобъ ушацишь на работу, коль скоро меня увидяшь. Десятникъ не зная о перемѣнѣ моего учителя пошелъ къ сосѣду, но ненашедъ и памъ, возвратился къ спаростѣ съ ошвѣпомъ, что нигдѣ меня не нашолъ. Только, что онъ вышелъ опъ насъ, то мать моя топчась послала меня къ новому моему учителю. Сей доброй чело- вѣкъ, будучи свидѣтелемъ сдѣланнаго со мною на канунъ поступка, весьма объ ономъ соболѣзновалъ; зная же и прежде завистъ и не доброжелательство нашихъ богатыхъ людей и начальниковъ, при малѣйшемъ сомнѣнн, что меня ищутъ, или караулятъ, прячялъ такъ же въ коровій навозъ, или въ хлѣву въ сѣно. Но на сей разъ сдѣлалъ большую неосторожность, отпустивъ въ полдень домой обѣдашь,

полагая, что тогда всякой сидитъ съ своимъ семействомъ за столомъ и я могу идти и возвратиться безопасно. Но вышло на прошивъ. Староста будучи огорченъ опивѣтомъ десятиника, и угрожающа ему самому наказаніемъ, приказалъ, чтобъ непременно меня опыскалъ и привелъ къ нему. — Собственная опасность подвергнуться наказанію, заставила его подумать о семъ хорошенько. — Дождавшись обѣденнаго времени, онъ пришелъ къ намъ на угадъ, и къ несчастію нашему не ошибся. Я не успѣлъ еще окончить обѣда, какъ онъ вдругъ прямо взошелъ въ горницу и съ злобною радостію закричалъ на меня: а! попался: — вотъ мы выучимъ тебя по своему! и съ бранью укоряя, что онъ долженъ бы былъ терпѣть за меня наказаніе; билъ меня по щекамъ и палкою по плечамъ, угрожая при томъ: сколько еще я долженъ буду терпѣть наказаній отъ его рукъ. — Бѣдная мать моя не могла въ защищеніе мое ничего другаго сдѣлать, какъ только говорила ему съ рыданіемъ, что она желаетъ и проситъ Бога уви-

дѣть , чтобъ и съ его дѣтьми было по-
сшуплено такимъ же образомъ , и чтобъ
они остались сиротами безъ покровитель-
ства и въ такомъ же угнѣщеніи , какъ и
несчастной меньшей сынъ ея Артемій.
Десятникъ на сіи слова остави меня , об-
ратился къ ней , и ударивъ нѣсколько разъ
по лицу , схватилъ ее за волосы и па-
скалъ , приговаривая , что какъ она осмѣ-
лилась ему пропивиться и говорить такъ
дерзко ; а если хочеть защищать сво-
его сына и сдѣлать его ученымъ : то са-
ма бы за него работала все , что онъ ее
заставилъ и приказывалъ ей взявъ Тагу-
чакъ *) идти за нимъ вмѣстѣ со мною
къ старостѣ . Мать моя просила его убѣ-
дительно пощадишь насъ и чтобъ онъ не
прогаль ее хотя поплъ день , говоря , что
ей не на кого оставилъ малолѣпныхъ
дѣтей и дому своего , что если она не
будеть имѣть времени дѣлать на себя ,
то намъ ни кто ничего не дастъ и не

*) Железо на подобіе каменщичьего кирка , насаженное на
длинной палкѣ , аршина въ полтора , чѣмъ пользуются у насъ
вправу , расшущую между хвощатой бумагой .

принесетъ ; что мы по малолѣтству не въ состояніи еще сами себѣ доставать пропитаніе, и что она исполнивши тѣмъ днемъ свои нужды, пойдетъ на работу завтра ; но ни слезы, ни вопли брата и сестры моей ни мало не пронули сего изверга. Онъ принудилъ мать мою слѣдовать за собою, таща ее за волосы. Будучи ожесточена до крайности и вышедъ изъ терпѣнія, ударила она десятичника пагучакомъ въ голову и прошибла до крови. Десятникъ и безъ того будучи человѣкъ жестокой, таковымъ поступкомъ матери моей приведенъ былъ въ совершенную ярость; прибилъ ее до полусмерти и бросилъ на улицѣ почти въ безпамятствѣ ; но неудовольствуюсь симъ, пошелъ уже не къ старостѣ, а къ самому управляющему деревнею Калусту, и жалуюсь на поступокъ матери, представлялъ ему о ее неповиновеніи; что она ни сама не хочетъ ходить на работы, ни дѣтей своихъ не посылаетъ, а думаетъ только о томъ, что бы насъ сдѣлать учеными, отдавши одного сына учиться башмачному

мастерству, а другаго грамотѣ. Калустъ въ это время былъ въ Кали, (родъ овина, гдѣ у насъ очищаютъ пшеницу.) По повелѣнію его, челоѣкъ шесть изъ его служителей, потчасъ пошли и припачили къ нему мать мою за волосы. Калустъ лишь увидѣлъ ее, то съ звѣрскимъ ожесточеніемъ закричалъ на нее: какъ осмѣлилась она неслушаться десятника и оказавъ неповиновеніе къ повелѣніямъ его, какъ главнаго начальника и управляющаго всѣмъ селеніемъ, и кто далъ ей право неисправлять съ прочими работъ, какія ей приказываютъ, и спараться только о томъ, чѣмъ дѣши ея были ученые. — Мать моя избитая и почти изувѣченная, едва уже могла говорить; однако отвѣчала ему съ подобострастіемъ слѣдующимъ образомъ: милосивѣйшій господинъ! (погда, какъ онъ немилосердѣе былъ тигра,) я бѣдная вдова, ничего не имѣю, кромѣ того, что доспану моими трудами; нѣтъ у меня ни какой помощи и покровителя, и не отъ кого мнѣ получить даже добраго совѣща; дѣши мои малолѣтны, сами

ничего доставать себѣ еще не могу. Я должна ихъ воспитывать; а естли я буду всякой день ходить на ваши работы, то получая за цѣлой день только двѣ пары, по нынѣшней дороговизнѣ не шокмо для дѣшей, но и для себя не могу доставать столько хлѣба, чшобъ быть сытою. Я одна, и не шокмо ни кто не принесетъ имъ хлѣба, но и присмотрѣшь за ними и за домомъ не кому. Окажите лашу милость мнѣ и несчастнымъ моимъ сиротамъ: дайте мнѣ облегченіе, пока они придутъ въ возрастъ, тогда мы общими силами вознаградимъ то, чего я не могу шеперь дѣлать для васъ одна, — и сію просьбу свою заключила жалобою на десятичника. — Калустъ смотря на нее съ адскимъ ослабленіемъ, вмѣсто того, чшобъ убѣдиться справедливою ея жалобою на десятичника и оказать ей защиту въ копорой неопказали бы въ подобномъ случаѣ и самые лютые звѣри, естли бы разумѣли голосъ человѣческой; осыпавъ ее ругательскими, неприличными ни званію его, ни полу матери моей, за то, что

осмѣлилась она отвѣчать предъ нимъ, приказавъ съ совершеннымъ хладнокровіемъ привести сильнаго человѣка и принести кярмасы *). Приказаніе его тотчасъ было исполнено. Привели дюжого мужика, который взявъ мать мою за руки, держалъ ее крѣпко на своихъ плечахъ, а другіе били ее до тѣхъ поръ, пока у ней во все уже не спало голоса и все плащье на ней было смочено кровью. Я слѣдовалъ все за нею и былъ свидѣтелемъ оказанныхъ надъ нею жесточайшихъ тиранствъ Чипапели мои, еслили могутъ, пусть представлятъ, каково при томъ было мое положеніе, и можно ли во всей подсолнечной указать на народъ большой люлости.— Не больше ли это значить того, что дикіе, которые по образу и жизни своей походятъ болѣе на звѣрей, чѣмъ своихъ непріятелей?

Такимъ образомъ насытившись кровью матери моей, спланили ее въ домъ также

*) Дерево гибкое и не толще какъ въ палецъ изъ которыхъ дѣлають чубуки; еслили намазать ихъ масломъ, то они будутъ мягки какъ пальцы и не ломаются.

за волосы. — Она споль сдѣлалась опасна въ жизни, что въ потъ же день приобщили ее святыхъ тайнъ. Въ семъ трудномъ положеніи находилась она съ мѣсяць, а съ постели могла встать не прежде, какъ по проществіи трехъ мѣсяцовъ. Между тѣмъ я, мой братъ и сестра, каждый день были гоняемы на работы, и нѣкоторые уже изъ сосѣдей, шакъ какъ мать моя имѣла у себя скопину и домъ, сжалившись надъ ея спраданіями и нашимъ безпомощнымъ сиротствомъ, приходили исправлять домашніи наши нужды, когда мы сами всего исправить не успѣвали. Не смотря на малолѣтство и труды, какія я долженъ былъ переносить въ будничныя дни недѣли, по воскресеньямъ тайно уходилъ къ моему учителю и продолжалъ ученье. — Въ это время я почти одинъ поддерживалъ наше семейство. Бывая въ церквѣ по праздничнымъ днямъ, и съ тѣхъ поръ, какъ выучился читать, я съ величайшимъ вниманіемъ примѣчалъ порядокъ церковнаго служенія; имѣя же хорошую память, многое изъ онаго зналъ наизусть.

Священники меня любили за мою распробность. Ходя на работу и съ работы, я каждый день заходилъ по къ тому, по къ другому, и доставалъ отъ нихъ: хлѣба, сыру а иногда и деньги. Они брали меня съ собою на похороны, крестины и на другія шребы; при чемъ я исправлялъ должность дьячка и получалъ отъ того нѣкоторой доходъ. — Впрочемъ случалось со мною не одинъ разъ и то, что полученные за полевые работы деньги, иногда дней за десять, были у меня отнимаемы, по приказанію нашихъ богатыхъ людей и начальниковъ. Напримѣръ: узнавъ кто идетъ съ деньгами, прикажутъ десятнику его остановить, и подъ предлогомъ, что будію бы корова, или другая скопина его вошла въ ихъ поле, и поправила пшено, потребуютъ заплатить за убытокъ; и такимъ образомъ поступали они со многими бѣдными людьми.

Въ продолженіи помянутыхъ шрехъ мѣсяцовъ, какъ мать моя съ трудомъ еще только могла бродить по горницѣ, умеръ

торговавшій въ нашей деревнѣ наѣздомъ Арминскій купецъ Айвасъ, изъ города Астабаба, что въ Нахичеванской провинціи Персидскаго владѣнія. Такъ какъ онъ не имѣлъ дѣтей наслѣдниковъ: то по праву монастыря посланъ былъ отъ Паптіарха Луки Архимандритъ Карапетъ, для взятія на монастырь находившагося при немъ имѣнія послѣ его погребенія. — Я тотчасъ воспользовался симъ случаемъ и выбравъ время, когда въ церкви кромѣ священнослужителей никого изъ постороннихъ не было; пришелъ въ церковь; читалъ по усопшемъ псалтырь, и что слѣдуетъ пѣлъ при служеніи Архимандритомъ панихиды. Замѣтивъ мою способность спросилъ онъ: кто я и какихъ родителей хочу ли быть принятъ въ монастырь и находиться у него въ услуженіи. Удовлетворивъ его вопросамъ о моемъ состояніи, я съ радостію принялъ его предложеніе идти въ монастырь и цѣловалъ его руку. Онъ сказалъ мнѣ, чтобъ я совершенно былъ въ томъ надеженъ. Пришедъ домой, я рассказалъ сіе обстоятельство

матери. Она обрадовалась до несказанности и со слезами благодарила Бога за низпослание любезному ея сыну такого благополучія. По погребеніи умершаго, Карапешъ объяснивъ Патріарху обо мнѣ и способностяхъ моихъ, просилъ его, чтобъ принять меня въ монастырь. Патріархъ на сіе согласился, и я чрезъ нѣсколько дней былъ шуда взявъ получивъ отъ матери благословленіе и подтвержденіе ея наставленій. Мнѣ было тогда 10 лѣтъ.

Карапешъ родомъ былъ изъ города Арашкеръ, Турецкаго владѣнія. Хотя онъ оказалъ мнѣ по моему положенію величайшее благодѣніе, но я счишаю необходимымъ сказать объ немъ справедливо, не нарушая впрочемъ должнаго уваженія къ его памяти, и благодарности, копорою ему обязанъ, и копорою до днесь его поминаю. Онъ былъ человѣкъ очень доброй; или по крайней мѣрѣ въ семъ смыслѣ лучшій многихъ другихъ. Онъ, сколько могъ я замѣтивъ, во все не былъ прилепленъ

къ суешамъ мира; ни какія страсти не возмущали спокойствія души его: онъ только любилъ изобильно и по вкусу наполнять себя пищею. — Я также не имѣлъ въ ней недостатка; всегда былъ сытъ въ полной мѣрѣ; но только объ ученіи моемъ совсѣмъ было забыто. Я ни чего другаго не дѣлалъ собственнo для Карапета и ничему неучился, кромѣ того, какъ приготавливалъ для него кушанье; занимался иногда чтеніемъ священнаго писанія, и имѣя много свободнаго время, записывалъ для памяти исторію моей матери, и предшествовавшія ей обстоятельства. — Жители города Арапкера, мѣста рожденія Карапета, говорятъ отличнымъ и нѣсколько смѣшнымъ нарѣчіемъ, пропиту чистаго Армянскаго языка, и въ пищу имѣютъ господствующимъ спранный и жесткой вкусъ. У нихъ не бываетъ ни одного почти блюда безъ дикаго перца. Арапкерцы приготавливаютъ изъ него даже особенный соусъ и употребляютъ его иногда такъ, какъ употребляютъ другіе салатъ или огурцы, обмакивая только въ

соль. Словомъ сказать, что ни одинъ народъ не можетъ вкушать итакъ сильной или лучше сказать палящей горечи и въ шакомъ большемъ количествѣ, какъ Арапкерцы. Карапепъ говорилъ тѣмъ же нарѣчіемъ, имѣлъ вкусъ къ перцу, и кушанья его въ изобиліи онымъ были приправляемы. Я удивлялся, какъ такія яспвы не съѣдали его внутренности, когда отъ одного къ нимъ прикосновенія слезала у меня съ губъ кожа, а запахъ поражалъ обоняніе. — Прочіе Архимандриты и монашествующіе въ разсужденіи кушанья его и нарѣчія смѣялись надъ нимъ; а вспрѣчаясь со мною, никогда не пропускали говорить указывалъ съ насмѣшкою: вошъ служитель такого-то. — Какъ бы то ни было: а я два года провелъ съ нимъ совершенно спокойно и въ довольствіи. — Но по прошествіи двухъ лѣтъ, Карапепъ, по надобностямъ монастырскимъ былъ посланъ въ Баязитъ, что въ Курдусманской области. Онъ не хотѣлъ оставить меня въ монастырь ни у кого; и по дозволенію Патріарха отдалъ въ наше село къ старшему Пропіо-

попу Гавріилу, съ шѣмъ, чтобъ онъ со-
держалъ меня, продолжалъ мое ученіе и
берегъ, за что обѣщаль ему по возвраще-
ніи заплапшть за все съ благодарностію. —
Но Протопопъ удовлетворилъ его довѣ-
ренности весьма худо. Онъ былъ изъ чи-
сла тѣхъ же людей, кои не имѣють ни-
какой чувствительности, кромѣ жесто-
косердія. Въспо ученія, по большой ча-
сти употреблялъ меня въ работахъ по
обыкновенію прочихъ учителей; а когда
давалъ уроки, то при чтеніи онаго на
изусупъ, естли случалось ошибиться хоть
въ одномъ словѣ, наказывалъ, или спра-
ведливѣе сказать, мучилъ меня, такъ какъ
и прочихъ учениковъ своихъ безъ мило-
сердія. Кромѣ жестокихъ побоевъ, какихъ
доброй хозяинъ не сдѣлаетъ никогда и
скопинѣ, запиралъ въ курятникъ, или въ
конюшню, сушки на двои безъ пищи. —
Такимъ образомъ до возвращенія Архиман-
дрипа, моего благодѣтели, изерпѣлъ я оупъ
Священника различными неистовства безъ
мала два года.

Между тѣмъ въ продолженіи сего времени, отъ возвращенія Ираклія изъ подѣ Еривана, чрезъ три года и именнѣ въ 1785 году, Омаръ, Ханъ Лезгинскій, собравъ войска своего до 30000 человекъ, пошелъ на Грузію. Проходя многія области и селенія, прибылъ въ мѣстечко Маданъ, гдѣ находились золотые и серебряные рудники. Царь Ираклій укрѣпивъ нѣкоторыя свои мѣста, пошелъ пропавъ Лезгинцовъ имѣя при своемъ войскѣ до трехъ сотъ Рускихъ самыхъ лучшихъ людей, и прибылъ въ мѣстечко Садахлу, разстояніемъ отъ Маданы на полтора часа. Армяне, Грузинцы и Греки ближайшихъ селеній, со всѣмъ своимъ имуществомъ и семействами вошли въ укрѣпленные мѣста Мадана, чѣмъ защищаться соединенно отъ Лезгинцовъ. Жившіе собственно въ Маданѣ при рудникахъ, большею частію Греки, плашившіе Ираклію дань золотомъ, серебромъ, мѣдью и свинцомъ, просили его, чѣмбы поспѣшилъ освободить ихъ отъ нашествія злодѣевъ; но Ираклій сдѣлалъ только то, что приблизился къ Мадану

еще на полчаса, намѣреваясь опсправить къ Омару своего воина, имнемъ Офпандила, для заключенія съ нимъ мира; а начальникъ починушаго Рускаго войска просилъ его, чпобъ позволилъ ему съ своими прѣмя спами дать Лезгинцамъ сраженіе и разбишь ихъ; но Ираклій на сіе не согласился, говоря, что еще не время. Лезгинцы между тѣмъ взяли Маданъ приступомъ, побии множество людей, а остальныхъ со всѣмъ имущесвомъ и богатствомъ увели въ Турецкой городъ Ахельцега; послѣ чего обрапились паки къ крѣпости Вахамъ. Ираклій, узнавъ о сихъ произшествіяхъ, хотѣлъ воспрепятствованъ Омару и разположился не далеко опъ осажденной крѣпости, но также ничего не сдѣлалъ; а Лезгинцы взяли и сію крѣпость, побии не мало людей а другихъ увели въ плѣнь. Послѣ сего Омаръ Ханъ, пробывъ въ Ахелцега всю зиму, взялъ обратный путь чрезъ Ериванскую область. Проходя чрезъ тамошнюю деревню Аштаракъ, поймалъ нѣсколько человекъ садовниковъ изъ Армянъ; однихъ убилъ, а

другихъ повелъ съ собою къ городу Шуши, откуда возвратился уже въ свои мѣста. — Во время сихъ безпокойствъ селеніе наше Ашпаракъ, въ томъ числѣ и наше семейство около двухъ мѣсяцовъ находились въ Ериванской крѣпости.

По возвращеніи Карапета, я былъ взятъ обратно въ монастырь. Жаловаться на протопопа Гавріила было дѣло бесполезное; я зналъ, что Карапетъ не можетъ, слѣдственно и не будетъ мстить ему за меня, и потому радовался только его возвращенію освободившему меня отъ злодея. Въ сіе время въ монастырь приложено было обо мнѣ спараніе. — Меня учили прилѣжно церковному пѣнію по нотамъ восьми гласовъ. Я читалъ уже Апостольскія дѣянія наизусть, и по оказываемымъ мною успѣхамъ, которыми я обязанъ особенно хорошей моей памяти, многіе изъ духовныхъ досадовали на то, что я нахожусь у Карапета, и что онъ кромѣ спрянни, по его горькому вкусу, ничему не въ состояніи меня учить. Про-

шло около года, какъ не встрѣчалось со мною никакой непріятности. Но въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1787 въ Субботу на канунъ праздника воздвиженія креста Господня, постигло меня самое болѣзненное приключеніе.

Во время служенія всенощной, не справясь по Церковному уставу, что въ праздникъ сей пѣніе стиховъ должно быть другое, сдѣлалъ ошибку, начавъ пѣть обыкновенные стихи, и поправился уже тогда, когда пропѣли на другомъ крылосѣ. Архимандритъ Карапетъ хотя самъ смыслилъ весьма не много и безъ сомнѣнія сдѣлалъ бы тоже, однако ошибку мою принялъ очень къ сердцу. По выходѣ изъ церкви, онъ догнавъ меня, схватилъ съ оспервененіемъ за руки и ударилъ чрезъ плечо о плиты, устланныя по дорожкамъ шакъ сильно, что я лишился всѣхъ чувствъ, и лежалъ, какъ сказывали мнѣ, около часа, пока узнавъ о семъ другіе, пришли и на рукахъ ошнесли къ нему въ келью. Глаза мои наполнились кровью, шакъ, что

чрезъ прои сѹпки я совершенно былъ слѣпъ, пальцы на рукахъ всѣ были разшибены и я весь былъ окровавленъ. Мать моя узнавъ о семъ несчастномъ со мною приключеніи, не смогла на успавъ, запрещающій женщинамъ входить въ монастырь, кромѣ двухъ разъ въ году въ определенное время, ворвалась туда и взошедъ въ нашу келью, пришла въ совершенное опечаленіе, увидѣвъ меня въ такомъ положеніи, что и узнать почти было не можно. Она кричала на Карапеша, называя его и всѣхъ монаховъ тиграми и безчеловѣчными; что она восплакала сына своего и перепла для него всѣ нужды и мученіи не на томъ концѣ чтобы они убили его, и требовала, возвратишь меня ей также здоровымъ, какимъ взяли: словомъ сказать что она надѣлала въ монастырь множество шуму. Обстоятельство сіе тотчасъ дошло до Патріарха, и мать мою безъ дальняго слѣдствія приказали выгнать вонъ изъ монастырской крѣпости, съ тѣмъ чтобы впредь туда ее не впускать, а Карапешу сдѣланъ былъ выго-

воръ. Боля обо мнѣ всею душою, обливаясь горькими слезами и наполняя воздухъ воплемъ, ходила она около стѣнъ монастыря, доколѣ не пришла отъ того въ совершенное изнеможеніе, что послѣ пересказывала она мнѣ сама; я же — въ то время, находился въ безпамятствѣ, и около двухъ мѣсяцовъ не вставалъ съ постели. — Меня лѣчили прилѣжно: глаза мои поправились скоро; на руки прикладывали пласпырь и пальцы совсѣмъ зажили, кромѣ одного. — Для испытанія оному причины, приложили на него мясо рыбы Кармирахайпъ, которая будучи въ пищу превкусная, имѣетъ въ наружныхъ средствахъ такое дѣйствіе, что безъ всякаго нагноенія и почти безъ боли, съѣдаетъ мясо, такъ, что обнажитъ кости и жилы. Посредствомъ чего увидѣли, что составъ указательнаго пальца на лѣвой рукѣ былъ раздробленъ и повреждена жила. Надобно было сыскать костоправа. Меня отправили съ монастырскимъ служилемъ въ Ериванъ къ одному Армянину по имени чи Рсвазу, жившему въ Армян-

ской слободѣ Кондѣ, т. е. высокой холмъ. Ревась считался тамъ повѣреннымъ монашья; онъ былъ хорошій масперъ мѣднаго и серебрянаго дѣла, зналъ также другіе художества и былъ человѣкъ весьма не глупой и основательной. — По прибытіи въ Ериванъ къ Ревазу, я былъ столь еще слабъ, что не иначе могъ стоять на ногахъ, какъ опершись на что нибудь. — Надобно было ѣхать въ Герхъ-Булахъ, отъ Еривана верстахъ въ 40, о кѣпоромъ помянуто выше, и гдѣ находился извѣстный въ то время костоправъ. Дорога была вся почти чрезъ горы и весьма затруднительна. Ревазъ принимая во мнѣ участіе, не хотѣлъ подвергнуть меня трудностямъ сего пути и писалъ къ костоправу, чтобы онъ пріѣхалъ въ Ериванъ; но онъ будучи человѣкъ старой, не согласился принять безпокойства, шѣмъ болѣе, что дорога кромѣ трудностей сдѣлалась еще и опасною отъ разныхъ разбойниковъ. По сей причинѣ я прожилъ въ Ериванѣ слишкомъ мѣсяцъ. На другой же день по прибытіи моемъ къ

Ревазу, случилось у него много гостей, между коими находилось человека при священниковъ. — Ревазъ узналъ отъ монашескаго служишеля, что я хорошо учился и какія имѣлъ способности. По сему священники захопѣли меня видѣть. Послѣ обѣда, когда всѣ гости собрались въ садъ, позвали и меня. Они сдѣлали мнѣ вопросъ о Христіанской вѣрѣ. Стоя прислонившись къ дереву, я въ отвѣтъ прочиталъ имъ все то, что только было мною выучено наизусть. Сей отвѣтъ мой продолжался очень долго, ибо я, по болѣзненному состоянію моему, скоро пришелъ въ такое разслабленіе, что перечиталъ имъ, какъ сказать по одной только привычкѣ языка, всѣ слѣдующія за тѣмъ вопросы и отвѣты, не чувствуя и не понимая не только того что я говорилъ, но и самого себя. Гости замѣтивъ на послѣдокъ мою слабость, остановили меня, обласкали и велѣли отвести въ покой. По весьма ограниченному просвѣщенію тамошняго народа, я показался имъ больше, нежели ребенкомъ, и даже необыкновен-

нымъ. Во все время, бытности моей у Реваза, я пользовался благоеклонностями и ласками какъ хозяина такъ и гостей его, часто посѣщавшихъ его домъ. — На послѣдокъ, когда я довольно оправился въ моемъ здоровьѣ, а дорога сдѣлалась ошъ разбойникова нѣсколько безопаснѣе, Ревазъ отправилъ меня въ Герхъ-Булагъ съ собственнымъ своимъ служишелемъ. Палець мой былъ уже заросши, но косто-праву показалось не хорошо; онъ положилъ, что для исправленія надобно его снова сломать, что и сдѣлалъ онъ во время моего сна. Почувствовавъ вдругъ ужасную боль, я испугался до того, что одному только провидѣнію Божію должно приписать, что я со всѣмъ не помѣшался въ умъ. Сей костоправъ былъ въ самомъ дѣлѣ чезовѣкъ довольно искусной и показалъ въ томъ многіе опыты; но съ моимъ пальцомъ поступилъ неудачно, и вмѣсто исправленія сдѣлалъ еще хуже, нежели какъ онъ былъ. — Какъ бы то нибыло, я выздоровѣлъ, возвратился къ Ревазу и желалъ тамъ остаться; но по

повелѣнію Патріарха прислали меня взятьъ я отказался туда ѣхать, объявивъ, что послѣ учиненнаго со мною тиранскаго пошупка, не могу болѣе быть въ монастырѣ. За мною прислали въ другой разъ и взяли меня противъ воли. Въ обратной путь поѣхали мы чрезъ деревню Паракаръ, гдѣ въ близъ лежащей горѣ находится мыльная глина, которую бѣдные люди употребляютъ вмѣсто мыла. По прибытіи въ монастырь, на вопросъ: хочу ли остаться въ монастырь, я отвѣчалъ то же. Преподобные опцы вздумали изшоргнуть мое согласіе насиліемъ. Они приказали меня бить по слѣдамъ жидкими и гибкими палками. Это обыкновенное у насъ наказаніе; которое производится большою частію такъ жестоко, что наказываемый лишится и голосу и памяти. Оно называется Фалаха, и дѣлается такимъ образомъ: на длинную палку привязывается по срединѣ веревка обѣими концами и составляетъ петлю, въ которую вложатъ ноги того, кого хотѣтъ наказывать, завернутъ палку такъ круто, что

никакъ уже ногами пошевелитъ не можно, и что причиняетъ шакже жестокую боль, палку держашъ двое поднявши почти въ грудь; между шѣмъ наказываемый лежитъ на полу или на землѣ на взничъ, а претѣй сечетъ ноги. — Въ продолженіе моего наказанія повшоряли спрашивать меня, хочу ли оспасться въ монастырѣ; но я рѣшилсѣ вышерпѣтъ все и опрѣкалсѣ ошъ монаховъ. Такимъ образомъ опдѣлавшисѣ ошъ ихъ преподобій, я благодарилъ Бога, что не былъ убишъ и замученъ до смерти. Меня выполкали изъ монастыря сѣ безчестіемъ, и я возврапился въ Вагаршапатъ къ своей матери, что производило въ 788 году весною, около Маіа мѣсяца, когда у насѣ стоить прекраснѣйшее время. Я былъ тогда 14 лѣтъ.

Управлявшій сопскій, десяпникъ и прочіе злые люди весьма обрадовались, что я по прежнему попалсѣ въ ихъ когти. На другой же день по приходѣ моемъ къ матери, весьма рано, когда мы еще спали, десяпникъ пришелъ за мной

и повель на работы, изъ коихъ между прочимъ занимался и канканною работою *), въ копорыхъ и упражнялся я два года почти всякой день, кромѣ воскресныхъ при сѣвѣ пшеницы ходилъ *мучить воду*; гонялъ птицъ при хлѣбномъ посѣвѣ; работалъ при сѣвѣ хлопчатой бумаги; обрѣзывалъ виноградныя сучья; жаль хлѣбъ, рѣзалъ солому, и словомъ: исправлялъ всякія сельскія работы по моимъ силамъ. Сверхъ того въ рабочее время лѣтомъ, послѣ полудня, обыкновенно посылаемъ былъ съ быками и буйволами на поле, для кормленія ихъ; при чемъ должно было за ними смотрѣть; чѣмъ не ѣли травы, такъ называемой юнга, которая сѣется нарочице *). По воскреснымъ же днямъ,

*) Кликанъ работа, есть изкопаніе колодцовъ, посредствомъ коихъ отъ высокихъ, или холмовыхъ мѣстъ, проводятъ на поля подъ землею воду. Таковыя колодцы и проводимыя ими сообщенія до желаемого мѣста, по чрезвычайной влакости и плоскости вообще тамошняго глинянаго грунта земли никогда не осыпаются, и могутъ называться вѣчными.

*) Трава сѣя косится въ лѣто по три раза, и употребляется въ кормъ только сухая, ибо скошенная набившись ея сокой съ корня, раздуется и лопнетъ не менѣе нежели чрезъ

а иногда и послѣ работы, когда только могъ, тайно ходилъ ко второму моему учителю продолжая ученіе, и къ священникамъ, съ которыми бывая при исправленіи ими разныхъ по духовенству пребѣ, доставалъ за то по нѣскольку денегъ. По прошествіи такимъ образомъ двухъ годовъ, учитель мой спалъ стараться, чѣмъ опредѣлить меня опять въ монастырь учиться переплетать книги. Похваляя мои способности, онъ представлялъ необходимую въ томъ нужду, ибо кромѣ его и перваго моего учителя другихъ мастеровъ не было. — По уваженію представленія его и по повелѣнію Папріарха, принявъ я былъ въ монастырь и назначенъ въ ученики. — Такая переменѣна весьма много обрадовала бѣдную мать мою, брата и сестру, а непріятелямъ нашимъ испортила много крови. — Я ходилъ съ масте-

часъ. Въ такихъ случаяхъ помогаютъ только тѣмъ, что насыпавъ обѣишейся скопинѣ изъ проходъ полченнаго перогоняютъ безпрестанно до тѣхъ поръ, пока ее очистишь. Юнга первоначально нѣмѣтъ довольно пріятной вкусъ, и молодые люди ѣдятъ ее стебель, очищая отъ листьевъ, которые довольно велики.

ромъ каждый день въ монастырь и учился переплетному мастерству. Кромѣ весьма изрядной и довольной пищи, которую я имѣлъ за общимъ столомъ съ мастерами и служащими при нихъ мастеровыми и рабочими людьми, получалъ жалованья въ мѣсяцъ по 50 паръ. Столъ раздѣлялся на двѣ части, за одинъ садились всѣ духовные, а за другимъ мастера и мастеровые люди, всего человѣкъ до трехъ сотъ, а въ другое время, при случаѣ прїѣзжающихъ на поклоненіе, бывало и до пяти сотъ кромѣ еще тѣхъ, кои занимаются полевыми монастырскими работами, которыми столъ давался особо. — Цѣлое лѣто провелъ я очень хорошо; а въ зимнее время никакой работы не производилось. Въ продолженіе же хожденія моего въ монастырь лѣтомъ, случилось увидѣть мнѣ тамъ весьма странное происшествіе. — Одинъ изъ прїѣхавшихъ поклонниковъ, богатый Армянскій купецъ, давалъ монашествующимъ обѣды, за которыми находился и я. По тамошнему обыкновенію, въ продолженіе шрапезы,

ни кто не смѣлъ говорить ниже одного слова, и всѣ должны внимать по ученію, или разсужденію на священное писаніе, читаемымъ съ кафедры однимъ изъ духовныхъ. Подобнымъ образомъ и въ тошъ разъ была читана особая рѣчь, съ присо-вокупленіемъ нѣкоторыхъ похвалъ означенному купцу за его усердіе и ревность. Но одинъ изъ Архимандритовъ, возвратившійся предъ тѣмъ временемъ въ монастырь изъ другаго Государства, гдѣ онъ находился по духовной своей должности при чтеніи означенной рѣчи, во время стола, завелъ разговоръ съ сидѣвшимъ подле него поварихомъ. Главный Архіепископъ съ кротостію замѣнилъ ему, что онъ будешь имѣть время наговориться и послѣ; но Архимандритъ изъ гордости пренебрегъ его запрещеніемъ и продолжалъ свой разговоръ. Послѣ стола Архіепископъ до несъ о томъ Патриарху и съ бѣднымъ Архимандритомъ сдѣлали фалаха- приговаривая въ продолженіе онаго: вошъ ты теперь имѣешь свободу не только разговаривать, но и кричать какъ

тебѣ угодно. По обыкновенію фалаха продолжалось довольно долго и окончилось тѣмъ, что Архіепископъ сказалъ почти безчувственному Архимандриту: ну, чтожь ты замолчалъ и не говоришь? — Въ тотъ самый день возвращаясь домой и будучи возмущенъ симъ приключеніемъ, шелъ я въ задумчивости. — На дорогѣ встрѣтился мнѣ незнакомый человѣкъ, ѣхавшій верхомъ. Примѣтивъ мое смущеніе и печальное лицо, спросилъ меня съ участіемъ человѣка чувствительнаго, кто я такой, куда и откуда иду, и опъ чего такъ задумался. Причину примѣченной имъ во мнѣ печали, опнесъ я собственно къ своему состоянію. Узнавъ, что я бѣдной сирота и учусь въ монастырѣ переплешать книги, онъ просилъ меня достать ему церковной часовникъ, сочиненный покойнымъ Симеономъ, обѣщаясь за сіе, вмѣсто денегъ, подарить мнѣ овецъ и лошадь. Изъ споль щедраго и знашнаго обѣщанія заключилъ я, что онъ человѣкъ богатой и доброй; и что требуетъ опъ меня часовника единственно для того, что хо-

чешь оказашь мнѣ благодѣяніе. Я охотно обѣщаль ему выполнитьъ его желаніе. Онъ слѣдовалъ за мною къ селенію, и узнавъ нашъ домъ, сказалъ мнѣ, что за часовникомъ пріѣдешь чрезъ нѣсколько дней. Мать моя была объ немъ одинакаго со мною мнѣнія, по тому болѣе, что ничего подозрительнаго въ немъ не представлялось. Неизвѣстный человѣкъ не получивъ еще отъ меня ничего, на другой же день вечеромъ, какъ уже спало довольно темно, привелъ къ намъ пару овецъ, сказавъ что имѣя надобность быть не далеко отъ насъ, вздумалъ исполнить часпію свое обѣщаніе и напомнилъ мнѣ объ моемъ. Я сообщилъ ему шупъ же нѣсколько шепрадей, кои нашель я въ типографіи брошенными за не чистую оппечашкою; а другія оставлены были за излишествомъ, увѣривъ его, что непременно соберу и весь Экземпляръ. Оставалось больше еще половины, но взять было негдѣ, а обѣщаніе надобно было непременно исполнить. И такъ другаго средства не было, какъ остальное число шепрадей оппнать отъ

нѣкоторыхъ полныхъ Экземпляровъ, которые продавались каждый по шести рублей; а чпюбъ достать сію сумму честнымъ образомъ, такъ надобно бы было мнѣ служить въ монастырѣ два лѣта. И такъ я рѣшился на похищеніе, тѣмъ съ меньшимъ запрудненіемъ, что оно для пистолетной нишечки почти не значило; а я между тѣмъ былъ бѣденъ; имѣть же овецъ и лошадей значило весьма много. Мысль, что тогда буду я не то что былъ прежде, восхищала меня. Какъ скоро неизвѣстный челоуѣкъ пріѣхалъ, то я съ радостію вручилъ ему оспальныя теплѣради. Онъ также былъ сему радъ и той же ночи принесъ теплѣроу овецъ въ мѣшокъ. На сей разъ, поступокъ его, или благодѣяніе показалось матери моей сомнительнымъ. Она осмѣлилась спросить его: для чего онъ овецъ принесъ въ мѣшокъ. Для того, отвѣчалъ онъ, что такой хорошій мѣшокъ можетъ тебѣ быть весьма пригоденъ и нуженъ по домашнему употребленію, и я нарочно взялъ его отъ моего народа. — Слова: *отъ моего народа*, да-

ли намъ знать, что онъ конечно былъ священникъ; послѣ чего мать моя оспалась спокойно. Но на другой же день, по дошедшему свѣденію, спали у насъ въ селеніи говорить что *Меркъ-кулапской* священникъ оплучился изъ своего мѣста, и чтобы опасались его, естли гдѣ онъ покажется: извѣстно было, что сей священникъ дѣлаеть разбой. Мать моя взяла на неизвѣснаго чловѣка сильныя подозрѣнія и была на этопѣ разъ сполько неосторожна, что рассказала все между нами случившееся, исключая часовника, ибо она о семъ ничего не знала. Ее очень бранили, для чего она объ немъ необъявила; но слава богу, что обстоятельство сіе прошло безъ дальнѣйшихъ для насъ непріятностей. Между тѣмъ неизвѣстный сдержалъ свое слово и прислалъ ко мнѣ весьма скоро очень хорошую лошадь съ чловѣкомъ, ошъ котораго мы узнали что онъ пошъ самой, по слуху уже извѣстный намъ священникъ, изъ деревни Мерке-кулапъ *) прозванный Мзрахъ, что

*) Деревня Мерке-Кулапъ лежитъ въ Курдустанской обла-

значить копье, съ которымъ онъ всегда ѣздилъ. Мать моя по сомнѣнію отпрѣкалась было принять оную лошадь; но приведшій ее человекъ уговорилъ, чѣмъ она была спокойна, и что священникъ дѣлаетъ эпосъ подарокъ отъ добродушія. Я съ своей стороны также настоялъ, что лошадь прислана ко мнѣ, и я имѣю полное право взять ее, какъ добровольное благодѣяніе человека добродѣтельного. Для сего щедрого священника, такъ какъ и для всякаго другаго, означенный часовникъ былъ вещью драгоцѣнною и совершенно необходимою; но не вслѣдствію легко было заплачивать за него шесть руб. — Мзрахъ дѣйствительно занимался иногда грабежами; но съ тою только отъ другихъ разницею, что будучи человекъ не-

сти, не подалеку отъ Копъ, весьма хорошаго селенія, гдѣ находится большая гора; содержащая такъ называемую каменную соль, которою снабжается вся тамошняя страна, Грузія, Арменія и многія другія области подъ Турецкиѣ и Персидскіѣ владѣніями состояща. Соль сія нѣ спани такъ бываетъ прозрачна, что какъ бы нибыла велика толщина вырубленной глыбы, видно сквозь ея какъ чрезъ обыкновенное стекло.

сказанно горячаго, запальчиваго и въ нѣ-
 которомъ смыслѣ мстительнаго нрава,
 онъ посредствомъ разбоя мстилъ бога-
 тыми за бѣдныхъ, и отнимая отъ пер-
 выхъ, сколько удавалось, помогая послѣд-
 нимъ такъ, какъ будто бы отдавалъ имъ
 принадлежащую часть, богатыми присво-
 енную. Жители деревни Мерке-Кулапъ
 будучи весьма скуднаго состоянія, полу-
 чали отъ него одного всѣ возможные по-
 собія. Встрѣчаясь иногда надорогъ съ бѣд-
 нымъ человѣкомъ, онъ провожалъ его самъ
 до безопаснаго мѣста, и если узнавалъ
 отъ него въ чемъ либо самая крайняя ну-
 жды, то помогая, какъ позволялъ случай
 и возможность. Самъ же изъ добычи сво-
 ей не пользовался почти ничѣмъ и ничего
 не имѣлъ у себя лишняго; но все разда-
 валъ другимъ, только бы попался ему ка-
 кой несчастной. Весьма по многимъ селе-
 ніямъ таковыя бѣдные люди благословля-
 ли его за оказанныя отъ него благодѣя-
 нія. По уставу Армянскіи церкви, когда
 должно служить обѣдню, то священникъ
 долженъ всякой разъ исповѣдывать грѣхи

свои другому священнику: но случилось, что когда, такъ прозванный Мзрахъ, требовалъ себѣ исповѣди, то нѣкоторые священники опъ того отказывались, укоряя его поступками; а онъ принуждалъ ихъ къ тому страхомъ и заставлялъ себя разрѣшать, угрожая мщеніемъ. Но при всей странности шаковыхъ поступковъ, Мзрахъ приносилъ предъ Богомъ разкаяніе и сознаніе грѣховъ своихъ съ споль по виду искреннимъ и почпи необыкновеннымъ сокрушеніемъ, что вся душа его, такъ сказать, изливалась съ горькими его слезами, которыя при семъ проливалъ онъ обильно. О семъ увѣряли единогласно всѣ шѣ священники, у коихъ шолько онъ исповѣдывался, не смотря на то, что многіе изъ нихъ были крайне не довольны суровыми и самоуправными его поступками.

Въ поже лѣто, около Августа мѣсяца, когда начинаютъ у насъ снимать виноградъ, случилось еще одно обстоятельство, которое вновь подвергло меня вла-

спи моихъ ширановъ и новому зоключенію.

Выше сказалъ я, чпв Калустъ управлялъ нашимъ сѣленіемъ. — Подъ нимъ былъ изъ духовнаго же званія другой управляющій, или смоприпель, которому поручалось собирать опъ селенія подлежащія монастырскія повинности, и надсмапривать за работами монастырскими; для исправленія коихъ, какъ изъ приведеннаго выше видно, назначались всегда бѣдные люди. — Сія духовная особа, или смоприпель, былъ человѣкъ жестокой, такъ что и родной племянникъ его, сынъ умершаго брата его, претерпѣвалъ опъ него немалыя ширанства, каково на примѣръ, между прочимъ, грызеніе зубами головы сего несчастнаго сироты. Онъ былъ изъ Грузинъ, Тифлисской уроженецъ, и низкаго произхожденія. Около означеннаго времени, по естѣ въ послѣднихъ числахъ Юля, обозрѣвая виноградные воды, съ бывшими при немъ молодыми людьми нашего селенія, увидѣлъ онъ одного Персі-

анина, который, можетъ быть, будучи упруженъ далекою дорогою, и упоменъ зноемъ, опъ жажды, для прохладенія засохшей гортани, взлезши на стѣну одного сада, сорвалъ кисть, или двѣ, винограда. За сію ничего незначущую бездѣлицу, приказалъ онъ бывшимъ съ нимъ молодымъ людямъ Персіанина бить; но сіи опъ того опозвались, предсавляя ему, что убить человѣка за такую бездѣлицу они не могутъ, что имъ самимъ и ему можетъ встрѣшиться такая же нужда, чѣмъ для утоленія жажды взявъ изъ чужаго сада нѣсколько ягодъ, и что сіе хозяину не дѣлаетъ никакого убытка. Но смѣришель будучи приведенъ въ большее ожесточеніе ихъ опвѣтомъ, взявши толстую палку, или просто сказать дубину, побѣжалъ къ Персіанину и ударилъ его по виску такъ мѣлко, что онъ шутъ же выпустилъ духъ. Родственники убитаго принесли жалобу Ериванскому Хану, а сей потребовалъ опъ Папріарха, чѣмъ выдали виновнаго. Надобно было: или удовлетворить сему требованію; или

подвергнути мщѣнію Персіанъ все селеніе и всѣхъ монашескующихъ. И такъ убійцу выдали родственникамъ убишаго, которые выведя его изъ спѣнъ монастырскихъ и связавъ ему руки, били безъ милосердія. По тамошнему обычаю смершубійца или за него его ближніе, опдѣлывающія плашою родственникамъ убишаго, смотря по соспоянію и возможности опрѣшчиковъ, и по согласію претендателей. — Но какъ въ монастырѣ, по несчастію убійцы, не скоро о томъ догадались; ибо Папріахъ Лука небылъ расположенъ за него вступаться и плашить, по Персіане получивши его довольно на мѣстѣ, привели въ селеніе, сопровождая церемонію шеспівія его ударами; по томъ водили въ крѣпость Ериванскую и тамъ также довольно мучили; а на послѣдокъ привели обратно въ селеніе и дѣлали надъ нимъ всякія не исповыя ругательства. Между тѣмъ духовные, чтобы избавить цѣлое общество отъ незаслуженнаго поношенія, причиненнаго однимъ злымъ человекомъ, рѣшились предложить

обиженнымъ цѣну за искупленіе виновнаго, переувѣривъ, что родсвенникъ ихъ убили нѣкоторыми молодыми людьми изъ селенія. Принявши хорошую плату, они остались довольными, а Смотришель освободился отъ рукъ ихъ едва дышущимъ. Такимъ образомъ преподобные опцы оказавъ защиту преступнику, дабы сохранить честь своего общества; а болѣе монастыря, по неосторожности подвергли бѣдныхъ людей селенія новому затруднительному положенію: ибо, какъ скоро Ханъ узналъ, что Персіанинъ убили нѣкоторыми людьми изъ нашего селенія: то въ заслуженіе вины приказалъ, чтобъ на *Аракатской* горѣ, въ показанномъ мѣстѣ, построили для защищенія отъ набѣговъ разбойниковъ крѣпость. Въ слѣдствіе сего повелѣнія, работы должны были начаться съ весны слѣдующаго лѣта, и для производства оныхъ положено избирать въ нарядъ изъ бѣдныхъ семействъ всякаго возраста 35 человекъ и для надсматриванія за ними изъ богатыхъ плѣть человекъ. Сверхъ того приспавлены были два

Персіанина и одинъ Армянинъ главными
 смопришелями. Дѣшамъ богатыхъ людей
 назначено было смѣняться чрезъ недѣлю,
 а возвращаться опять на работу чрезъ
 6 и 7 недѣль; бѣднымъ же чрезъ недѣлю
 же и двѣ, а другимъ и чрезъ три, смотря
 по тому, кто бѣднѣе. При самомъ нача-
 лѣ, какъ надобно было назначать людей
 къ строенію повелѣнной крѣпости, упра-
 вляющій селеніемъ Калустъ, отдавая спа-
 ростъ о томъ приказъ, какихъ долженъ
 онъ избирать къ работѣ, и поспавляя
 въ примѣръ перваго меня, говорилъ:
 у насъ есть такіе изъ бѣдныхъ маль-
 чиковъ, которые живутъ спокойно и
 только о томъ думаютъ, чтобы учиться
 грамотѣ, напримѣръ: какъ сынъ такой-то
 вдовы, то есть я. По сему наставленію
 однимъ упрямъ въ субботній день, весьма
 рано, десятникъ пришелъ ко мнѣ къ пер-
 вому, взялъ меня и силою опнялъ у мене
 ри осла, который долженъ былъ раздѣ-
 лять со мною одинаковую участь. Я при-
 веденъ былъ на площадь, гдѣ у насъ бы-
 валь сходъ. Мнѣ одному только связали

руки и ноги, а для сугубой предосторожности, чтобы я не ушолъ, сверхъ того привязали еще къ дереву и бросили на землю подлѣ моего осла. Между тѣмъ собрались наши старшины, и съ злобною усмѣшкою говорили мнѣ: вотъ тамъ ты будешь имѣть время учиться грамотѣ и переплетать книги, и для того мы назначили, чтобы до окончанія строенія находился при ономъ безсмынно. Въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ моихъ соповарищей, мнѣ одному опредѣлено было невозвращаться домой до тѣхъ поръ, пока не ошстроится крѣпость.

Сколь ни было тягостно и горестно мое положеніе; сколь ни пѣснила грудь мою ширанская несправедливость моихъ мучителей; но при всемъ томъ, не могъ пропустить безъ вниманія похвалы бы пришедшаго старосты, говорившаго прочимъ старшинамъ и богатымъ нашимъ людямъ о чрезвычайной къ нему милости управляющаго. Этого злой безумецъ прибавъ въ толпу подобныхъ ему дураковъ,

говори́лъ съ восклицаніемъ: ахъ! какъ милоспивъ до меня управляющій и какъ меня любить: цѣлые два часа разговаривалъ онъ со мною!

Послѣ сего пересказывалъ со всею подробностію, въ которомъ управляющій называя его самыми скверными и непотребными мѣспоимѣніями, указывалъ ему: вопъ ты того-то еще не сдѣлалъ; поди скорѣй сдѣлай вопъ то-то, я шебѣ приказывалъ, поди исполни и проч. и проч. прилагая къ каждому слову брань самую низкую. Въ сіе время я былъ уже въ такихъ лѣшахъ, что могъ правильно различать худое отъ хорошаго; но казалось, что кпо бы какъ нибылъ просшъ, изъ пересказу спаросшы замѣтилъ бы, что въ каждомъ словѣ къ нему управляющаго заключалось въ самой сильной степени презрѣніе, какъ къ человѣку низкому, подвласпному до неограниченности, и глупому. Однако онъ былъ доволенъ собою и принималъ то за благоволеніе, въ чемъ соглашались съ нимъ и прочіе съ не

малымъ къ нему уваженіемъ и удивленіемъ говоря: ахъ! подлинно какъ онъ къ тебѣ милосердивъ, какъ себя любитъ и прочее.

Не легко было собрать 35 человѣкъ; ибо бѣдные зная свою участь, укрывались. Ихъ набирали безъ всякаго личнаго назначенія, а кого только могли поймать. Мнѣ досталось бы пролежать связаннымъ до слѣдующихъ сутокъ, есѣли бы не было взять на поруки. Набравши насъ опредѣленное число, на другой же день отпустили весьма рано. Навьюченные проѣзжаномъ на недѣлю, прибыли мы къ Араканской горѣ и взяли кратчайшій путь по лѣвой ея сѣверной; но за то претерпѣли чрезвычайныя трудности, ибо очень часто доставалось караулиться на чепверенкахъ; сверхъ того мы лишены были почти со всею возможностью отдохнуть отъ усталости, ибо страхъ быть уязвленными отъ змѣй и другихъ вредныхъ гадовъ и особенно отъ морма *), непо-

*) Моръ по фигурѣ походить на скорпіона, но мягко, какъ мышь и покрытъ шерстью, которая бываетъ рыжеватая,

зволюа намъ присѣспъ, и мы на каждомъ шагу проклинали монаха, за копорого спрадали. Поднявшись отъ подошвы горы на нѣкоторое разстояніе и перейдя въ бродъ выпекающую изъ нее рѣку *Амперъ*, вошли мы въ разоренное мѣсто называемое *Аванъ*. Здѣсь увидѣлъ я въ горѣ пещеру подъ напуральнымъ каменнымъ видомъ и любопытствовалъ въ нее войни но сдѣлавъ не болѣе пяти шаговъ, неосмѣлился по темнотѣ идти далѣе. При самомъ входѣ примѣтны еще нѣкоторыя старинныя надписи; а отголосокъ, отдающійся въ проспранспвѣ сего жилища усопшихъ въ древности, далъ мнѣ знаніе что оное было довольно велико. По разсужденію о мѣстѣ и по надписямъ догадывался я, что тутъ конечно должны быть погребены владыки и знашныя древняго Царства Армянскаго. Заключение мое думалъ я безъ сомнѣнія, справедливо: ибо *Аванъ*, за нѣсколько сотъ лѣтъ, былъ большимъ городомъ. Любопытство меня

чорная и другихъ цѣтловъ. Моръ отъ земли прямо бросается въ лицо. Языкъ его смертоносен.

мучило; я желалъ узнатьъ сіе мѣсто, и досадовалъ, что никто кромѣ меня не обращаетъ на него вниманія. По счастью, между попушчиками нашими, случился одинъ преспарѣлой Армянинъ, который примѣшилъ мое безпокойство, и самъ вызвался сообщить мнѣ свои свѣденія. Онъ разсказалъ мнѣ, что по разрушеніи Армянскаго нашего Царства, жилили споличнаго города *Анни*, по уваженію и любви къ памяти умершихъ царей своихъ, чтобы прахъ ихъ не былъ попираемъ нечестивыми прицельцами, перенесли гробницы ихъ и скрыли въ сей пещерѣ.

Отъ сего мѣста дорога наша спала еще затруднительнѣе: ибо надлежало всходитьъ на такія крупины, которыя стояли предъ нами на подобіе каменныхъ стѣнъ, а сверхъ того дорога сполько была узка, что не лзя было идти въ рядъ двоимъ и безпрестанно надлежало опасаться, чтобы не свалиться въ пропасть глубины, которой мѣстами можно полагать

около 100 сажень. Рѣка, упдающая съ вершинъ на дно сей пропасти, поражала насъ глухимъ шумомъ. По преодолѣннѣ всѣхъ трудностей, въ полночь прибыли мы на назначенное мѣсто Тегеръ (что собственно значить *мѣсто*). Между тѣмъ ослы отправлены были другимъ путемъ гораздо спокойнѣйшимъ и удобнѣйшимъ; мы не пошли онымъ за дальностію: ибо въ сей дорогѣ надобно бы было пребыть чепверо сушки. Здѣсь ненашли мы никакого мѣста для нашего пристанища, кромѣ одной довольно большой церкви, въ копорой и провели остальное время ночи. На другой день увидѣли мы нѣсколько развалинъ большаго селенія, со всѣмъ почти изглаженныхъ. Помынутая церковь стояла надъ самою дорогою, копорою мы слѣдовали, и съ сей стороны была неприступна. Она построена изъ дикаго камня съ колоннами, весьма правильной Архишешуры и очень сходной съ виденнымъ мною рисункомъ одной Италіанской церкви. Свѣтъ входилъ только изъ купола. Не смотря на древность сей церкви,

по догадкамъ, болѣе 1000 лѣтъ воздвигнутой, она казалась такъ нова, какъ бы не давно поспроена. Надписи, высѣченныя на гробницахъ имѣющихся внутри церкви и около ея, по старинному Армянскому письму, котораго не возможно уже разбирать; также по Греческому и Латинскому, даютъ поводъ полагать ей толкое число лѣтъ: ибо Месропъ, который первый исправилъ и сочинилъ Армянскую азбуку и письмо, существующія по нынѣ, жилъ до сего времени за 1200 лѣтъ; а до того письма употребались другихъ націй, кто гдѣ жилъ. Лѣсу по всей горѣ, въ лощинахъ и низменныхъ мѣстахъ было весьма много. Въ тамошней сторонѣ деревья почти всѣ фруктовыя, исключая нѣкоторыхъ кустарниковъ, растущихъ въ одичалыхъ мѣстахъ, или между камнями и въ расщелинахъ. Не смотря на слѣды запустѣнія и чрезвычайную дикость сихъ мѣстъ, они были еще весьма пріятны, только что со всемъ не было возможности входить въ середину пустынныхъ ихъ садовъ, какъ пошому, что дикій ви-

ноградъ перепуталъ всѣ деревья, что не лзя было сквозь него продраться, такъ и по опасности опъ звѣрей и змѣй.

Благодаря глупости управляющаго старосты и прочихъ сшаршинъ, мы имѣли время отдохнушь опъ нашего похода и погулять нѣсколько дней безъ дѣла: ибо отправляя насъ спроишь крѣпость, они не догадались, что съ нами не было мастера, за которымъ послано въ Ериванъ по прибытіи нашемъ уже на мѣсто и шамъ наняли его за большую плату на щопъ нашего селенія. По прибытіи мастера начали спроишь крѣпость около помянутой церкви съ прехъ споронъ, а чешвершая, какъ выше сказано, прилегая къ чрезвычайно глубокой пропасти, устьянной почти непроницаемымъ лѣсомъ различныхъ деревъ, была неприступна. На мою долю доспались три осла, на коихъ я возилъ камень для кладки стѣнъ. Но какъ мы взяли хлѣбнаго запаса только на одну недѣлю, который къ вечеру Пыш-

пицы весь у насъ и вышелъ, то въ субботу уже нечего было намъ ѣсть. Въ воскресеніе ожидали смѣны, но она не пришла. Мы хотѣли собраться въ обратный путь и оставя работу возвратиться въ селеніе; но Персіане смотрители, родственники убилаго, будучи противу насъ ожесточены, уничтожили наше намѣреніе принудивъ ругательствами и побоями дожидаться смѣны, которая пришла въ другое уже воскресеніе. За неимѣніемъ хлѣба мы питались около восьми дней одними правами, какъ то: шушаномъ першенжукомъ, или щавелемъ, и Неукомъ. Спелбли сей послѣдней правы довольно питательны и вкусны, но собирать ее стоило намъ великаго труда: ибо змѣи общѣнно любящъ сію праву и всегда около нее находились, по чему на всякомъ шагѣ должно было подвергаться опъ ихъ опасности; чпожъ касается до плодовъ древесныхъ, то по причинѣ сказанной ихъ дикости, они со всѣмъ были негодны къ употребленію. Опъ шаковой пицы мы всѣ: и бѣдные и богатые обезсилѣли и

сдѣлались пощи, подобно тѣнямъ, кромѣ присланиковъ, или Смотрителей, копорые ни въ чемъ не имѣли недоспашка. По приходѣ смѣны возвратились мы въ селеніе съ пущими и заморенными желудками. Но какъ обо мнѣ было уже сдѣлано опредѣленіе, чтобъ не возвращаться до окончанія работы, то на другой же день весьма рано явился ко мнѣ десятиникъ и повелѣ къ спароситѣ, которой напомнивъ мнѣ съ неистовымъ крикомъ во первыхъ то, что онъ есть большой властелинъ и повѣлитель въ селеніи, по томъ вопрошалъ: какое я имѣлъ право своевольничать и какъ осмѣлился прійти домой, когда онъ далъ повеленіе, чтобъ я не возвращался въ селеніе до тѣхъ поръ, пока уже все будетъ кончено; и присовокупивъ къ сему обыкновенное и необходимое заключеніе, что я хочу равняться съ ихъ дѣтьми, приказалъ десятинику связать мнѣ руки и на другой день отвести на работу; при чемъ наказалъ распорядиться со мною такъ, чтобъ онъ ѣхалъ, а я бы шелъ пѣшімъ, и чтобъ онъ его имени сказашъ

смотрипелямъ Персіанамъ, дабы они по-
сшупали и смотрѣли за мною со всею
спрогоспїю, неопуская домой до тѣхъ
поръ, какъ окончится спроеіе. Такимъ
образомъ, во вшорникъ по упру, поведень
я былъ десяпникомъ связанный; но дошедъ
до горы, онъ сдалъ меня другому, шамо-
шней деревни жипелю, которымъ я до-
доведень до мѣста на веревкѣ. Сдѣлан-
ное спаростою порученіе пакже было
пересказано. Персіане по сему хопя ока-
зывали надо мною свою жестокость въ
особенности, но не щадили и другихъ
моихъ поварищей. Посредспвомъ такого
угнѣпненія хопѣли они вывести насъ изъ
терпѣнія и чпобъ мы взбунтовались, да-
бы подѣ симъ предлогомъ могли они воз-
вращипсь въ свои мѣста: ибо непривык-
ши къ такому роду жизни, какую вели
на горѣ, и бывъ опшучены опъ домовъ и
семеіствъ своихъ, крайне скучали. Но
мы догадались объ ихъ намѣреніи и еди-
нодушно рѣшились сносить все терпѣли-
во до окончанія дѣла. Мнѣ было всѣхъ
тяжелѣе по тому, что оставался въ ра-

богъ безсмѣннымъ; между тѣмъ какъ другимъ доставалось спсраданъ только по недѣлю. Все, что облегчало мое бѣдствіе, состояло только въ томъ, что мастеръ, или каменщикъ, будучи человѣкъ весьма добрый и чувствительный, принималъ во мнѣ участіе. Узнавъ отъ меня подробно о моемъ состояніи и нещастіяхъ, оказывалъ къ участи моей самое нѣжное состраданіе, и не менѣе уважалъ мою ученость, будучи самъ безграмотенъ. Онъ требовалъ даже отъ меня однажды, чтобы я что нибудь сказалъ ему въ собственное его утѣшеніе о томъ, чѣмъ укрѣпляюсь я въ моемъ терпѣніи. Я говорилъ ему о примѣрахъ священныхъ мучениковъ, кои переносили всѣ пруды и скорби безъ ропшанія съ вѣрою и любовію къ Богу; что и я почитаю здѣшній свѣтъ суешнымъ, а жизнь нашу скоро преходящею, тѣмъ легче переношу мои спсраданія, надеясь въ будущей жизни получить за то въ награду безконечное блаженство. Я приводилъ еще къ сему сдѣланное предопредѣленіе Адаму: *въ потѣ лица твоего*

снѣси хлѣбъ твой; что шаковое изрѣченіе долженствуемъ пребыть на роду человѣческомъ до скончанія сего міра, и которое обязаны мы носить съ благоговѣніемъ, дабы не сдѣлаться большими противниками всемогущей и святой воли нашего Создателя; также Евангельское утѣшеніе: *прїидите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененіи, и азъ успокою васъ*, и прочее. Но какъ онъ во все челоѣкъ былъ несвѣдущій въ священномъ писаніи, то весьма мало понималъ изъ шаковаго моего разговора; по чему я принужденъ былъ прибѣгнуть къ легчайшему для него примѣру, напомнивъ одну пѣсню, писанную нѣкопорымъ, старикомъ Армяниномъ на Персидскомъ языкѣ.

Содержаніе пѣсни сей заключаетъ въ себѣ утѣшительную увѣренность о преимуществѣ Хрисціанина предъ Магометаниномъ: я приведу здѣсь нѣкоторые главные стихи сей пѣсни изъ слова въ слово:

„Проживъ до глубокой старости, я
 „училъ и читалъ Христіанскія книги, ко-
 „порыя велѣшь намъ защищать честь
 „святой вѣры и истинны ея: сіе намъ
 „принадлежитъ. “

„Мы всегда и все даемъ, но неоску-
 „дѣваемъ: сіе намъ принадлежитъ. “

„Терпимъ мученія и плашимъ дани;
 „но неистощаемся; — сіе только намъ
 „принадлежитъ. “

„Ханы и Шахи опъ насъ бывають
 „сыты; слава тебѣ Господи! Это намъ
 „принадлежитъ. “

„Сохраниа законъ и обѣщанія Бо-
 „жїи, увѣряю васъ, что и рай намъ при-
 „надлежитъ. “ и прочее.

Ну! ну! съ возхищеніемъ возкликнулъ
 мой масперъ, вошь давно бы ты это ска-
 залъ; шеперь я все понимаю, и на что
 говоришь столько причѣровъ изъ писаній!
 Онъ весьма былъ радъ моей бесѣдѣ, и я
 также доволенъ былъ собою, что вездѣ
 находилъ себѣ какого либо почипателя

и чрезъ то въ крайноссяхъ снискивалъ хлѣбъ и покровишельство; однако радость сія продолжалась одну только минушу, и тогда же обратилась мнѣ въ жестокое спраданіе. Разговоръ нашъ имѣли мы за стѣною, которую клали, а вблизи одинъ изъ Персіанъ непримѣпнымъ образомъ подслушалъ мои рѣчи, и особенно то, что рай намъ принадлежитъ. Будучи тѣмъ приведенъ въ ярость, онъ въ ту же минушу подавъ свой голосъ и подозвавъ меня къ себѣ, спросилъ что я говорилъ съ мастеромъ. Испугавшись отъ одной перемѣны лица его, я оппирался, что неговорилъ ничего, однако на послѣдокъ принужденъ былъ прочитавъ ему мою пѣсню. Тотчасъ позвалъ онъ своего товарища и пересказавъ ему мои слова, принялись оба битъ меня палками, приговаривая: „ну, ступай же въ рай, вопъ шебъ рай.“ — Они мучили меня до тѣхъ поръ, пока ни на головѣ, ни на тѣлѣ не оспалось цѣлаго мѣста, и я весь былъ уже въ крови. Тогда сіи изверги спалили меня безчувственнаго къ церкви и бросили въ тем-

ное мѣсто, которое прежде было ризницею. Пришедши тамъ въ память, я почувствовалъ всѣ мои язвы, мое положеніе, обливаясь горькими слезами, молился Богу сжалиться надъ моею бѣдностію и сраданіями, что избавя прехъ Вавилонскихъ опроковъ отъ огненной печи, и шворавелія и дивныя чудеса, избавилъ бы и меня отъ моего мученія, изцѣлилъ бы раны мои, призрѣлъ бы меня подъ сѣнію крыла своихъ, послалъ бы помощника и утѣшителя, котораго я не имѣю, или же: еспѣли въ здѣшнемъ вѣкѣ неопредѣлено мнѣ бытъ когда либо въ спокойной жизни, явилъ бы надо мною благость свою скорымъ прекращеніемъ дней моихъ, исполненныхъ болѣзней и скорби. Въ шаковомъ плачѣ и сѣпованіи непрерывно нѣсколько часовъ, находившаяся при Персіанахъ женщина, для приготовленія имъ пищи и мытья бѣлья, узнавъ о моемъ приключеніи, тайнымъ образомъ отъ всѣхъ пришла ко мнѣ. Она принесла съ собою молока и напипала меня; разбитую голову мою, покрытую загустѣвшею кровью,

обвязала лошаковымъ навозомъ. Находясь въ холодномъ мѣстѣ и лежа на каменномъ полу, я сдѣлался очень шрудень. Въ семъ положеніи, безъ пищи, кромѣ одного молока, безъ всякихъ помогающихъ средствъ, безъ присмотра, въ объятіяхъ хладной сырости, обыкновенныя силы человѣческія не могли бы устоять, естлибы перстъ Божій не поддержалъ слабой жизни моей. — Я пролежалъ цѣлые два мѣсяца; никто не далъ знать о томъ моей мапери и нѣкому было помочь мнѣ, чтобы поворожиться на другой бокъ, кромѣ той доброй Персіанки, которая не могла приходиться ко мнѣ болѣе одного раза въ день, да и то тайно подъ великимъ страхомъ. Товарищи мои, равномѣрно упомянутые работою, а не менѣе и недоспаткомъ пищи, или и самымъ голодомъ, со всѣмъ не имѣли досугу думать обо мнѣ. Въ продолженіи болѣзни моей, мучители мои и претій смотритель изъ Арманъ были смѣнены, а на мѣсто ихъ присланы другіе два Персіанина и одинъ Армянинъ. Между тѣмъ я спалъ поправляясь и выходилъ,

или лучше сказать, выпалзывавъ на воздухъ. Товарищи мои въ облегченіе себя отъ работы, отъ которой прежнія приславники не давали отдыха въ день почти ни на минуточку, выдумали хитрость и вновь присланнымъ представляли, что они по отдаленности отъ селенія не могутъ теперь отправлять должной по нашему закону молитвы въ церковь, и что для того общество отправило съ ними одного ученаго, т. е. меня, чтобы я каждый день всему ихъ собранію читалъ молитвы и нѣкоторое служеніе церковное; но для сего давали бы они имъ по нѣскольку часовъ въ день свободы; въ противномъ же случаѣ грозили принести на нихъ жалобы и оставить работы. Новые приславники безъ труда на сіе согласились, потому, что были добрее прежнихъ, и не хотѣли подать повода къ беспокойству, за которое можетъ быть надлежало бы имъ отвѣтствовать, какъ людямъ, неумѣющимъ править порученнымъ имъ начальствомъ. Какъ бы то ни было, но только что я поправился, то раза по

при въ день спалъ опправляящъ наши мо-
литвы, къ копорыя мы довольно отды-
хали опъ трудовъ, что было единствен-
ною цѣлю нашего моленія. При чемъ по-
варищи мои всегда приговаривали мнѣ,
чтобъ я чипалъ долѣе. Въ шаковыхъ мо-
литвахъ между прочимъ не забывали мы
никогда Архимандрита за копорого здѣсь
работали и просили Бога заплашитъ ему
за наше бѣдствіе. Равнымъ образомъ по-
минали управляющаго спаросту и прочихъ
имъ подобныхъ. Персіане видя меня чи-
пающаго и поющаго безъ книги, особли-
во въ погдашнемъ моемъ возрастѣ, возъ-
имѣли ко мнѣ нѣкопорое уваженіе.

Въ продолженіе работы сей, многіе
изъ моихъ товарищей, только не помню
сколько именно, померли опъ разныхъ при-
чинъ; нѣкопорые бывъ ушибены каменья-
ми, умирали опъ того, что нѣкому было
помочь имъ и лѣчить; другіе опъ змѣина-
го узвленія, иные оспаваясь безъ смѣны
недѣли по двѣ, по три и болѣе, умирали
опъ голода и опъ другихъ болѣзней. Я

же въ разсужденіи пищи не имѣлъ уже недоспашка, какъ пріобрѣлъ къ себѣ уваженіе нашего мастера, копорый по выздоровленіи моемъ удостоивалъ меня своей прापезы, съ насупленіемъ же зимы кончилось и спраданіе наше. Всѣмъ обществомъ возблагодаривъ Бога за ниспосланную спужу и снѣгъ, оставили мы гору, пробывъ на ней шесть мѣсяцовъ, и возвратились въ селеніе: ибо продолжати работу болѣе было уже не можно.

На возвратномъ пути взяли мы другую дорогу, хопя самую дальнюю, но изъ прочихъ спокойнѣйшую. Не съ большимъ чрезъ челныре часа спустились мы къ подошвѣ горы, къ той сторонѣ, гдѣ печать рѣка Амперпъ. *) Рѣка сія въ осеннее время бываетъ глубже, однако не выше груди; а въ другихъ мѣстахъ въ поясъ и по колѣно, исключая нѣкопоторыхъ ямистыхъ мѣстъ; вообще же весь-

*) Амперпъ значить мѣсто, *натурою укрѣпленное*; ближайшій же переводъ сего слова: *безъ крѣпости крѣпкое*, по которому и рѣка названіе свое имѣетъ.

ма быспра, и по причинѣ пороговъ производить столь чрезвычайный шумъ, что и въ довольномъ отъ нее разстояніи со всѣмъ почти не лзя слышать разговора. *Аипертъ*, имѣющая самую чистѣйшую и пріятнѣйшую воду, составляется изъ ключей горы Аракацъ, кои соединяясь у высунувшейся изъ горы скалы, того самаго мѣста которое называется *Аипертъ* имѣющей ровную и довольно пространную поверхность, упадаютъ въ пропасть двумя каскадами съ обѣихъ сторонъ скалы и тамъ производить рѣку. Поля, около лежащихъ селеній, напояются ея водами, ибо въ тамошнихъ мѣстахъ вообще нѣтъ такихъ ни дождей, ни снѣговъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, кои для того были бы доспапочны, и всѣ поля наводняются отъ рѣкъ источниковъ и проводимыми отъ нихъ каналами, или подземными колодцами. При переходѣ чрезъ *Аипертъ*, поварищи не сказали мнѣ, что должно смотрѣть на сухой берегъ и отнюдь не глядѣть на воду, отъ чего въ ту же минушу помутнились глаза и дѣлается родъ

обморока. Поднявши платье наше на головы, пошли мы въ бродъ. Но я только что вступилъ въ воду, имѣя у себя опъ побой больное еще тѣло, то почувствовалъ нестерпимой холодъ въ ногахъ и опъ смотрѣнія на воду лишь только что сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, голова моя закружилась и пошемнѣло въ глазахъ. — Спремленіемъ воды топчасъ меня опрокинуло и понесло по теченію, перекапывая съ собою чрезъ камни. Товарищи мои въ начала непримѣшили моего паденія, а послѣ можеть быть и не рѣшились мнѣ помогать по собствѣнной опасности. Въ семъ случаѣ также дивная десница Божія сохранила мою жизнь. При паденія, я не во все лишился памяти, и нѣсколько переводя дыханіе отражалъ ліющуюся въ меня воду. Меня опнесло уже шакъ какъ сажень на 70, и къ щасію приваливъ къ одному довольно высокому камню, чрезъ которой вода не могла уже меня перекапить, прижало къ оному почти споймя. Опасность привела меня въ полную память и придала силы.

Открывъ глаза, я старался удержатъ себя у сего спасительнаго камня. — Но можетъ быть силы мои, по причинѣ замерзновенія членовъ отъ холодной воды, скоро бы меня со всѣмъ оставили, если бы не случилось одному Персіанину идти берегомъ. Онъ искалъ мѣлчайшаго и удобнѣйшаго мѣста для перехода съ своимъ осломъ: ибо сія скотина, какъ извѣстно, плавать не умѣетъ, а пошому боится воды, и отнюдь не спущивъ въ нее въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ вязко или мутно, и гдѣ не видно мѣлкаго и совершенно чистаго дна. Увидѣвъ сего Персіанина, я закричалъ ему: Божій человекъ! помоги мнѣ и спаси меня! — Онъ раздѣвшись въ одну минуту, бросился ко мнѣ и взявъ меня подъ мышки, вывелъ на берегъ. Такъ какъ плащъ мое былъ все унесено водою, то онъ, для прикрытія наготы моей, далъ мнѣ свою епанчу и посадивъ на своего осла, проводилъ въ деревню *Акаракъ*, отъ рѣки не болѣе версты разстоянія. Деревня сія была прежде Армянсканъ, а теперь занята одними Персіана-

ми. Избавитель мой сдѣлалъ мнѣ еще одно изъ величайшихъ благодѣяній; онъ оп-велъ меня въ домъ своего знакомаго и просилъ до совершеннаго моего исправленія смошрѣть за мною и оказывать всю возможную въ моей слабости помощь, общавъ ему за сіе возблагодарить. Меня потчасъ опвели въ конюшню и тамъ положили, такъ какъ мѣсто сіе у насъ есть самое теплое и удобнѣйшее для согрѣнія отъ спужи. Какъ скоро я отдохнулъ и обогрѣлся, то принесли мнѣ нужное плащье и пицу; послѣ чего я довольно оправился отъ моей омертвелости. Великодушный Персіанинъ, взявъ плащъ свой и увѣривъ меня что оставилъ въ добрыхъ рукахъ, простился со мною. Я благодарилъ его со слезами за спасеніе меня и за благодѣяніе, которое мнѣ дѣлаешь. Пробывъ тутъ двѣ недѣли, я довольно пришелъ въ силы и укрѣпился въ здоровьѣ. Здѣсь ходилъ я осматривать тамошнюю старинную крѣпость и развалины монастыря, называемаго Парби, который есть первый изъ поспроенныхъ въ 3мъ вѣкѣ

просвѣщителемъ Арменіи Святѣмъ Великомученикомъ Григоріемъ *). — По прошествіи двухъ недѣль, отблагодаривъ своихъ хозяевъ съ чувствительностію за попеченіе и милости, мнѣ оказанныя, собрался идти въ свое селеніе. Они и другіе Персіане собрали еще мнѣ на дорогу денегъ около рубля. Дорога моя была на деревню Ушаканъ, отстоящую отъ нашего селенія примѣрно верстахъ въ 15 пи. Не доходя до сей деревни, при подошвѣ одного каменистаго холма, увидѣлъ я памятникъ, воздвигнутый изъ дикаго камня, величиною около двухъ сажень съ половиною. Остановясь и разсматривая его,

*) Подверженные бешенству отъ укушенія бѣшеной собакой, приходяща и по нынѣ къ сему мѣсту и получаютъ изцѣленіе, или же берутъ нѣсколько земли изъ середины церкви и кладутъ въ воду, которую даютъ пить бѣснующемуся. Первая причина такому дѣйствию слѣдующая: во время отпраздненія Св. Григоріемъ литургіи, нѣкоторые язычники бросили въ церковь бѣшеную собаку, (незнаю мерзкую или живую) сказавъ Григорію въ смѣхъ: естъли твоей Богъ милень, то выльчи эту собаку. Св. Григорій принесъ Богу моленіе и попросилъ помилующее чудесное дѣйствіе, чтобы бѣснующіеся получили на семъ мѣстѣ изцѣленіе, а собака тогда же выбѣжала изъ церкви здоровою.

сожалѣлъ, что не могъ прочиташъ надписи, котораѣ сдѣлана была на древнемъ Еллинскомъ языкѣ. Въ это время подошелъ ко мнѣ Ушаканскій обывашель и сказалъ мнѣ, что ты смотришь съ такимъ вниманіемъ, не хочешь ли ты быть осмымымъ? При сихъ словахъ любопытство мое умножилось, я просилъ его убѣдительно, чтобъ онъ разсказалъ мнѣ, кто такой погребенъ подъ симъ камнемъ. — Онъ увѣдомилъ меня, что на семъ мѣстѣ были прежде виноградные сады, и что путь, гдѣ стоишь памятникъ, погребены семъ братьевъ, убитые разбойниками по одначкѣ тогда, какъ отецъ сихъ семи братьевъ во время дѣланія винограда посылалъ ихъ одного за другимъ для провѣдыванія перваго, остававшагося на мѣстѣ для стереженія; но не дождавшись и послѣднимъ посланнаго, пошелъ туда самъ и также убитъ, какъ его дѣти, и брошены злодѣями въ яму, въ кошорую обыкновенно при давленіи винограда собирають его сокъ; по чему и называется сіе мѣсто могалою семи братьевъ. Поблагодаривъ

его за свѣдѣніе, я продолжалъ мой путь къ деревнѣ Ушаканъ, въ которой живутъ все Армяне. Пришедъ туда уже въ сумерки, отыскалъ домъ нашего знакомаго, по имени Саркиса (Сергѣй), который во время поминушаго нашествія Царя Иракліа, для спасенія своего удалившись въ селеніе Вагаршапатъ, проживалъ въ нашемъ семействѣ. При входѣ моемъ въ его домъ, онъ только что увидѣлъ лицо мое, какъ въ чрезвычайномъ страхѣ бросился вонъ и пвора молишву, побѣжалъ къ сосѣдамъ, оставивъ меня одного. Я удивился такому спранному его поступку, и опъ того испугавшись, можетъ быть не менѣе его вышелъ на улицу, думая, что Саркисъ конечно считаесть меня за мертвеца или привидѣніе. Догадка моя была основательна. Въ тужъ минушу нѣсколько человекъ выбѣжало изъ домовъ, а Саркисъ задыхаясь, кричалъ: „вошъ, посмотрише, посмотрише! — Всѣ шоварищи его сказали, что онъ упонулъ въ *Ампертъ*; мать служила по немъ панихиды и дѣлала поминки, а теперъ онъ показался здѣсь: это шѣнь

его, это мертвецъ; вѣрно на немъ лежишь проклятіе, и онъ не можешь найти себѣ покойсвѣя, — и между тѣмъ прикладывался выстрѣлить по мнѣ изъ ружья. Слыша таковыя обо мнѣ заключенія и видя храброе намѣреніе Саркиса меня убишь, я взаимно въ отвѣтъ съ возможною скоростію кричалъ имъ, что я неумираю, что спасся такимъ и такимъ образомъ, и гдѣ былъ и при семъ случаѣ въ большее увѣреніе крестился и читалъ молитвы, самъ трепеща отъ страха, чтобы Саркисъ не выстрѣлилъ. Сосѣды будучи въ менышемъ страхѣ, нежели онъ, могли видѣть и судить основательнѣе; они говорили ему, хотя впрочемъ и сами можешь быть еще нѣсколько сомнѣвались, что я не мертвецъ, по тому, что читаю молитвы, и дѣлаю крестное знаменіе, чего мертвецъ, обладаемый діаволомъ, дѣлать не можешь; а при томъ никогда не говоришь и конечно бы его схватили; посмотри, продолжали они, и ноги у него такъ какъ быть должно *).

*) У насъ вѣра въ мертвецовъ, и полагають между прочимъ

лу къ нимъ приближаться, чшобъ они по сумеркамъ могли меня лучше разсмотрѣть и повпорая увѣренія мои, въ подкрѣпленіе оныхъ возобновлялъ чтеніе моливъ. Между тѣмъ пришелъ и священникъ. Приближаясь ко мнѣ для испытанія, подлинно ли я мерпвецъ или живой, дѣлалъ на меня крестное знаменіе; я самъ также крестился и подошедъ къ нему, поцѣловалъ у него руку. Послѣ сего Саркисъ увѣрившись, что я пришелъ не съ того свѣта, обрадовался и поцѣловавъ меня повелъ въ домъ. Прочіе также вошли за нами; но все еще сомнѣваясь, желали поспрошъ буду ли я ѣсть, и не прежде увѣрились совершенно, пока не увидѣли, что я ужиналъ, какъ надобно живому, уставшему, опъ дороги и проголодавшемуся чловѣку.

За ужиномъ Саркисъ пересказалъ мнѣ о томъ, какъ поварищи мои увѣрили селеніе и мою мапъ о смерти моей, что

опъ живаго чловѣка ту разницу, что у него слѣды ногъ должны бытъ оборотены пашками въ передъ.

мать моя сдѣлала уже въ память могилу и находится о поперѣхъ мени въ величайшемъ опчаяніи. Между тѣмъ въ продолженіи ужина онъ и прочіе сосѣды, съ искреннею радостію пили за здоровье мое вино, и пошли опъ насъ очень веселы. Какъ скоро остались мы съ Саркисомъ одни, то онъ совѣтовалъ мнѣ, чтобъ поутру какъ можно ранѣе поспѣшить домой и утѣшить мою мать, говоря, что иначе она опъ великой своей горести и опчаяніа можетъ скоро умереть. Вставши поутру весьма рано, пошелъ я напередъ въ церковь къ заупрени помолившись Богу и святому Месропу, который, какъ выше сказано, сочинилъ Армянскія и Грузинскія письма, и тѣмъ просвѣтилъ обѣ сіи націи; а по томъ перевелъ на нашъ языкъ по своему новому письму Библію и другія священныя книги, церковное служеніе и весь обрядъ. Оба тамошніе священники были уже въ церкви и сидѣли одинъ на правомъ, а другой на лѣвомъ крилосѣ въ безмолвіи, и иногда покашливая. Я полагалъ, что они кого ни-

будь ожидають и для того не начинають заупрени, но вышло на проливъ. Прошло около 3 часовъ, естли не болѣе, когда уже взошло солнце, какъ они посидѣвъ такимъ образомъ, по одиначкѣ вышли изъ церкви, ни сказавъ одинъ другому ни слова. Види что тѣмъ кончилась ихъ заупрени, сошелъ я въ погребъ, гдѣ подъ олшаремъ погребень Св. Месропъ. Помолись и опдавъ должное поклоненіе Святому, возвратись къ Саркису и съ удивленіемъ пересказавъ ему виденное мною, спрашивалъ тому причину. Священники сіи, опивѣчалъ Саркисъ, собирая пошрины съ живыхъ и мертвыхъ, и сверхъ того десятины, по жадности спали недовольны симъ обильнымъ доходомъ и для умноженія онаго, въ самомъ ли дѣлѣ, или припворно выдумавъ новый проектъ для своихъ доходовъ, ссорятся между собою на пошъ конецъ, чшобы обыватели, кпо котораго изъ нихъ любить, приходили бы къ нимъ просить о примиреніи между собою, и при семъ случаѣ всякой къ любимому имъ священнику несетъ какой

нибудь подарокъ; и то что они не служили теперъ, по буднимъ случается весьма часто; одинъ заставляеть другаго, чтобъ начинать службу; и такимъ образомъ перекорясь, оставляють церковь безъ отправленія Божіей службы. Теперъ по видимому они опять ожидаютъ, чтобъ шли къ нимъ съ подарками. — Послѣ сего разговора, простясь съ Саркисомъ, отправился я въ путь съ однимъ попушникомъ шедшимъ въ наше селеніе.

Домы деревни Ушаканъ *) поспрое-

*) Въ деревнѣ Ушаканъ растутъ два примѣчательные корни, одинъ называется *Торонѣ*, изъ котораго дѣлается красная краска, которая употребляется здѣсь въ Россіи и называется кореною, а другой *Лоштакъ* или *Манракоръ*, имѣющій по своей фигурѣ совершенное подобіе челоука и употребляется у насъ въ лѣкарствѣ. Онъ довольно великъ и его вытаскивають обыкновенно собакою, такимъ образомъ, что окопавъ около его землю, привязываютъ къ нему веревкою собаку, и понуждаютъ ее тянуть, пока корень не выйдетъ со всѣмъ изъ корня. Причина сему, какъ во всѣхъ нашихъ мѣстахъ говорятъ, та, что естъли оной корень вытаскишь челоука, то онъ не минуетъ отъ того уреть путь же, или весьма скоро, и что при вытаскиваніи его всегда бываетъ слышимъ спонающій челоуческій голосъ; но я сего не ушверждаю, и какъ самъ не видалъ, то и неочень вѣрю.

ны всѣ изъ незрѣлагаго камня, которымъ
 наполнены всѣ тамошнія холмы и горы,
 называемаго Чечотъ, что значитъ рябой
 Онъ имѣетъ двойкой цвѣтъ; красноватой
 и черной; легко, какъ морская пенка и
 на водѣ не понетъ, есѣли нѣтъ въ немъ
 поспѣранныго вросшаго камня; въ баняхъ
 оскабливають имъ съ ногъ нарастающую
 кожу. Деревня Ушаканъ съ прѣхъ сторонъ
 укрѣплена спѣнами изъ того же камня, а
 чѣтвертая сторона неприступна, по на-
 турѣ; ибо тупъ около 50 сажень и бо-
 лѣе чрезвычайная каменная крупизна, при
 подошвѣ которой печетъ рѣка Карпи,
 проходящая также и около нашего селе-
 нія. Она не очень широка, имѣетъ по
 большой части мѣлкія мѣста и вообще
 нѣтъ большой глубины; выпекаетъ какъ
 и Ампертъ изъ ключей Аракатской горы
 подъ находящимся тамъ селеніемъ, Карпи
 называемымъ. Спускаясь прямо отъ де-
 ревни помянутой крупизною по проло-
 женнымъ пропинкамъ, посѣпилъ я имѣю-
 щіяся въ ней пещеры обитавшихъ нѣко-
 гда тамъ пущыльниковъ. На послѣдокъ

перешли рѣку, по построенному покойнымъ Папріархомъ Симеономъ каменному мосту. Въ сей рѣкѣ находится та самая рыба, называемая Кармрахайшъ, которую въ бытность мою въ монастырѣ, какъ выше я сказалъ, прикладывали къ больному моему пальцу. Перейдя мостъ, поспѣшась надобно всходить на каменистую гору, посредственной вышины. Поднимаясь, примѣтилъ я почти повсюду разной величины камни, наложенные одинъ на другой въ родѣ маленькихъ пирамидъ. Спутникъ мой велѣлъ мнѣ, чѣмъ я взявъ камень, положилъ также сверхъ одной кучи, и самъ сдѣлавъ поже, указалъ мнѣ въ правой рукѣ возвышенное на горѣ мѣсто, гдѣ хотѣлъ объяснить причину таковой накладки камней, дѣлаемой всѣми по сей горѣ проходящими. Взошедъ на показанное возвышеніе, привелъ онъ меня къ пещерѣ, выложенной изъ камней и довольно просторной для одного человека. Въ боку сей пещеры показалъ онъ мнѣ яму, которой глубина натуральная была еще вырыта, и я полагалъ ее ар-

шинъ до 15. Въ сей ямѣ видны были во множествѣ наваленныя человѣческія кости. Спутникъ мой дорогою разсказалъ, что предъ тѣмъ лѣтъ болѣе 150, жилъ въ сей пещерѣ подъ видомъ пустынника, нѣкто по имени Давыдъ, котораго всѣ называли Артаръ (ш. е. истинный или праведный, и подъ симъ названіемъ общевенно разумѣлся такой человѣкъ, который долженъ былъ непременно въ раю). Въ то время, около прехъ лѣтъ продолжался здѣсь самой ужасной голодъ, такъ, что нѣкоторые жипели ѣли всякихъ животноныхъ. Давыдъ между тѣмъ удивлялъ всѣхъ образомъ своей жизни, и каждый день ходилъ въ монастырь къ обѣднѣ; но наконецъ случилось, что опъ монастыря по обыкновенію, около свѣтой недѣли, посланъ былъ одинъ изъ церковныхъ служителей по селеніямъ, для собиранія лицъ. Когда онъ проходилъ мимо той пещеры, Давыдъ пригласилъ его къ себѣ, какъ прохожаго для отдохновенія. Дѣлчокъ только что взошелъ въ пещеру, то пустынникъ, посадивъ его, неизвѣстно за чѣмъ вы-

шелъ вонъ. Онъ же между тѣмъ желая осмотрѣть пещеру, увидѣлъ сію яму, а въ ней человѣческія кости, и по тому взялъ на пустынника подозрѣніе. — Но какъ избавиться отъ него не находилъ никакого средства, то на оставленномъ имъ при выходѣ верхнемъ кафтанѣ назадъ успѣлъ написать углемъ: „спасите меня изъ ямы, онъ ѣстъ людей и меня съѣстъ.“ — Пустынникъ выходилъ только для предосторожности посматрѣть, нейдетъ ли кто вблизи отъ его пещеры, и потѣхъ возвратись назадъ, схватилъ бѣднаго дьячка, связалъ ему руки и ноги и завязавъ ротъ, опустилъ въ яму. Время было еще утромъ рано такъ, что пощастию дьячка пустынникъ въ тотъ же день пошелъ въ монастырь къ обѣднѣ. Онъ могъ оставлять свою пещеру безъ всякаго сомнѣнія, потому, что изъ уваженія къ нему по всей нашей землѣ ни кто не смѣлъ входить въ нее безъ его приглашенія; но какъ скоро въ церквѣ замѣтили, что у него было написано на спинѣ, то, прочитавъ надписи, въ шужь

минуту объявили монашествующимъ. Его задержали подъ карауломъ, а между тѣмъ послали нѣсколько чело­вѣкъ осмо­трѣть пещеру. Посланные выпавши изъ лмы несчастнаго дьячка, привели въ монастырь, а при томъ донесли и о видѣнныхъ чело­вѣческихъ костяхъ. Въ продолженіи голо­да весьма много людей пропало безъ вѣспи, и догадывались, что они къ­мъ либо были убиты въ пищу. Теперь все подо­зрѣніе упало на сего пустынника и онъ при первомъ допросѣ признался, что най­денныя въ его пещерѣ кости были поч­но съѣденныхъ имъ людей, которыхъ онъ къ себѣ заманивалъ, или въ ночное время ловилъ такимъ образомъ, что наставля­валъ по ближайшимъ и болѣе непроходи­мымъ дорожкамъ камни, грудой одинъ на другой, и когда прохожіи по темнотѣ находя на сіи камни, обрушивали ихъ, то онъ идя на спукъ отъ того производи­мый, примѣчалъ сколько людей проходило, и ес­ли случался одинъ, то онъ прибли­жаясь къ нему, по своему обыкновенію, для спранныпріимства заводилъ его въ

свою пещеру; а въ случаѣ несогласія убивалъ шупъ же на мѣстѣ. Послѣ шаковаго допроса, привязали его къ лошадиному хвосту и размыкали, такъ, что какъ говорится у насъ, остались одни уши. Съ тѣхъ поръ и вошло въ обыкновеніе, что всякой проходящій по сему мѣсту, спавишъ камень на камень. Въ продолженіи сей повѣспи спали мы подходишъ уже къ тому мѣсту, гдѣ должно было спускашъся съ горы на Аракатскую степь. Немного недоходя до онаго, на одномъ изъ тамошнихъ каменистыхъ холмовъ нашелъ я родъ маленькаго озерка, или нѣкошорое количество воды, а около его цѣлыми грудами разбишъя каменные разные сосуды. Товарищъ мой сказалъ мнѣ о семъ то, что я по наслышкѣ давно уже зналъ, и имянно: по кончинѣ Св. Месропа, владѣтельный Князь Ушаканскій, откуда мы шли, Ваганъ Амапуни, будучи человекъ въ то время весьма сильный, попребоваъ, чшобъ Месропъ, какъ уроженецъ Ушаканскій, пренесенъ былъ для погрѣбенія тѣла его въ тамошнюю церковь, гдѣ

послѣ и онъ самъ погребенъ подлѣ Месропа. — Духовные Этміацынскаго Монастыря, несшіе святое тѣло Месропа, для отдохновенія своего, и во множествѣ слѣдовавшаго за ними народа, оспановились на семь мѣсѣвъ, а по отдохновеніи, когда они спали продолжать свой путь, то вдругъ сдѣлался чрезвычайно сильной дождь, продолжавшійся только нѣсколько минушъ; послѣ чего дождевая вода соединилась вся на то мѣсто, гдѣ спяло тѣло Месропово. Съ тѣхъ поръ болящіе чесотками и другими паружными сыпями, приносятъ съ собою новые не держанные сосуды, окатывающіе сею водою, по томъ разбивающъ сосуды, и получающъ послѣ того весьма скорое изцѣленіе. Это есть дѣйствительная правда; но только не знаю я того, что показанная вода высыхаетъ ли въ лѣпнее время и собирается ли опъ новыхъ дождей, или сіюишь все одна и также неспощимою.

Потупчикъ мой шелъ весьма скоро, шорѣдсь возвратишьсѣ въ Ушаканъ, въ

попъ же день. По слабости моей отъ болѣзни, я былъ уже не силахъ поспѣшать за нимъ и опасался остаться одинъ, ибо въ осеннее время бывають у насъ среди дня шакія сильныя туманы, что на разстояніи даже одной сажени нельзя видѣть лица человѣка, и чѣмъ въ сіе время неопасъ какому нибудь хищному звѣрю, изъ коихъ большею частію нападаютъ тогда волки, я убѣдительно просилъ моего спутника идти пице; но онъ на просьбу мою не согласился и оставилъ меня одного. — Объятый страхомъ шелъ я уже по шихоньку, плакалъ, или чиналъ для ободренія себя моливвы. Сошедъ съ горы и пройдя Персидскую деревню Мулла-Дурсунъ (что значитъ для одного муллы), достигъ наконецъ монастырской мѣльницы, Юсь-Баша называемой, отъ которой до монастыря оставалось не болѣе какъ часъ, или часа полтора ходьбы. Я рѣшился нутъ отдохнуть и узнать отъ мѣльника, нѣтъ ли у насъ въ селеніи, или монастырѣ чего новаго; но взошедъ въ нее, услышалъ я

•

въ низу мѣльницы голосъ спонающаго человека. Я осмѣлился шуда спуститься и нацѣль мельника, связаннаго и брошеннаго между колесами. Онъ былъ весь почпи въ крови и едва могъ проговорить, чпюбъ я его развязалъ. У него были въ госпахъ разбойники, копорые ограбивъ все пшено и муку, въ добавокъ избили его такъ, чпо едва оставили живаго. При выходѣ онъ него, просилъ онъ дать знашь объ его приключеніи въ монастырь и въ се-леніи, въ копорое дошелъ я уже предъ вечеромъ. Робяпишки увидѣвшіе меня первые, потчасъ начали кричатъ: мершвецъ! мершвецъ! Всѣ сказали, чпо онъ упонулъ въ рѣкъ, мапъ давно уже служила по немъ панихиды и сдѣлала могилу; онъ изъ воды, мершвецъ! мершвецъ! — Такая вспрѣча и привѣспивѣи при совершенномъ изнеможеніи моемъ, привели меня въ робоспъ и я едва могъ дойти до своего дома, будучи безпреспапно провождаемъ крикомъ глупыхъ ребяпъ. — Взойдя въ домъ, увидѣлъ я мою мапъ, сидящую въ праурномъ

положеніи по нашему обычаю *) и въ глубочайшей задумчивости. Увидѣвши меня, она не вѣрила своимъ глазамъ, вспала и подходила ко мнѣ въ молчаніи; я поспѣхомъ проговорилъ: маиушка, я живъ! и бросился къ ней на шею. Бывъ опъ спѣшеннаго дыханія не въ состояніи ни слова промолвить, она прижала меня къ груди своей, и въ безмолвномъ рыданіи обливала меня своими слезами. Я также плакалъ, и опъ радостно, смѣшенной съ горестію, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ не могъ сказать ни одного слова. Цѣломъ успокоясь мало по малу, я пересказалъ ей всѣ бывшія со мною приключенія съ того времени, какъ посланъ былъ въ работу. Она также рассказала мнѣ, какимъ образомъ уведомили ее о моей смерти; какія дѣлала по мнѣ поминки и на послѣдокъ что еще пережила во время оплутки моей опъ притесненій и ненависти нашихъ злодѣевъ. — Какъ уже

*) По нашему обычаю трудъ означаетъ такъ: мужчина расстегиваетъ воротъ рубашки и грудь держитъ обнаженною, а женщина имѣетъ разпущенные волосы и покрываетъ голову чернымъ плащомъ.

со всѣмъ смѣрлось, пришелъ домой и старшій мой братъ. — Общая наша съ нимъ радость также была велика. — Ему снова я пересказалъ о себѣ то, что говорилъ матери. На конецъ поужинавъ вмѣстѣ кислаго молока, которое соспѣвляло всю пищу моей матери, разошлись спать. На другой день и нѣсколько дней съ ряду, всѣмъ селеніемъ удивлялись о моемъ возвращеніи, и многіе не вѣрили тому, пока сами меня не увидѣли. — Между тѣмъ мы жили хотя скудно, но спокойно, такъ какъ по окончаніи полевыхъ работъ и въ зимнее время занимаюся всѣ только собственными домашними работами и нигде не пребуду. Въ продолженіи зимы мать моя по совѣту со мною, пообѣщала чѣмъ женить старшаго брата, на что и онъ согласился, тѣмъ болѣе, что успѣлъ уже скопить у себя нѣсколько денегъ. Мы разсуждали, что съ умноженіемъ родственниковъ можемъ избавишься отъ пришельцевъ и состоимъ подъ защитою, и для того, чтобы войти въ родство съ досматочнымъ домомъ, или случайнымъ,

положили выбрать невѣсту не изъ самыхъ молодыхъ, но совершенныхъ лѣтъ. И такъ сдѣлали сватовство и вскорѣ сыграли свадьбу. Жена брата принесла ему въ приданое половину того, что онъ по обыкновенію долженъ былъ дать ее родителямъ. Расходъ свадебный нѣсколько былъ наверхъ, чѣмъ, что всякой гость, пирующій на свадьбѣ, даетъ для жениха нѣсколько денегъ, коихъ и собралось у брата рублей до осьмнадцати.

По обычаю нашему вышедшая въ замужество не можешь говорить въ домъ ни съ кѣмъ, кромѣ своего мужа и дѣвушекъ. — Она объясняется одними только знаками, и потчасъ отворачивается когда на нее мущина, или женщина смотритъ; садится за столъ съ однимъ только мужемъ и не бываетъ за общимъ. Случается, что такое пиранское правило продолжается даже и послѣ рожденія молодой замужнею женщиною 3 и 4 дѣтей, и иногда до десяти лѣтъ жизни своего съ мужемъ. Въ исходъ четвертаго мѣся-

ца послѣ брагнниной женидѣбы, мнѣ край-
не наскучили нѣмые разговоры невѣспки.
Я сожалѣлъ и объ ней, что такое обра-
щеніе должно быть для нее очень и ску-
чно и запруднительно. Поговоря о семь
съ машерью, я съ согласіи ея предложилъ
брапу, чтобы онъ позволилъ своей женѣ
говорить съ нами языкомъ, а не руками
и ногами; а при томъ изъяснилъ ему мое
усердіе учить ее грамотѣ. И такъ не
смотри на жестокой и глупой нашъ обы-
чай и на то, что въ селеніи будущъ надъ
нами смѣялись и зазирали, такъ какъ
узнать сего было бы невозможно, невѣсп-
ка обращалась съ нами какъ должно. Вско-
рѣ послѣ сего, по просьбѣ моего брата,
около Іюня мѣсяца, отправимъ я въ Бая-
зитъ съ однимъ тамошнимъ жителемъ,
который будучи въ нашей деревнѣ, сдѣ-
лался боленъ. У насъ была лошадь, на
которую посадивъ моего больного, самъ
шелъ пѣшкомъ, вмѣстѣ съ караваномъ,
шедшимъ въ Баязитъ же изъ Ашпарака
съ виномъ. Послѣ полудни дошли мы до
рѣки Ерасхъ, или Аракъ. Самое большое

ея разлитіе уже миновало, однако все была еще очень широка и большею частію глубока. Во время разлитія ея переправляются по ней иногда на плотахъ а иногда на доскахъ, привязывая къ концамъ оныхъ надупые кожаные пузыри, или мѣха, въ коихъ обыкновенно въ Азіи возяшъ въ дорогѣ вино, держащъ воду и молоко. Араксъ при разлитіи своемъ весьма быстръ и причиняетъ иногда много вреда сносишъ дома и изпреблаетъ посѣвы. Съ прудомъ наши мы мѣльное мѣсто и переправилися въ бродъ; но при семъ случаѣ я едза не погибъ въспѣ съ моимъ еѣдокомъ. При переходѣ чрезъ рѣку, я сидѣлъ также на лошади позади больного. По слабости своей онъ не въ состояніи былъ долго править лошадыю и упустилъ узду, а лошадь, сбившись съ мѣли, вдругъ всхупила въ глубь. Мыѣ закричали изъ каравана, чтобъ я, оставя Баязитца тонуть, спасалъ себя. Я ухватился за хвостъ моей лошади, а больной мой держался за меня. Къ счастію лошадь плыла весьма сильно, билась минутъ до десяти, искав-

ши выйти на мѣль, и наконецъ увидя сползшихъ на другой споронѣ лошадей, кои успѣли уже переправиться, устремилась къ берегу. По берегамъ Аракса растеетъ куспарникъ, называемой Елгонъ, имѣющій листьа и вѣтви на подобіе укропныхъ, вышиною около 3 аршинъ, а площадь самая большая около 3 вершковъ. Онъ горитъ чрезвычайно пылко и даетъ обширное пламя. Шедшіи въ караванъ люди, тотчасъ изъ сего растѣнія разложили огонь и обсушили мое платье. Предъ вечеромъ дошли мы до деревни Плуръ. Я пошелъ ко всенощной, пѣлъ и читалъ. Потомъ вступилъ я въ разговоръ съ священникомъ, чѣмъ охотѣнъ отъ него что нибудь узнать, дѣлалъ ему разные вопросы о значеніи нѣкоторыхъ Евангельскихъ текстовъ; но какъ большая часть сельскихъ священниковъ не только не разумѣютъ объяснить, но и не знаютъ сказать, въ какомъ мѣстѣ написано то, о чемъ спрашиваешь, то бѣдной Плурской священникъ пихонько съ убѣдительною видою шепнулъ мнѣ, чѣмъ я оставилъ мои вопросы и при-

шелъ бы къ нему въ домъ. Онъ угостилъ меня весьма хорошимъ ужиномъ и виномъ. Ночь провелъ я вмѣстѣ съ караваномъ. Между тѣмъ какъ я пѣлъ въ церкви, то спутники мои прославляя мою ученость, какъ по насльщикъ въ нашемъ селеніи, такъ и по разговорамъ моимъ съ ними на дорогѣ, выдумали разгласить, что я имѣю намѣреніе жениться. По чему тамошніи дѣвушки спарались выглядывать изъ подъ своихъ покрывалъ, чтобы я ихъ замѣпилъ. Но мнѣ было не до того; я думалъ какъ бы только поужинавъ и попраздновавъ получше на счетъ священника.

На другой день продолжая путь, около полудня переходили мы большія высоты подошвы горы Арарата на южной ея сторонѣ, предъ кою оканчивается граница Араратской степи деревнею *Архаче*, гдѣ родится изрядной мѣльничной камень и находится Персидская таможня. Здѣсь на одномъ особенно возвышенномъ холмѣ, называемомъ *Хачъ Гидуку* (крестная высота) увидѣлъ я воздвигнушый на

могилѣ большой надгробный памятникъ, и спрашивалъ объ немъ больного моего Базиліища. Онъ сказалъ мнѣ, что одинъ изъ Епископовъ Етміацынскаго монастыря, за нѣсколько дней лѣтъ, возвращался изъ своего волжа въ монастырь, остановился въ Базиліищѣ въ нѣкоторомъ домѣ, гдѣ во время стола, за которой только что сѣли, хозяинъ дома сказалъ ему, чтобы онъ по примѣру прочихъ взялъ палку. Епископъ удивился, спрашивалъ тому причину, ему отвѣчали, что въ городѣ появилось въ то время много змѣй, что и въ домахъ должно опасаться быть отъ нихъ увлеченными, и для того всякой имѣешь палку, чтобы въ случаѣ, если змѣя покажется, было чѣмъ оборониться. Епископъ услышавъ сіе, тотчасъ всталъ изъ за стола, повергнулся на колѣни, и молился Богу, что то про себя читалъ. Потомъ вставъ, сказалъ всѣмъ бывшимъ въ томъ домѣ, что пока будутъ цѣлы у него зубы, до тѣхъ поръ въ семъ городѣ никто отъ змѣи увлеченъ не будетъ. По окончаніи обѣда Епископъ не мѣшкая

отправился въ свой путь, но только что выѣхалъ онъ за границу города, вдругъ поднялся въ немъ чрезвычайный шумъ отъ змѣй, кои изъ всѣхъ мѣстъ устремились вонъ изъ города. Жители приведены были симъ явленіемъ въ чрезвычайное смятеніе и удивленіе. Паша въ ту же минуту чрезъ крикуновъ повелѣлъ донести ему, не было ли у кого въ городѣ какого нибудь особеннаго приключенія. Симъ способомъ узнавъ о дѣйствіи Епископа и о сдѣланномъ отъ него обѣщаніи послалъ гонцовъ, чтобъ привести къ нему его голову, которая ошсѣчена у него на семь мѣстъ, на которомъ его догнали, и положена въ свинцовомъ ящикѣ при входѣ въ домъ Паши, для того, чтобъ по словамъ Епископа, сберечь зубы его въ цѣлости, а тѣло погребено здѣсь, и съ согласія тогдашняго Патріарха, Паша, въ знакъ памяти Епископа, соорудилъ сіе надгробіе, которое какъ ты видишь, говорилъ онъ, показываетъ само собою, что существуетъ нѣсколько уже вѣковъ. Онъ обѣщаль мнѣ по прибытіи въ Галатѣ пока-

зашь и голову Епископа. Я за непремѣнное положилъ испытать справедливостъ пересказаннаго мнѣ. Пройдя еще нѣскольکو часовъ, принужденъ я былъ отстать отъ каравана по просьбѣ одного Ашпаракца, у котораго нагруженная виномъ лошадь отъ усталости не могла слѣдовать далѣе за караваномъ. Опустивъ моего больного съ прочими, остались мы на мѣстѣ около 3хъ часовъ, не далеко отъ пустой деревни Карабазаръ, гдѣ въ прежнія времена стоялъ большой городъ *); къ ночи дошли мы до Баязитской деревни, называемой Гара Булахъ, что значить черной ключъ, который тамъ находится. Здѣсь догнали мы свой караванъ и ночевали вмѣстѣ. Деревня сія находится при самомъ окончаніи высотъ, кои мы переходили, и есть Баязитскаго владѣнія Курдустанской области. — Жители оной называемые Язиты, есть народъ кочующій. Лѣтомъ они уходятъ въ горы, но

*) Говорятъ, что здѣсь въ древности протекала рѣка, но послѣ сокрылась, что легко и быть можетъ; ибо я проходилъ снѣжнѣе мѣстомъ, дѣйствительно слышалъ довольно чувствительный шумъ текущей воды подъ землею.

на зиму возвращаются на свое мѣсто, которое есть, такъ сказать, непремѣнное ихъ пребываніе, по причинѣ чрезвычайной прилипности воды Гарь-Булаха, или чорнаго ключа. Язипцы не есть Магомешане, и со всѣмъ неизвѣстно какую исповѣдуютъ вѣру. Они говорятъ по Турецки, но имѣютъ особенный и собственный языкъ, также никому неизвѣстный. Письмень у нихъ нѣтъ. Между ими находясь избранные родъ ученыхъ, кои потомственно передаютъ словесно какой то однимъ имъ извѣстный секретъ, каждый одному изъ своихъ сыновей, котораго признаешь къ тому достойнымъ. Должно удивляясь въ нихъ еще нѣкоторымъ особеннымъ дѣйствіямъ. Въ кляпвѣ и иныхъ случаяхъ, они какъ Христиане, дѣлаютъ на себѣ крестное знаменіе, но только со всѣмъ отличнымъ образомъ, и именно, сложивъ вмѣстѣ оба кулака, поднимаютъ только большіе пальцы, и держа ихъ соединенно, крестятся ими. Красное вино пьютъ, держа также обѣими руками и утверждаютъ, что вино сіе есть Хри-

стова кровь; еспѣли же случится, упасть капль того вина на землю, лижущѣ по мѣсто языкомъ. Въ гостепріимствѣ привѣпливы и усердны безпримѣрно. Всякой Язипецъ гоповъ пожертвованъ всѣмъ своимъ семействомъ, но не выдасъ своего госпия и недопустилъ оскорбить его, пока онъ у него пребудетъ. Запрещающѣ бранищѣ діавола и готовы за сіе убить, говоря, что діаволь прежде былъ первый у Бога, и за грѣхъ свой предъ нимъ наказанъ сверженіемъ съ неба и лишеніемъ Ангельскаго вида, и можетъ быть что Богъ опашъ его проспиши и возведетъ въ прежнее его достоинство. Еспѣли около Язипца, гдѣ онъ спощъ или сидищъ, кто либо обведетъ кругъ, то онъ шущъ гоповъ умеретъ и не выидетъ пока не сошрущъ круга, о чемъ, буде кто такимъ образомъ надъ нимъ посшупитъ, просищъ убѣдительнѣйшимъ образомъ. Но что странность сія значилъ, эта тайна извѣстна только имъ. Надъ умершими родственниками платущъ и сѣшующъ по со року дней, сиди надъ кладбищемъ день и

ночь. Случалось, что нѣкоторые изъ нихъ, не употребляя долгое время пищи, совершенно отъ того изнемогали и даже умирали надъ могилою. Сказанное здѣсь о Язипцахъ извѣстно всѣмъ въ нашихъ спра-
нахъ, и я все то видѣлъ и испыталъ самъ; а сверхъ того слыхалъ, что Язипцы въ память того, что жилили Ниневіи, по пророчеству Іоны, при дни молились Богу объ отпущеніи грѣховъ ихъ и о избавленіи отъ предопредѣленной имъ за развращъ ихъ гибели, также однажды въ годъ при дни сидящъ въ домахъ, погруженные въ печаль, и не токмо сами неупотребляющъ пищи, но даже и младенцамъ ничего не дающъ и скоша не кормящъ. Переночевавъ въ Гара Булахъ, къ вечеру слѣдующаго дня дошли до Баязипа. — Между Гара Булахъ и Баязипомъ, степное мѣсто все почти покрыто болотами и высокимъ камышомъ. Баязипъ стоишъ на горѣ и казался намъ отъ сѣверной стороны, отъ которой мы шли, выстроенымъ какъ бы домъ на домъ, которые почти до самыхъ послѣднихъ въ городъ строеній всѣ вид-

ны. Опъ такового мѣстоположенія города случаетсѣ иногда то, что при дождяхъ, которые тамъ бывають весьма сильны, идущаго челоуѣка сноситъ на низъ стремленіемъ текущей по покапости воды. Солнце видимо бываетъ тамъ только въ полдень, потому, что съ восточной и западной стороны городъ окруженъ возвышеніями горы, содержащими его въ тѣни.

Больной мой имѣлъ въ Балзипѣ собственный свой домъ; но къ несчастію сего бѣднаго челоуѣка жена его размопала почти все, что было имъ въ домѣ оставлено; и сверхъ того, когда онъ спалъ о томъ ее спрашивашъ, то она въ отвѣтъ осыпавъ его ругательствами, ушла со двора и болѣе не возвращалась. Мы почевали съ нимъ только двое; и нечего намъ было поужинашь; добрая хрзйка не оставила послѣ себя и куска хлѣба. На другой день надобно было ему со мною расплатиться; но по разстроеному состоянию своему, вмѣсто условленныхъ имъ

съ брапомъ моимъ за провозъ 90 парь , заплашилъ мнѣ шолько бо , чѣмъ я безъ всякаго огорченія и удовольствовался , а доспальныя, когда исправится , наказалъ опдашь въ церковь. Балзипъ населенъ большею частію Армянами и имѣеть чешырѣ церкви, изъ коихъ одна весьма пространная. Въ шопъ же день упромъ водилъ онъ меня въ Сарай, или дворецъ Пашинской и показывалъ шопъ свинцовой ящикъ, въ коемъ заключена голова нашего Епископа, и надъ кошорымъ по ночамъ съ шого самаго времени , какъ онъ убитъ, шеплился лампада на иждивеніе Пашей. — Около полудня случилось мнѣ бышь здѣсь свидѣшелемъ бѣдственной кончины одного изъ богашѣйшихъ шамошнихъ жипшелей изъ Армянъ Манукъ - Аги. Причина шому была слѣдующая: сынъ Паши шорговалъ у одного Купца большой Фесь, *) но не давалъ шой цѣны, какую хошѣлъ взять

*) Родъ скуфьи, которыми обыкновенно Азіатскіе народы носятъ на головѣ подъ шапкою. Они дѣлаются двоякимъ образомъ: одни малыя круглыя, а другія съ длинною широкою лопастью, и сіи послѣднія продаются весьма дорогою цѣною.

Купецъ, а Манукъ Ага заплашилъ болѣе, и иминно то, менѣе чего Купецъ не хотѣлъ опдаться. Пашинской сынъ тѣмъ обидѣлся и жаловался опцу; а сей почель справедливымъ, велѣлъ Манукъ - Агу, за мнимое оскорбленіе чести сына своего, повѣсиль, что и было исполнено при моихъ глазахъ. Пожалѣвъ объ участи сего человѣка, поропился я выйши изъ Баязита; но прежде желалъ осмотрѣть спроющійся на горѣ дворецъ Пашинской, который также видѣнь былъ опъ дороги и представляетъ издали очень хорошій видъ. Онъ спроился изъ чернаго и бѣлаго мрамора, обдѣланнаго въ небольшихъ камняхъ на подобіе здѣшнихъ кирпичей; а вмѣсто извести, для вязки камней, употреблялся свинецъ и сверхъ того укрѣпляли желѣзными скобками. Мраморъ, уже обдѣланный, также свинецъ и железо, доставляли изъ Эрзерума, опъ Баязита шесть дней ѣзды. Дворецъ сей спроился на подобіе замка или крѣпости; ибо вокругъ его была выкладена стѣна изъ того же мрамора. Впрочемъ зданіе сіе вообще не очень велико.

Мнѣ однако сказывали, что оно началось спроеніемъ до того за 16 лѣтъ.

Между тѣмъ, какъ день былъ уже близокъ къ вечеру, то я рѣшился провести еще ночь въ Баязитѣ, и для того приспалъ въ Караванъ-Сараѣ, какъ шакомъ мѣстѣ, гдѣ удобнѣе могъ сыскать себѣ попушчика, а при томъ надѣялся провести время безъ скуки и слышалъ что нибудь новое. Хозяинъ накормилъ меня тамошнимъ опличнымъ и любимѣйшимъ въ городѣ кушаньемъ Кялла-Пача (т. е. голова ноги, горячая студень съ чеснокомъ).

Сей ночлегъ доставилъ мнѣ случай узнать чрезвычайное приключеніе, бывшее только за сущки до прихода моего въ Баязитъ, и о которомъ къ удивленію моему не случилось мнѣ ни опъ кого слышать ни одного слова въ продолженіи цѣлаго дня. Хозяинъ постоялаго двора, на вопросъ мой: нѣтъ ли у нихъ чего новаго, рассказалъ мнѣ подробно о мученіи и

смерти, извѣстной по всей тамошней странѣ красавицы Манушакъ, (названіе одного самаго пріятнѣйшаго свѣтло-лазореваго цвѣтка), которая жила въ нашемъ селеніи Вагаршапатъ съ лишкомъ годъ и вышла изъ него не болѣе какъ съ месяцъ до отъѣзда моего съ больнымъ въ Баязилъ. Приключенія сей красавицы, или, приличнѣе сказать, мученицы, были уже извѣстны, кромѣ послѣдняго ея мученія и кончины.

Манушакъ была жена сына Хнусскаго *) Армянскаго священника. По чрезвычайной ея красотѣ, Хнусской Паша отнялъ ее отъ мужа насильно и жилъ съ нею 6 лѣтъ. Въ продолженіи того времени, она тайно исповѣдывала Христіанскую вѣру и даже пріобщалась святыихъ таинъ въ собственныхъ своихъ покояхъ. Для исполненія сего, священникъ входилъ къ ней подъ видомъ купца, якобы для продажи какого либо товара, или вещей. Въ послѣдній годъ, Паша имѣлъ къ ней совер-

*) Хнусъ въ той же Курдистанской области.

шенную довѣренность; оставлялъ безъ надзору и позволялъ выѣзжать прогуливаясь. На послѣдокъ случилось ему оплутаться изъ города сутки на прои, за охошою ли, или по какимъ надобностямъ, вѣрно сказать о семъ не могу. Въ сіе самое время написала она къ мужу своему письмо и послала оное съ разнощикомъ Армининомъ, приходившимъ также для продажи вещей подъ видомъ Магомешанина. Въ семъ письмѣ коротко писала она, что привлеченная силою подъ иго ложнаго закона, и оплутенная опъ церкви Христовой уже 6 лѣтъ, спремится шеперь воспользоваться удобнымъ случаемъ чѣмъ повергнуться въ объятія святой вѣры; прося его согласиться къ побѣгу съ нею, и для любви Божіей рѣшиться на все, презирая всякую опасность; она назначила ему время и мѣсто, гдѣ ее ожидать. Сложивши съ себя всѣ драгоцѣнности, и одѣвшись въ простое платье, приготовленное напередъ можетъ быть собственнo для сего намѣренія, или подъ предлогомъ подарка какой нибудь оужащей при

ней невольницы, вышла она изъ палатъ и заперла свои комнаты.

Нещастный мужъ дожидался уже ее на назначенномъ мѣстѣ. Они рѣшились удалиться къ намъ въ Вагаршапатъ, какъ въ безопаснѣйшее отъ преслѣдованій Хана мѣсто, изъ котораго, естли кто прибѣгнетъ подъ защиту монастыря, никто уже взять не можетъ; даже самъ Шахъ и Султанъ Турецкій не пожелаютъ изшоргнуть покровительствуемаго Божиимъ храмомъ, изъ уваженія къ оному. Манушакъ жила у насъ въ селеніи съ своимъ мужемъ не съ большимъ годъ, точно же сказать времени не могу, а помню только, что за нѣсколько мѣсяцовъ до оправленія меня въ Баязитъ я ее видѣлъ и съ прочими удивлялся ея красотѣ. Она по справедливости превосходила ея всѣхъ прелѣсныхъ женщинъ не токмо у насъ, но и въ Баязитѣ, гдѣ женщины, можно сказать, чрезвычайно пріятныя и имѣютъ непосредственную бѣлизну, что болѣе относится къ водѣ тамошняго из-

шочника, называемаго Агъ-Булахъ, что значить бѣлый изшочникъ или ключъ. Старшины наши и всѣ тѣ, кои считаются у насъ по своему соспоянiю сильными, во все время бытности у насъ Манушакъ, на перерывъ старались удостоиниться ея благосклонности. Опивъ ея всѣмъ была одинаковой, что они дасть ей того не могутъ, что она имѣла и оставила, чтобы сохранить вѣру и законъ Христіанской, и, что она болѣе того могла давать другимъ, что они ей предлагаютъ. Преступныя ихъ домогательства можетъ быть наконецъ были бы ими оставлены, если бы не замѣшалась въ игру зависъ молодыхъ нашихъ женщинъ. Надобно сказать справедливо, что участіе ихъ въ семъ дѣлѣ было причиною учиненнаго съ нею тиранскаго поступка. Господа наши старшины собравшись ночью, нѣсколько человекъ, пришли къ дому, гдѣ Манушакъ жила съ своимъ мужемъ. Выломавъ двери, и не требуя уже ея согласія, удовлетворили своему вождельнiю насильнымъ образомъ. Несчастный мужъ ея, для сокры-

тія стыда своего, удалился изъ селенія тайно. Поступокъ злодѣевъ сдѣлался извѣстнымъ на другой же день. Они не думали скрывать его, находя въ немъ свою славу, а женщины постарались о томъ разгласить. Манушакъ не могла выходитьъ болѣе изъ дома; мальчишки, сполько же наглые, какъ и опцы ихъ, толпами слѣдовали за нею и поносили безчестнымъ названіемъ, что принудило несчастную Манушакъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, удалиться ночью изъ селенія. Хозяинъ постоялаго двора, къ симъ извѣстнымъ уже мнѣ обстоятельствомъ, дополнилъ, что Манушакъ пришла въ Баязитъ и жила тамъ около мѣсяца. Между тѣмъ Хнусской Паша, по побѣгъ ея, разослалъ повсюду извѣстія, въ томъ числѣ просилъ и Баязитскаго Пашу, что если Манушакъ найдется въ его владѣніи, то приказалъ бы убить ее, или препроводить къ нему. Манушакъ, сколько ни скрывалась въ Баязитѣ, но нѣкоторые узнали ее и донесли Пашинскому сыну о красотѣ ея. Онъ приказалъ привесши ее предъ себя, дѣлалъ

самыя лѣспныя предложенія, и прѣбавалъ, чтобъ она приняла Магомешанскую вѣру, какъ самое важное вступленіе для согласія на любовь Христіанки съ Магомешаниномъ. Она отвергла все: богатства, любовь и лжепророка, и съ мужеспвомъ презирала всѣми угрозами. Ее отвели въ темницу и мученіями хотѣли изпоргнущъ желаемое согласіе. Между прочимъ жгли ее разкаслнымъ желѣзомъ; но она терпѣла все и рѣшително опивѣчала, что ожидаетъ и желаетъ вкусить смерть для Иисуса Христа. Паша и сынъ его объявили всѣмъ подданнымъ Магомешанамъ, что Манушакъ находясь прежде въ вѣрѣ Магомешанской, оставила ее, и принявъ вѣру Христіанскую, опреклась съ презрѣніемъ обратиться къ ихъ закону. Они осудили ее на побіеніе камнями, и для сего назначили мѣсто за городомъ. Всѣ Магомешане, жившіе въ городѣ и въ ближнихъ селеніяхъ собрались къ тому мѣсту; осужденную поставили въ яму и всякой бросилъ на нее свой камень.

Въ наступившую ночь Магометане, жившіе въ ближайшихъ домахъ къ означенному мѣсту, гдѣ Манушакъ убитъ, первые увидѣли восходящій опѣ того мѣста нѣкоторый свѣтъ. Любопытство заставило ихъ выйти изъ домовъ и приблизиться къ оному мѣсту, гдѣ почувствовали они пріятный и до селѣ неизвѣстный имъ ароматный запахъ. Будучи приведены симъ явленіемъ въ изумленіе, они потѣ же часъ о семъ чудѣ дали знать въ городѣ. Собравшіеся всѣ вообще Магометане и Христіане равнымъ образомъ поражены были удивленіемъ, смотря на сіяніе и обоняя ароматы. На другой день Армяне согласясь единодушно, принесли Пашѣ нѣкоторую сумму денегъ, за то, чтобъ позволилъ взять тѣло убіенной, и похоронили оное въ подгорной церкви Цыранаворъ. Справедливость сего послѣдняго приключенія съ Манушакъ, пересказаннаго мнѣ хозяиномъ, я рѣшился непременно изслѣдовать и по утру, пошедъ на мѣсто побіенія, нашелъ дѣйствительно въ помянутой ямѣ множество камней, кои всѣ ка-

зались обагрёнными кровію. Послѣ сего ходилъ по улицамъ почти цѣлый день и спрашивалъ о справедливости ночнаго явленія всякаго, кто только мнѣ попадался, особливо же изъ Магомешанъ, на коихъ безпристрастіе въ семъ случаѣ могъ я болѣе положиться. Всѣ единогласно подтвердили истинну сего произшествія, а таковое свидѣтельство безъ всякаго сомнѣнія заставляетъ меня вѣрить, что Манушакъ принявъ мученическую кончину за вѣру Христіанскую и цѣломудріе, можетъ быть точно сдѣлалась угодною предъ Богомъ.

Не за долго предъ вечеромъ, поспѣшилъ уже я выѣхать изъ Банзита. На дорогѣ осмотрѣлъ означенную церковь Цыранаваръ, и опдалъ поклонъ Манушакъ на мѣстѣ ея погребенія. Сошедъ съ горы остановился на ночлегъ въ подгорной деревнѣ Арцабъ, гдѣ находится совершенной бѣлизны глина, каковой въ тамошнемъ краю ни гдѣ больше нѣтъ, кромѣ ссей деревни, и изъ копорой дѣлають раз-

ные посуды. Здѣсь нашель я себѣ попуш-
чика и на другой день подѣ вечерѣ благо-
получно возвратился въ Вагаршапашъ.

Я разсказаль все, что видѣль и слы-
шаль въ разсужденіи убіенной Манушакъ;
но мнѣ никто не хотѣль вѣришь, судя
по бытности ея у Хнусскаго Хана въ
наложницахъ, и по пресупленію учинен-
ному съ нею нашими извергами. Но на
другой день удостовѣрились въ томъ со-
вершенно; ибо опѣ Баязитскихъ священ-
никовъ было уже прислано къ Паптріар-
ху донесеніе, коимъ подтверждалось мое
извѣстіе, во всей подробности и опѣ
слова въ слово. Пресупники, поражен-
ные стыдомъ, имѣли еще духъ сказать:
„слава Богу, что такъ случилось;“ то
есть, что Манушакъ праведница.

Подаши плащатъ у насъ женатой
четыре, а холостой два рубли. Узнавъ,
что я за провозъ Баязита досталь рубль
денегъ, потѣхъ донесли управляющему
селеніемъ монаху, что меня, какъ пришед-

шаго въ совершенный почти возрастъ, надобно положить въ окладъ, и какъ я спалъ уже наживалъ деньги, то назначили съ меня братъ не по два, но какъ съ женошаго по чешыре рубли. — Монахъ очень былъ доволенъ таковымъ представленіемъ, и не медленно приказалъ съ меня и брата моего взыскать восемь рублей. — Я отдалъ все что имѣлъ, то есть, одинъ только рубль, а за доспальныя по повелѣнію управляющаго начали меня мучить предполагая можешь быть, что капли крови моей не обрахтятся ли въ деньги. Братъ мой видя таковыя злодѣйства, рѣшился поскорѣе продать изъ домашнихъ вещей даже самыя необходимыя, чпобъ удовлетворить жадности монаха и зависти старшинъ, и такимъ образомъ освободилъ меня отъ изспызаній. Но послѣ сего, чрезъ нѣсколько дней, братъ мой не надѣясь имѣть въ селеніи ни спокойной жизни, ни нажить денегъ, рѣшился оставить домъ и жену, и удалился на лѣто въ деревню Егвардъ, отъ Вагарша-

папа кь сѣверной споронѣ на день ходу, гдѣ онѣ безъ всякаго сомнѣнія по своему художеству могъ наработашъ и накопишъ нѣсколько денегъ.

Какъ скоро братъ мой ушолъ, то въ отпущеніе за сіе, спали меня каждый день посылать на полевая работы, такъ, что кромѣ одной ночи и воскреснаго дня, я не имѣлъ ни одного часа покоя. Но въ праздникъ Вознесенія, когда всѣ жители Ериванской области собираются на одну превысокую гору, лежащую кь сѣверо-восточной споронѣ, отъ нашего селенія ходу дни на два или съ небольшимъ, мы съ матерью оставя дома одну невѣстку, также пріѣхали туда на своемъ ослѣ. Гора сія соединяется съ горою Аракашскою простирающимся отъ сей послѣдней хребтомъ. Вершины ея во все почти неприступны по совершенной крупизнѣ огромныхъ каменныхъ скалъ. Впрочемъ положеніе ея весьма пріятно; ибо на ней растушъ почти повсюду различныя травы и цвѣты, въ шомъ числѣ отпѣнно ду-

шистая, Урць называемая, которую употребляютъ здѣсь въ аптекахъ. Дикихъ козъ и оленей, а особливо первыхъ, видѣль я чрезвычайно много. — Дикія козы особенно удивительны тѣмъ, что имѣютъ весьма великіе рога, до полушора аршина и даже болѣе. Персіане употребляютъ ихъ вмѣсто трубы, въ которую обыкновенно созываютъ народъ на молитвы и въ прочихъ случаяхъ. Голосъ таковой трубы отменно пріятенъ. Гора сія какъ бы раздѣляется глубокою впадиною, по которой отъ самыхъ вершинъ течетъ маленькая рѣка, скрывающаяся по томъ при подошвѣ противоположныхъ холмовъ. Въ довольномъ отъ подошвы ея разстояніи, въ одной весьма высокой каменной скалѣ находится натуральная пещера, раздѣленная сводомъ, также натуральнымъ, на два отдѣленія; въ пещеру сію всходятъ по подставнымъ лѣсницамъ. Въ первомъ или переднемъ отдѣленіи помѣщаются богомольцы, челоуѣкъ до ста, а въ другомъ, которое гораздо менѣе, совершается въ день Вознесенія литургія. Въ сей послѣд-

ней находится могила, и, какъ во всей тамошней странѣ говорятъ, почивающъ въ ней мощи свѣтой Варвары великомученицы. Въ ней же по лѣвую руку спойтъ немного воды, никогда не изсякающей. Я испыталъ здѣсь самъ со всѣмъ вниманіемъ слѣдующее чудо, о кошоромъ прежде зналъ только по общему слуху. Подъ сею пещерою находится другая, но гораздо темнѣе; и изъ подъ того мѣста, гдѣ въ верхней пещерѣ спойтъ вода, на пополокъ нижней пещеры держашся какъ бы проходящія той воды капли. Капли сіи, естли подъ нихъ подойши, упадающъ какъ на муцинъ, такъ и на женщинъ, раждающихъ дѣтей; но естли спанетъ женщина, еще не рождавшая, то капля, готовая упасть, оплещаетъ въ сторону; когда же каковая женщина подойдетъ и на то мѣсто, капля опять оплещаетъ, скольбы ни было сіе повтораемо. Сей опытъ дѣланъ при моихъ глазахъ нѣсколько разъ, что я и утверждаю какъ совершенную истинну.

Пребываніе на семь мѣстъ молеыщикоу продолжается не болѣе двухъ сутокъ. Цѣль сего моленія, святой великомученицѣ приносимаго, относится ко спасенію дѣтей отъ оспы; на каковый случай приносятся шупъ въ жерпву овцы и другія въ пищу употребляемыя животныя.

При возвращеніи домой, я желалъ по-видашься съ моимъ братомъ, и для того рипуспивъ мать мою одну, пошелъ въ Егвардъ съ тамошними жипелями. — За нѣсколько верспъ недоходя до сей деревни, увидѣлъ я въ споронѣ множесшво надгробныхъ памяшниковъ, выщиною опъ семи до девѣпи аршинъ. Я просилъ одного молодаго Егвардца, проводить меня и показашъ шѣ рѣдкости, о коихъ онъ, при видѣ сихъ памяшниковъ, мнѣ разказалъ, обѣдаясь, когда случипся ему бытъ въ нашемъ селеніи, припиль его у себя и угостипъ. Согдасясь на мою просьбу, опъ стали мы опъ прочихъ спущниковъ и пришли на означенное мѣспо. Оно есть древнее кладѣбище, называемое *Огусъ*, что

значить великанъ, или мѣсто великихъ. Въ древности былъ здѣсь большой городъ. Могилы всѣ необыкновенной величины; однаже изъ нихъ, нѣсколько отрыпаная, въ двѣ сажени. Товарищъ мой показалъ мнѣ кости погребеннаго въ ней, изъ коихъ ручная, отъ кисти до локтя, съ лишкомъ въ аршинъ Персидской, который пропивъ Европейскаго болѣе около третьей части; ибо изъ 70 аршинъ Персидскихъ выходитъ сто Европейскихъ; кость же ноги, отъ плюсны до колѣна была мнѣ по поясъ; по сему можно судить и о величинѣ всего корпуса. При разсмащиваніи сихъ бранныхъ остатковъ крепости и силы вѣковъ прошедшихъ, я нѣсколько минутъ стоялъ неподвиженъ, погружившись мыслию въ глубину лѣтъ минувшихъ и будучи исполненъ горестными чувствованіями. Въ продолженіе остальной дороги я былъ занятъ разсужденіями о тлѣнности всего сущаго въ поднебесной, о суевѣ и ничтожности гордыни и величія человѣческаго.

Братъ мой весьма обрадовался моему приходу. Я также очень былъ радъ, что

нашелъ его на первый случай довольнымъ своимъ положеніемъ. Онъ занимался своими башмаками, и работы было у него много. Въ деревнѣ Егвардъ родится шаковой хлѣбъ, каковаго нигдѣ или по крайней мѣрѣ во всей тамошней странѣ нѣтъ. Онъ столь бѣлъ, что почти не успукаетъ снѣжной бѣлизнѣ. Кромѣ одной высокой каменной колокольни, украшенной довольно хорошимъ рѣзнымъ мастерствомъ, болѣе ничего примѣчательнаго нѣтъ. Рѣки шамъ нѣтъ, а пользуются падающею съ горъ дождевою водою, которая собирается въ изкопанной для того прудѣ, а изъ него, въ случаѣ надобности, проводятъ и на поля. Пробывъ съ братомъ двѣ недѣли, возвратился я въ Вагаршапатъ съ однимъ изъ Егвардскихъ жителей, шедшимъ въ Араратъ. — Мы шли около рѣки Карпи. Каменистые берега ея, или глубина пропасти, по которой она течетъ, имѣетъ въ здѣшнемъ мѣстѣ до 40 и болѣе сажень. На семъ самомъ мѣстѣ, поварищъ мой предлагалъ мнѣ вмѣстѣ съ нимъ спуститься нѣсколько къ рѣкѣ, го-

вора, что мы шутъ между камнями что
 нибудъ найдемъ. Я спросилъ его, по ка-
 кому случаю и чего можно здѣсь искашь.
 Онъ объяснилъ мнѣ, что около 1717 года
 Турецкой Сераскирь Паша Кіюпро-Огло
 и попалъ Османъ Паша разбишь былъ
 здѣсь на голову Персіанами, и войски
 его всѣ почти изпреблены. Турки не
 знали таковаго здѣсь мѣстоположенія;
 а Персидскій военачальникъ, будучи весь-
 ма искусный воинъ, заманивши ихъ къ се-
 му мѣсту, употребилъ всѣ силы сбить
 и принудилъ отступитъ къ оному. Коль
 скоро Турки увидѣли сію ужасную моги-
 лу и свою оплошность, потеряли послѣд-
 нее мужество и были почти всѣ шуда
 опрокинуты. Сія побѣда доставила въ ру-
 ки Персіанъ и городъ Ериванъ, бывшій до
 того во владѣніи Турецкомъ. Послѣ сего
 я хопя совершенно былъ увѣренъ въ на-
 ходкѣ, ибо видимые мною повсюду въ ве-
 ликомъ количествѣ человѣческія кости
 давали знашь о множествѣ погибшихъ
 шутъ Турокъ, но за всѣмъ тѣмъ не полу-
 чилъ ни малой охоты рысковать моею

жизнію, то естъ: сломить себѣ голову, или бытъ уязвленнымъ змѣю. Товариць мой однако возврапился цѣль и дѣйствительно вынесъ съ собою серебряное кольцо и нѣсколько другихъ отъ оружія серебряныхъ же вещей. — Въ селеніе свое пришелъ я уже за полночь. Въ сіе время наступила жатва и обработка хлѣбовъ. Насъ согнали всѣхъ на работы, которую бѣдные должны были исправлять, какъ обыкновенно водились, и день и ночь, то на монастырскомъ полѣ, то на полѣ какого нибудь старшины. Время было чрезвычайно жаркое, и какъ отъ Воскресенья до Воскресенья домой насъ не пускали, то мы большою частію должны были питаться сухлою пищею. Между прочимъ давали намъ рыбу, называемую шарегхъ, весьма соленую, которая привозится изъ Ахшамарскаго озера, находящагося въ области Ванъ, шурецкаго владѣнія. Не столько отъ жара, сколько отъ таковой пищи одолѣвала насъ безпрестанная жажда, отъ которой употребляя много воды и плодовъ, раздушіеся наши же-

лудки конечно бы полопались, естълибъ мы не разминались пѣжкою нашею работою. Сверхъ того днемъ, кромѣ солнечнаго палищаго зноя, мучилъ насъ оводъ, а ночью комары и опасность быть уязвленнымъ отъ скорпіона, или змѣи, не давали намъ спокойной минушы. — Такая работа продолжалась слишкомъ два мѣсяца до половины Августа. Между тѣмъ не за долго предъ окончаніемъ означеннаго времени, послѣдовало со мною въ моемъ семействѣ весьма чувствительное огорченіе. Мать моя разладила съ невѣсткою. У нихъ каждый день происходили самые шумные споры, такъ, что сосѣди стали мнѣ совѣтовать, чтобъ я постарался ихъ унять и примирить, говоря, что я имѣю право поговорить о семь и матери и невѣсткѣ, которыя конечно послушаютъ словъ моихъ, по тому, что ты де человекъ грамотной и можешь предсказать имъ разные резоны. Правду сказать, что раздоры сіи крайне меня огорчали, ибо мучась цѣлую недѣлю на полевой работѣ и приходи домой на одинъ

только день, я не могъ и шутъ найти себѣ спокойствія. Я уже и читалъ и слышалъ и видалъ, что гдѣ живутъ сто человѣкъ мужчинъ, тамъ можно найти миръ, но гдѣ сойдутся двѣ женщины, то тамъ напрасно искать добраго согласія; на послѣдокъ сію горестную истину должно мнѣ было испытать въ сердцѣ собственнаго семейства. Неоднократно покушался я вмѣшаться въ посредство, но не зналъ, чью взять сторону. На конецъ по совѣту сосѣдей, рѣшившись принять на себя причиненіе матери съ невѣсткой, я рассуждалъ напередъ, за которую бы было приличнѣе подать мнѣ свой голосъ. Если стану прошивъ невѣстки за мать, то она, какъ человѣкъ чужой, не будетъ рассуждать о справедливости моихъ представленій, но станеть жаловаться сосѣдямъ, а послѣ и брату, что мы съ матерью соединяемъ, по ненависти ее обижали и прилихняли безъ него, и такимъ образомъ можешь посѣять между нами раздоръ, несогласіе и самую ненависть. На прошивъ того мать конечно не обидишься

словами и совѣтами своего сына и припомъ любимѣйшаго; я даже надѣлся, что посредство мое будетъ ей приітно, и я безъ труда приобрѣшу себѣ честь примиренія какъ отъ нихъ самихъ, такъ отъ моего брата и сосѣдей. Но къ несчастію вышло на прошивъ, и мать моя хотя была изъ лучшихъ женщинъ, но все женщина. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней, когда у насъ сидѣли двѣ сосѣдки, и вмѣсто обыкновенныхъ разговоровъ слушали и сами говорили только о томъ, что опиносилось къ войнѣ матери моей съ невѣсткою, я, по сображенію моему о слѣдствіяхъ моего посредничества, обратился съ представленіемъ моимъ къ матери. Вспупленіе моей проповѣди началъ я извиненіемъ предъ нею, что осмѣливаюсь ей говорить, надѣясь, что она приметъ слова мои и не будетъ за то на меня гнѣваться; по томъ представилъ, что такіе раздоры, кромѣ того, что лишають ее послѣдней минушы спокойствія, дѣлають намъ стыдъ и зазрѣніе отъ сосѣдей нашихъ и отъ всего селенія; что мнѣ всѣ

о томъ говоряшь съ язвительными насмѣшками, укоряють небреженіемъ объ ихъ причиненіи, и что я даю обижать бѣдную невѣстку напрасно; что и брату моему также будетъ прискорбно, и онъ можешь съ нами чрезъ сіе повздорить и даже считать насъ въ числѣ своихъ непріятелей. — Естли же невѣстка наша нѣсколько спала дерзка и много противъ нее говоришь, то это происходитъ отъ того, что она по молодости лѣтъ своихъ, еще глупа и не можешь имѣть довольнаго терпѣнія; она же на противъ того какъ человекъ пожилой, видѣвшая въ жизни своей и худое и доброе, а по тому имѣя разсудокъ швердой и основательной можешь извинить ее глупость, хотя для своего сына, а ее мужа, и между тѣмъ безъ ссоры и шума давать ей нужныя наставленія и собою показывать примѣръ, по крайней мѣрѣ до того времени, пока возвратится братъ. Я можешь быть разпространился бы и еще въ моемъ поученіи, но мать моя вышла уже изъ терпѣнія слушать меня и принявъ посредниче-

ство мое за особенное пристрастіе къ невѣсткѣ, пришла въ сугубое раздраженіе, и между прочимъ упрекала меня самою ужасною не благодарностію къ ней за ея обо мнѣ попеченіи и воспитаніе. Сосѣдки съ начала представляли ей, что она меня обижаетъ напрасно; но видя что она вовсе ихъ не слушаетъ заключили представленіи свои смѣхомъ и оставили насъ продолжать нашу войну. Укоризны мащери моей и ея прощиву меня огорченіе пронули меня чувствительнымъ образомъ, тѣмъ болѣе, что я никогда почти не видалъ на себѣ ея неудовольствія, я старался ее успокоить сколько возможно и говорилъ ей уже со слезами, что я опшюдь не желалъ сдѣлать ей досаду, а старался только о томъ, чтобы ее успокоить и примирить съ невѣсткою для общаго нашего счастья, которое осмашся намъ только въ семейственномъ согласіи. Послѣ сего мащ моя мало по малу утихла и спала сожалѣть, что при чужихъ людяхъ много на счотъ мой наговорила; но раскаяніе ея было уже бесполез-

но. Сосѣдки успѣли разгласить по всему селенію о томъ, что слышали, и 700 домовъ узнали, въ однѣ почти суски, что я самой неблагодарнѣйшій и нечувствительнѣйшій изъ всѣхъ живописныхъ, прибавивъ къ тому, что якобы я имѣю пресупное обращеніе съ невѣспкою. — И такъ къ несносной спрудности моей жизни, присовокупилось еще то, что на каждомъ шагу поносимъ былъ ругательспвами и укоризнами отъ сшарыхъ и малыхъ нашего селеніа. Вспрѣчающіа со мною, указывая на меня, говорили одинъ другому, вотъ это тошъ самой, копорой дѣлаешь то-то, а еще ученой и грамотной и знаешь что худо и что хорошо. Мальчишки, когда я выходилъ со двора, бѣгали за мною по улицамъ толпами и кричали: вотъ, вотъ идетъ тошъ-то, ругали и не рѣдко швыряли въ меня камушками. Словомъ сказать, что я повсюду былъ преслѣдуемъ, и не было человека, копорый бы ушѣшилъ меня добрымъ словомъ и сказалъ бы въ оправданіе меня, что онъ не вѣритъ тому, что говорятъ обо

инѣ, кромѣ одного моего вшораго учите-
ля, у котораго я по воскреснымъ днямъ
находилъ убѣжище. Онъ только одинъ
утишалъ меня переносить сіе поношеніе
великодушно и безропотно, какъ вышед-
шее въ злой часъ опъ мащери, на кошо-
рую не должно ни въ чемъ огорчаться и
ободрялъ меня Божіею милосцію. Но ме-
жду тѣмъ не преминулъ выговорить и ма-
щери моей, что подвергла меня такому
посрамленію. — Она извинялась на сіе
только тѣмъ, что была очень раздраже-
на, и что теперь о томъ раскаивается.
Но это, какъ выше я сказалъ, было уже
поздно.

Столь жестокое состояніе мое раз-
строило совершенно расположеніе души
моей. Чувствованія мои были подобны
мутному волнующемуся источнику, оп-
клоненному опъ настоящаго своего на-
правленія. Я не могъ не любить мащери
и любилъ ее съ горячностію, но не могъ
уже быть своимъ въ домѣ нашемъ. Если-
ли я и приходилъ, то чуждался всего, и

ни во что не вмѣшивался. — Большею часію, когда свободенъ былъ отъ работы, находился у своего учителя, а иногда у сестры. Бѣдная мать моя видѣла и чувствовала мое положеніе, чувствовала свой поступокъ, плакала горько; но не имѣла ни силъ утѣшить меня, ни же духу сдѣлать къ тому какой либо приступъ: ибо не было ни какихъ средствъ избавить меня отъ ежеминутнаго и жестокаго посрамленія, коему меня подвергла. — Словомъ все между нами пришло въ самое печальное распройсво; а я между тѣмъ долженъ былъ получить наказаніе съ той стороны, за которую подалъ поводъ къ такому раздору.

По прошествіи нѣкотораго времени, замѣшивъ неоднократно за невѣсткою нѣкоторые домашніе безпорядки, рѣшился ей о томъ сказать, но сія строптивая женщина съ озаршностію ошвѣчала мнѣ, что я не хозяинъ дома, что у нее есть мужъ, и что я не имѣю ни какого права дѣлать ей выговоры. Послѣ сего

я вовсе уже не приходилъ въ домъ свой, а проводилъ время у сестры и учителя. Онъ, зная мой нравъ и любя меня, самъ совѣтовалъ, чтобъ я поберегъ себя отъ дальнѣйшихъ огорченій и приходилъ бы всегда къ нему, а на послѣдокъ даже совѣтовалъ со всѣмъ изъ селенія удалиться куда нибудь на чужую сторону; но я очень хорошо зналъ, что перевозносимая ученость моя безграмотными, въ другомъ мѣстѣ недоставившъ мнѣ не только опличія, но и куска хлѣба; для чего болѣе бы полезно было какое нибудь ремесло, а я не зналъ ни какого. Въ такомъ состояніи провелъ я осень и зиму до наступленія весны. Чувствуя всю невозможность оставаться въ селеніи рѣшился я на весну удалиться въ селеніе Ашпаракъ, отстоящее отъ насъ на день ходу, при мѣрно верстѣ около сорока, и вселиться тамъ къ какому нибудь жишелю въ должность садовника. Пришедъ въ Ашпаракъ я на другой же день нашелъ себѣ желаемое мѣсто у одного довольно зажиточнаго жишеля, Д. А. У него было нѣсколько

виноградныхъ садовъ; изъ коихъ одинъ я снялъ въ мое управленіе. Я зналъ нѣсколь-
ко садовое мастерство, по нашему мѣ-
сту; но по тамошнему климату и водѣ,
хотя и не въ дальнемъ отъ насъ расто-
яніи, обращались съ виноградомъ со всѣмъ
иначе. — Братъ моего хозяина отзель
меня въ назначенный мнѣ садъ, и далъ всѣ
нужныя наставленія. Общія кондиціи въ
Ашпаракъ садовника съ хозяиномъ сада
состояли въ томъ, что нужны по саду
расходы до созрѣнія плодовъ, садовникъ
дѣлаешь на свой щотъ; когда же вино-
градъ соберется, то прибыль дѣлится
погда съ хозяиномъ по поламъ. Всѣ сады
вообще въ нашей сторонѣ для охраненія
обносятся со всѣхъ сторонъ небольшими
слѣнами, такъ какъ въ прочихъ мѣстахъ
заборами. Порученный же мнѣ садъ об-
несенъ былъ только съ трехъ сторонъ,
по тому, что четвертая, или задняя спо-
рона прилѣгала къ рѣкѣ Карпи, которая
въ семь мѣстъ течетъ по пропасти, или
впадинѣ, столь же глубокой, какъ и вы-
ше мною сказано при возвращеніи изъ де-

ревни Егвардъ, но только не имѣеть споль обрывистой крупизны, какъ тамо, а довольно пологое разположеніе. Такое соспояніе моего сада было чрезвычайно опасно отъ разныхъ звѣрей, а особливо отъ волковъ, находящихся въ берегахъ рѣки, и которые въ нашей споронѣ, чрезвычайно хищны и часто нападаютъ на людей, бросаеь съ зади изъ за камней внезапно. — Таковая опасность заставляла меня быть оспорожнымъ каждую минушу. Ночь обыкновенно въ таковыхъ мѣспахъ спать на деревьяхъ, и по большой части постель разполагается на Априкосахъ. Не смотря на таковыя затрудненія, я занимался моимъ дѣломъ съ хорошимъ разположеніемъ духа, и жилъ въ саду весело. Всѣ хлопоты въ садахъ относились до одного только винограда, а протія фрукшовыя деревья ни мало собою не озабочивають. Въ Августѣ мѣсцѣ наступило собираніе винограда; плоды также всѣ созрѣли, и я съ радостію ожидалъ прибыти отъ дележа съ моимъ хозяиномъ. Но вдругъ отъ Ериванскаго Ха-

на прислано было въ Ашпаракъ повелѣ-
 ніе, чтобъ сіе селеніе вышавило сорокъ
 вьючныхъ лошадей съ людьми, для приво-
 за изъ области Шаруръ запаснаго для
 Ериванской крѣпости хлѣба. Таковыя по-
 велѣнія даны были по всей Ериванской
 области по тому случаю, что Шахъ Пер-
 сидскій Ага-Магомешъ-Ханъ выступилъ
 съ войсками своими изъ Теграна, своей
 столицы, для осады Еревана; по чему
 Ериванской Ханъ, хотѣлъ снабдить крѣ-
 постъ припасами, по разположенію его
 на семь лѣтъ. — Кромѣ коренныхъ жите-
 лей крѣпости, обыкновенно набирается
 въ оную для защищенія семь тысячъ че-
 ловѣкъ: четыре тысячи Персіанъ, а три
 Армянъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ при
 себѣ только одну жену, а дѣти остав-
 ляются въ жилищѣ, на попеченіи ихъ род-
 ственниковъ и ближнихъ, дабы не сдѣ-
 лать тѣсноты въ крѣпости, и чтобы не
 выйти изъ пропорціи хлѣбнаго запаса.
 Причина сему нашествію была та, что
 настоящій владѣлецъ Еревана опложив-
 шись опъ Шаха, заключилъ союзъ съ Ирак-

ліємъ, какъ ближайшимъ сосѣдомъ и платилъ ему дань; Ираклій же по сему обязанъ былъ защищать его, и помогать ему во всякомъ случаѣ прошиву Шаха. Я назначенъ былъ моимъ хозяиномъ въ число требуемыхъ отъ селенія 40 человекъ, и съ прочими прибылъ въ Еривань; а оттуда отправился въ Шаруръ, въ назначенную деревню. — Дорогою поварищи мои, Ашпаракцы, по зависти и ненависти ко мнѣ, только по тому, что я былъ Вагаршапской, не хотѣли со мною говорить, показывали злобу свою, и даже покушались меня бить. Я отдѣлывался отъ нихъ всѣми возможными уловками. Лошадь у меня была очень хороша, и я старался держать себя въ такомъ между ими положеніи, чтобъ въ случаѣ нужды, взять безъ препяпспвія передъ и ускакать. Однако до сего не дошло, и я благополучно прибылъ съ ними въ назначенное мѣсто. Такъ какъ, кромѣ хлѣба, ничего другаго для пищи мы не имѣли, да и шѣмъ запаслись не довольно: то я по обыкновенію моему пошелъ въ церковь къ вечер-

нѣ. Тотчасъ началъ указывать, что по не такъ, другое не такъ и прочее, а между прочимъ чипалъ и пѣлъ; не забылъ также сельскимъ священникамъ задать нѣсколько вопросовъ. Бывшіе въ церкви, изъ обывателей смопрѣли на меня съ уваженіемъ; а священники необходимо должны были приглашать меня къ себѣ и угощать. По мнѣ хорошо были приняты и мои товарищи. Я имѣлъ право надѣяться что сіи бездѣльники budouъ ко мнѣ признательны, но на пропивъ: природное ихъ злобное разположеніе еще умножилось по мѣрѣ зависти къ тому преимуществу, которое мнѣ предъ ними оказывали.

На другой день по полученіи назначеннаго количества пшена, котораго на каждую лошадь досталось съ лишкомъ по придѣлѣ липеръ, что составишь безъ мала по восьми пудъ, отправились мы обратно. Деревенскіе священники, у коихъ я успѣлъ пріобрѣсти любовь, не могу въ прочемъ увѣришь, истинную, или пришворную, провожали меня;

и какъ я былъ изъ монастырскаго селенія, и при томъ дважды находился въ самомъ монастырѣ, по полагая, что я тамъ могу быть для нихъ полезнымъ, просили меня въ случаѣ нужды неоставлять ихъ; а поварищи мои, отъ того, примѣтнымъ образомъ надрывались съ досады и зависти. — Съ навьюченными лошадьми мы не могли въ тотъ же день прибыть на мѣсто; а должны были ночевать на дорогѣ. По утру, когда надлежало укладывать на лошадей пшено, поварищи мои не хотѣли помочь мнѣ покласать на лошадь моихъ мѣшковъ, въ коихъ было вѣсомъ по чепыре пуда, самъ же я не имѣлъ силы поднять такую тягость, и по тому просилъ ихъ убѣдительно, со всевозможнымъ униженіемъ и почти со слезами оказать мнѣ помощь. Нѣкоторые изъ нихъ пронулись ли моими просьбами, или опасались оставить меня на дорогѣ, на послѣдокъ мнѣ пособили. Прибывши въ Ериванъ *) надобно было для высыпки пше-

*) При выѣздѣ изъ Еривана, я неупустилъ осмотрѣть его со вниманіемъ, а особливо крѣпость, когда мы привезли туда пшено. Здѣсь прилагаешся видъ сего города.

на взлѣзаніе на стѣну по лѣстницамъ, ибо хлѣбные анбары находятся тамъ въ самой стѣнѣ крѣпости и насыпка дѣлается сверху въ отверстіе, нарочно для сего сдѣланное. Всѣ впацили свои мѣшки и высыпали пшено; а я между тѣмъ, имѣя опять нужду въ ихъ помощи упрашивалъ по того, по другаго сдѣлать мнѣ помощь но ни кто изъ нихъ не хотѣлъ даже и отвѣчать на мои просьбы. По счастію моему въ это время Ханской Тарга Джафаръ *) надсматривая въ крѣпости надъ работами, причѣталъ нарочно происходившее между мною и моими поварицами. — Какъ скоро всѣ высыпку пшена окончили, а я оставался только одинъ, будучи не въ состояніи встѣпить мѣшковъ своихъ, то онъ со свитою своею потчасъ подбѣжавъ къ намъ, приказалъ поварицей моихъ бить плѣтьми, кричавши на нихъ: ахъ! вы злобныя и ненависныя пвари! для чего вы не хопите помочь сему бѣдному человѣку? Естли вы съ таковою нена-

*) Главной начальникъ надъ крѣпостью и надъ всѣмъ внутри города, покровитель особа Хама.

вистію поступаєте и съ своимъ годовѣр-
домъ: по чего уже должны ожиданіе отъ
васъ другіе? — и съ тѣмъ вмѣстѣ при-
казалъ имъ вспахать и выспахать всѣ
мои мѣшки; по томъ, въ вышнее наказа-
ніе, тогда же нарядилъ ихъ для спрою-
щагося въ Шарурѣ Ханскаго дома возить
туда бревна, а мнѣ велѣлъ для большаго
ихъ озлобленія сѣсть при ихъ глазахъ на
свою лошадь и слѣдовать за нимъ въ за-
городной его домъ, въ Дамиръ Булагъ на-
ходившійся. По прибытіи туда, Джафаръ
привелъ меня къ первой своей женѣ и ре-
комендуя ей, рассказалъ о моемъ приклю-
ченіи. Она была очень чувствительная
женщина и приняла меня съ великою ми-
лостію. Я накормленъ былъ очень сытно
и вкусно. По желанію жены Джафаровой
я пересказалъ ей мое состояніе и нѣко-
торыя главныя обстоятельства моей жи-
зни. Она послѣ сего еще болѣе приняла
во мнѣ участіе, и убѣдительно просила
мужа оставить меня у себя и сдѣлать
щасливымъ. Джафаръ самъ по себѣ былъ
человѣкъ добрый, и судя по его поступ-

ку съ моими поварищами, довольно справедливъ. Онъ охотно прінялъ ходапай-сво за меня жены своей, и говорилъ мнѣ что естли я хочу быть у него: то онъ оставишь меня у себя въ услуженіи, поручишь мнѣ въ управленіе свою деревню и дастъ жалованья сто рублей на годъ. Сіа деревня была изъ лучшихъ и находилась отъ города не болѣе какъ въ чешы-рехъ верстахъ. Я благодарилъ его и жену его за милости, и принималъ оныя какъ величайшее благодѣяніе; которое и въ самомъ дѣлѣ было бы таковымъ, естли бы обстоятельства допустили меня онымъ воспользоваться. Но я просилъ его опустить меня во первыхъ для того, чтобъ съ моимъ хозяиномъ расстаться по доброй его волѣ, дабы не подасть ему никакого повода огорчаться мною, ибо я имѣю окончишь у него мою должностъ, и получишь слѣдующую часъ; а во вторыхъ, увѣдомишь о семъ счастіи мою мать и испросишь отъ нее благословеніе. Джафаръ согласился на все и въ изъясненіе ко мнѣ сугубой милости, а Ашшаракцамъ

въ досаду, въ туже минушу послалъ повелѣніе, чтобъ лежащее на мнѣ у хозяина моего дѣло исправлено было за меня селеніемъ, а что придется на мою часть прибыли, выдасть мнѣ сполна. Сверхъ того сказалъ мнѣ, что естли я желаю, то могу взять съ собою мать и брата, и что всѣ они могутъ жить со мною спокойно и въ довольномъ состояніи. Спось милоспивыя, и по истиннѣ благодѣшмельныя предложенія, пронули меня до глубины сердца. Кланыя обѣимъ имъ въ ноги, и опблагодаривъ ихъ со всею моею чувспивительностію, опправился я въ Аштаракъ. Но прежде, нежели я шуда пріѣхалъ, сказанное повелѣніе уже было получено. Джафаръ по видимому нарочно приказалъ доспавить оное прежде меня. Повелѣніе сіе спосько напугало моего хозяина, что онъ боялся меня пусспить въ домъ, и вспрѣспилъ въ воропахъ сими словами: нѣтъ, нѣтъ брапець! за тебя, изъ бездѣлицы, выпшло спосько хлопоть, цѣлому селенію; — я боюсь имѣть съ тобою дѣло, чтобъ и мнѣ не нажить какой

бѣды. Бога ради спупай въ свое селеніе за тебя все здѣсь исправилъ, а за долею своею пришли брата. Хозяинъ мой не по-смѣлъ бы въ страхѣ спросить отъ меня и своей лошади, естли бы я захопѣлъ ее удержатъ; но я на прошивъ того со-жалѣлъ только о томъ, что съ такимъ добрымъ чоловѣкомъ долженъ былъ раз-сшатъся.

Пришедъ въ Вагаршапатъ, явился пре-жде къ моему учипелю; разсказалъ ему обо всемъ, и просилъ его, чтообъ онъ съ своей стороны уговорилъ мою машь оп-пустить меня къ Тарга - Джафару. Не смотря на то, сколь ни велико казалось благополучіе мое и моихъ домашнихъ; но онъ представлялъ мнѣ прошивъ того всѣ вѣроятныя опасности, говоря, что рано, или поздно, Персіане изъ зависти къ то-му, что Армянинъ управляетъ имѣніемъ такого великаго изъ нихъ чоловѣка, вскле-плютъ на меня какую нибудь вину; слѣд-ствіемъ чего будетъ то, что меня, по извѣстному Персіанъ обычаю, спанутъ

иучить, дабы принудить принять ихъ законъ, естли добровольно на то соглашуся; но предсавляя сіи резоны онъ однако же взялся поговорить о томъ съ моею матерью. Она приняла намѣреніе мое съ великимъ огорченіемъ, и какъ убѣждена была собственными опытами, то спрассась, чѣмъ я когда нибудь не оставилъ Христіанскаго закона, обременила меня всѣми проклятіями, естли я пойду жить къ Джафару. — И такъ принужденъ я былъ опспать опъ моего намѣренія. Но какъ вмѣстѣ съ тѣмъ настояла опасность опъ поисковъ и мщенія Джафара за то что предложенія его презрѣны; равнымъ образомъ и вышепомянутый случай, подвергавшій меня ругательствамъ и даже опасности быть убитымъ: то принужденъ я былъ жить въ домѣ тайно и ни куда не выходить, кромѣ учителя, да и то по вечерамъ поздно. Между тѣмъ Ашпаракское мое дѣло по приказанію Джафара было кончено, и брагъ мой получилъ слѣдующую часпъ; чему я былъ весьма радъ, ибо доставшаяся на мою долю прибыль

довольно была по нашему состоянію значительна. — По прошествіи не съ большимъ двухъ недѣль, Джафаръ не преминулъ спросить обо мнѣ присылаемыхъ къ нему отъ Папріарха еженедѣльно для навѣдыванія объ его здоровьѣ, которые по нарочно пропущенному отъ насъ слуху, сказали ему, что я уѣхалъ на Турецкую сторону.

По прошествіи еще нѣсколькихъ дней, какъ я угнѣтаемый моими общепонятельствами разсуждалъ, какъ и куда мнѣ удалиться, пришли посѣпить меня двое изъ моихъ товарищей, учившіеся вмѣстѣ со мною. Они меня любили, принимали во мнѣ нѣкоторое участіе, и по тому совѣтовали, чѣмъ я пошолъ въ монастырь св. Мученицы Рипсимы, въ услуженіе къ пріѣхавшему за годъ предъ тѣмъ изъ Іерусалима Архіепископу Сагаку, у котораго никто не уживался изъ монастырскихъ прислужниковъ, и онъ желалъ нанять когонибудь изъ вольныхъ. По сему совѣту на другой день пошелъ я въ монастырь, и

явился къ Сагаку, который по глубокой спароспи своей, ибо ему было уже слишкомъ 80 лѣтъ, и по многимъ трудностямъ жизни находился весьма въ слабомъ здоровьѣ. На вопросъ его о моемъ состояніи, я пересказалъ кратко всѣ мои обстоятельства, и даже послѣднее мое положеніе. Послѣ чего онъ спросилъ меня, какую я желаю получитьъ опъ него плату за мою службу. Зная по насльщкѣ трудность ему угодить, я просилъ у него только позволенія послужить ему мѣсяць, или два, и еспьли онъ найдетъ меня къ тому способнымъ: то я буду всѣмъ доволенъ, что онъ ни опредѣлитъ, и что я ищу одной только защиты и спасенія опъ ненависти и притѣсненій моихъ земляковъ. Сагакъ былъ очень доволенъ моимъ опвѣщомъ, и сказалъ мнѣ: „ну, мой другъ! я вижу, что ты будешь мнѣ служить до моей смерти“.

Онъ имѣлъ особенную келью, построенную имъ по прибытіи въ сей монастырь. Она раздѣлена была на три ком-

нашы. Я одинъ исправлялъ у него всякое дѣло, и служилъ ему съ усердіемъ. Каждый день пѣлъ и читалъ ему вечерни и заупрени. При чемъ получалъ отъ него всѣ нужныя наставленія, до церковнаго служенія относящіяся. Бѣседы его были только со мною однимъ: ибо его ни кто почти не посѣщалъ, или лучше сказать, онъ никого не принималъ. Иногда прогуливался онъ на своемъ Іерусалимскомъ ослѣ, на которомъ отшуда прѣхалъ. Сей осель никого, кромѣ сего Преосвященства не допускаетъ сѣсть на себя, и всегда поднималъ крикъ, естли кто хотѣлъ по сдѣлать. По прошествіи нѣсколькихъ дней, Сагакъ говорилъ мнѣ въ разсужденіи жалованья: ты знаешь что у насъ первые въ монастырѣ люди (т. е. тѣлохранители Паптріаршіе, составляющіе вооруженную свиту при его выѣздахъ) получаютъ только 16 рублей въ годъ; а я дамъ тебѣ двѣсти рублей. Но какъ ты человекъ молодой, и можешь употребить деньги иногда безъ пользы: то вѣсною куплю тебѣ садъ и мѣльницу. “ Я чрезвычайно былъ

радъ такому огромному назначенію, по тому болѣе, что совершенно былъ увѣренъ, не столько въ приобрѣщеніи сада и мѣльницы; ибо зналъ, что по смерти его, оныя будутъ опять меня опіяты, но болѣе въ полученіи отъ него, кромѣ того, довольныхъ денегъ, въ чемъ я не ошибся. Сагакъ полюбилъ меня сердечно, и я такъ сказать раздѣлялъ съ нимъ остатки дряхлой его жизни. Онъ часто давалъ мнѣ по нѣскольку десятковъ рублей, коль скоро узнавалъ какія нибудь нужды въ моемъ семействѣ, и до Рождества Христова: по еспѣ въ два мѣсяца, я успѣлъ получить отъ него всего 160 рублей, изъ коихъ часпѣ далъ моему брату, а прочіе матери. На себя же я ничего почти не употребилъ: ибо Сагакъ, сверхъ того, одѣлъ меня въ богатое платье. Праздничной кафтанъ у меня былъ изъ самаго тонкаго сукна; а нижнее платье изъ лучшихъ шелковыхъ матерій, называемыхъ Аладже, съ позументами и бахромою. Мать моя и братъ, чрезъ меня поправили свое состояніе, и жили совершенно безнужно; однако

и съ крайнею остророжностію опъ нашихъ старшинъ и прочихъ сельскихъ жителей. — Въ богатомъ моемъ нарядѣ иногда отпускаемъ я былъ опъ Сагака въ свое селеніе безъ всякаго тамъ дѣла; чрезъ что Сагакъ самъ кажется желалъ наказывать зависъ и злобу земляковъ моихъ, а особливо богатыхъ. Я ѣздилъ шуда на его ослъ, также и понуждамъ: для закупки съѣстнаго, и показывалъ перемѣнное мое плащье, котораго было у меня при пары лучшихъ. Я старался нарочно казаться нашимъ старшинамъ, и имѣлъ удовольствіе слышать, почти всегда, скрежесть ихъ зубовъ. — Приближенность моя къ такому значенишму, и опъ всѣхъ уважаемому старцу, и видима на мнѣ любовь его, заградила всѣмъ бранныя уста; когда случилось мнѣ быть въ селеніи: то ненависники мои не смѣли сдѣлать мнѣ ни малѣйшаго озлобленія.

Сагакъ каждую суббону призывалъ духовника, исповѣдывался и приобщался Свяшыхъ Таинъ; при чемъ говоря однажды

о моемъ усердіи и вѣрности, и называя меня сыномъ своимъ, убѣдительно наказывалъ духовнику, чѣмъ меня, по смерти его, беречь отъ всякихъ обидъ и припѣсненій, и чѣмъ таковое ко мнѣ его разположеніе и воля, были бы извѣстны всѣмъ. Онъ на вѣрное ожидалъ, что меня будуще подозрѣвать въ набогащеніи отъ него и слѣдственно спануть мучить, чѣмъ изпоргнуть отъ меня нажитое. Во отвращеніе сего, дабы я могъ имѣть способы избѣгнуть напраснаго спраданія и всѣхъ гоненій, онъ не жалѣлъ давать мнѣ денегъ, чѣмъ напередъ поправивъ всѣ нужды моихъ домашнихъ и обезпечить будущее мое положеніе; словомъ, чѣмъ въ случаѣ опасности, имѣл у себя деньги и неозабочиваясь состояніемъ родныхъ моихъ, могъ бы я удалиться изъ селенія, не удерживаясь въ немъ какою либо крайностію. Впрочемъ таковое предусмотрѣніе Сагака, открывъ мнѣ опасность будущаго, ввело было меня въ преступленіе, въ которомъ, не желая скрывать своихъ погрѣшностей, признаюсь мо-

имъ чипашелямъ откровенно. При всѣхъ милостяхъ и попеченіяхъ обо мнѣ благодушельнаго пастыря, разсуждая о будущей опасности своей, я призналъ за благо принять, къ отвращенію того, и собственныя мѣры; и на сей конецъ рѣшился употребить во зло опеческую его ко мнѣ довѣренность. По собственнымъ словамъ Сагака, я совершенно былъ увѣренъ, что послѣ него все оберуть въ монастырь и не дадутъ мнѣ ничего, не шокмо лишняго, но и того, естли что онъ по завѣщанію свосумди меня назначить. Чѣмъ болѣе убѣждался я сею горестиною для меня истинною, тѣмъ рѣшительнѣе было мое намѣреніе, чтобъ употребить собственныя мѣры къ предупрежденію такой непріятности. Совѣсть моя дѣйствовала на сей разъ весьма слабо; или, правду сказать, со всѣмъ не дѣйствовала. Утвердивъ себя въ мысли, что монахи, ни мало не участвовавшіе въ трудностяхъ жизни Сагака, еще менѣе меня имѣють права на его собственность, взялъ я изъ вѣщей его одинъ изумрудный перстень

не малой цѣны; но сдѣлавъ сіе похищеніе не зналъ куда съ нимъ дѣться: отдать маіери: я не смѣлъ и подумать; а братъ вѣрно бы отказался; на конецъ призналъ за лучшее отдать перстень на сохраненіе невѣсткѣ, не смотря на бывшую между нами ссору. Я наказалъ ей, залогъ моей повѣренности, хранить въ шайнѣ, польстивъ ее нѣкоторыми обѣщаніями; но она, какъ женщина, не ушерпѣла, чѣмъ не похвасталъ перстнемъ одной пріятельницѣ. Тотчасъ догадались, что перстень подаренъ мною; а я безъ сомнѣнія укралъ его у Сагака. По счастію я узналъ о семъ приключеніи прежде, нежели успѣли донести о немъ Сагаку. Выманивъ у невѣстки перстень, подъ тѣмъ предлогомъ, что есть лучший, коимъ хочу ей принести, положилъ его на свое мѣсто. Между тѣмъ нѣкоторые, изъ нашихъ жишелей, радуясь случаю меня погубить, пришли нарочно къ намъ въ монастырь, будто бы для полученія отъ Сагака благословенія; но не смѣя сказать ему самому, увѣдомили о томъ монашескихъ сестеръ съ прибавле-

нѣмъ заключенія, что я конечно многое уже покралъ у него, а впредь могу еще и больше украсть. Коль скоро сіе свѣдѣніе дошло до моего благодѣтеля: то онъ, будучи во мнѣ много увѣренъ, не принялъ онаго, и даже началъ проклиная шѣхъ, кои такую напраслину на меня выдумали; онъ приказалъ мнѣ подать ему шкапулку, и какъ увидѣлъ, что изумрудный перстень цѣлъ, то еще болѣе удосповѣрился въ моей невинности. Я же съ своей стороны благодарилъ Бога, что не допустилъ остаться на моей душѣ такому безчестному дѣлу; но за всѣмъ шѣмъ, обличенный и пристыженный собственною совѣстію, долго я сокрушался о своемъ поступкѣ, и сознавался въ ономъ бывшему въ Россіи Архіепископомъ, нынѣшнему Патріарху Ефрему.

Я продолжалъ пользовался милостіями праведнаго старца; получалъ отъ него деньги и служилъ ему съ сугубою ревностію. На послѣдокъ, въ началѣ Марта 1795 года, Патріархъ Лука и многіе Епи-

скопы и монашеспзующіе , по обыкнове-
нію , отправились въ Ериванъ на великій
Персидскій праздникъ , Наврузъ - Байрамі
называемый , и отправляемый 10 числа
того же мѣсяца. Папріархъ , посѣщавшій
Сагака чрезъ каждыя двѣ недѣли, неоспа-
вилъ и на сей разъ захватъ къ нему; но
нашелъ его тогда уже въ великой слабо-
сти. По сему предвидя скорую его кон-
чину , просилъ его дать ему свое благо-
словеніе и простить тѣ непріятности ,
кои опъ него были Сагаку оказаны, говоря,
что они можешь быть болѣе уже не уви-
дятся. Сагакъ отвѣчалъ ему на сіе , что
онъ, по закону Христіанскому, старался
только о томъ , чтобы соблюсти предъ
нимъ всю свою подчиненность, и съ бла-
гоговѣніемъ къ великому сану его и чино-
началію , оказывалъ ему всегда должное
уваженіе и повиновеніе ; предъ послѣдни-
ми же минурами жизни моею, продолжалъ
онъ, прошу Ваше Святѣйшество, объ одной
только для себя милости , чтобы сего
служащаго мнѣ , указывая на меня , при-
няли подъ защиту свою и не допустить

его, по смерти моей ни до какихъ обидъ и припѣсненій. — Послѣ сихъ словъ Папріарху нитого не осталось говорить, какъ только обѣщать исполнить послѣднюю его просьбу. Его Святейшество, шутъ же, обратившись ко мнѣ, обнадежилъ, что онъ меня не оставитъ и сдѣлаетъ послѣ хорошее награжденіе; но чтобы я между тѣмъ продолжалъ оказывать Архіепископу мое усердіе и помогать бы въ его слабости.

За мѣсяцъ предъ симъ Сагакъ прогуливался за монастыремъ, и назначивъ для погребенія своего мѣсто на дорогѣ къ Еривану, приказалъ сдѣлать могилу и самъ себя написалъ надгробную подпись, для высѣченія оной на камнѣ. Во все время бытности моей у него, онъ всегда съ великимъ сокрушеніемъ и со слезами молился Богу; предъ послѣднимъ же посѣщеніемъ Папріарха сдѣлался чрезвычайно слабъ, такъ, что я всегда долженъ былъ его поддерживать и сидѣщаго. На послѣдокъ упрямъ 10 числа Марша, чи-

тая съ величайшимъ сокрушеніемъ моли-
 ву, которую обыкновенно читають у насъ
 въ церкви въ великой Чепвертокъ предъ
 исповедью, споя всѣ на коленахъ, дер-
 жаль очи свои устремленными на не-
 бо, и съ нѣкоторою утѣшительностію
 и умиленіемъ проговорилъ: я иду теперь
 въ сообщество прежде отошедшихъ бра-
 тій моихъ, праведныхъ такого и такого,
 называя имена старинныхъ Епископовъ.
 Въ самыя послѣднія минушы, онъ повто-
 рилъ мнѣ всегдашнія свои наставленія не
 прельщаться суетностями міра; но памя-
 товать всегда и носить въ сердцѣ сво-
 емъ законъ Божій и поступать по его
 заповѣдямъ; въ заключеніе же сказалъ до-
 вольно твердымъ голосомъ: оставляю те-
 бѣ любезный мой сынъ миръ и благосло-
 веніе. “ Въсѣда сія пронула меня до глу-
 бины души; я опиралъ свои слезы, и по-
 томъ хотѣлъ что-то ему сказать; кличу
 его: Бапюшка, бапюшка! но онъ не от-
 вѣчаетъ; прогаю его, — и вижу, что онъ
 уже скончался, сказавъ мнѣ послѣднія сло-
 ва: *оставляю тебѣ міръ и благословеніе.*

За три дни предъ кончиною своею, при принятіи святыхъ таинъ, завѣщаль онъ, чтобы мнѣ дано было изъ его денегъ за мою службу тридцать рублей, дабы тѣмъ показать, что будто бы я ничего отъ него не получалъ, или мало, надѣялся, что сію не большую сумму выдадутъ мнѣ безъ препятствія. Какъ Спаршій Архимандритъ монастыря Іоаннесъ, бывшій издавна еще любимцемъ Сагака, также уѣхалъ съ прочими на Персидскій праздникъ: то я тотчасъ взявши осла, поѣхалъ въ Ечміацынъ и далъ тамъ знать о его кончинѣ. Всѣ оставшіеся Епископы и монашествующіе, также и духовенство изъ всѣхъ ближайшихъ мѣстъ, прибыли для его погребенія. Тѣло положено съ должною церемоніею въ назначенномъ самимъ имъ мѣстѣ, а имѣніе его описали и опечатали; я же остался въ монастырѣ во ожиданіи возвращенія Патріарха изъ Еривана. Изъ всего имѣнія покойнаго я взялъ для памяти его, только чернильницу и гребень и спряталъ ихъ на кладбищѣ.

Сагакъ, при жизни Патріарха Симеона, находился въ Ечмиаціанѣ старшимъ Архіепіскопомъ. Родомъ онъ былъ изъ Нахичевана, изъ деревни Паракъ, а воспитывался въ Монастырѣ Св. Апоστόла Фаддея (*) Приключеніи жизни его извѣстны были мнѣ частію по наслыжкѣ, а болѣе отъ него самого. Сагакъ имѣлъ нрава твердый, справедливый, и нѣсколько горчій, когда надлежало говорить правду; со-спрадателенъ, смертельно ненавидѣлъ припѣсненіи, оказываемые кому либо, и потому въ жизни своей претерпѣлъ многія заключенія. По смерти Симеона, когда Лука вступилъ на Патріаршій Престолъ, Сагакъ, за нѣкоторое сдѣланное ему справедливое предсказаніе, подпаль его неблаговоленію и понесъ отъ него весьма чувствительныя оскорбленія. — Дабы сохранить должное уваженіе къ памяти толь великой духовной особы, какъ Патріархъ, я стипаю не приличнымъ объясняться о семъ пространно; но слѣдуя сдѣ-

(*) Сей Монастырь находится въ области Маку, и есть Главнѣйшій по Ечмиады.

ланному мнѣ опѣ Сагака словесному за-
вѣщанію, скажу только о нѣкопорохъ
главныхъ изъ извѣстныхъ мнѣ обстоятель-
ствахъ.— По пропесивіи нѣкопорога вре-
мени, по вступленіи Луки на Папріарскій
Престоль, года чрезъ два съ половиною,
или около того, Сагакъ принужденъ былъ
удалиться въ Іерусалимъ, гдѣ и пробылъ
около пяти лѣтъ. Послѣ того Лука въ
доказательство своего къ нему благора-
положенія и примиренія, вызвалъ его опі-
шуда, и сдѣлалъ своимъ намѣстникомъ въ
Монастырь Св. Фаддея. Къ управленію
сего Монастыря принадлежатъ: соспо-
дцій въ области Маку главный городъ сего
иміи, область Банзипъ, часть области
Ериванской по другую сторону рѣки Ера-
сха и часть области Хойской. Сія
последняя и первая области Пер-
сидскаго владѣнія. Сагакъ, въ облегченіе
жителей своей Епархіи, опмѣнилъ раз-
личные Монастырскіе поборы и учредилъ,
чтобы вмѣсто всего, что прежде выну-
ждали опѣ жителей за умершаго въ со-
вершенныхъ лѣтахъ и по случаю браковъ,

вносить въ Монастырь по нѣскольку аршинъ мепкаля, который дѣлается у насъ во всякомъ домѣ и несоставляетъ ничего важнаго для жителѣя; равнымъ образомъ ограничилъ Священство; строго наблюдалъ за ихъ поведеніемъ и за спокойствіемъ ввѣренной ему паствы; съ ревностію преслѣдовалъ сдѣлавшихся изъ нашей Націи Паписами, старавшихся разсѣвать между жителями семена разврата и расколовъ. Сіи негодии, почти всѣ, были изъ его Епархіи изгнаны и изтреблены. Всѣ жители, богатые и нищіе, Христіане и Магометане любили и уважали Саака сердечно; что наконецъ подало поводъ къ новымъ непріятностямъ, которые произведены были посредствомъ нѣкоторыхъ приближенныхъ къ Паше чиновниковъ его. Саакъ принужденъ былъ паки удалиться въ Іерусалимъ, и жилъ тамъ лѣтъ около семи, или осьми.

Со времени сей послѣдней отлучки его, произошло слѣдующее чудо. Въ продолженіи паши лѣтъ, во всей Банзипской

области, какъ бы въ наказаніе за то, что изъ тамошнихъ, нѣсколько человѣкъ, зачѣшались въ инпригу проливу Сагака, не родилось ни одной капли масла, которое добывается изъ конжуша, льна, каналии и Керчакъ (*). Всѣ сіи травы въ оныя пять лѣтъ засыхали. Жители области справедливо причли сіе къ наказанію Божію за оскорбленіе Сагака; и какъ Христіане, такъ и Магомешанѣ, были въ разсужденіи сего одинакихъ мыслей; знавшійшія же изъ Магомешанѣ, наконецъ просили Папріарха письменно, чтобы Сагака къ нимъ возвратили, или по крайней мѣрѣ, чтобы онъ прислалъ къ нимъ свое благоволеніе. Папріархъ чувствуя свою старость и слабость, самъ напоследокъ пожелалъ прекратитъ всѣ неудовольствія, въ коихъ, со стороны Сагака, почти всѣ принимали участіе, по уваженію къ благочестію и добродѣтелямъ его. Лука писалъ къ нему

(*) Керчакъ имѣетъ совершенное сходство съ зерномъ кофѣ; оно споль жирно, что топчась даетъ масло, если положить его пальцами. Имѣетъ чрезвычайно слабительное свойство, и употребляется только для освѣщенія,

о прозьбѣ Персіанъ и всей области, и просилъ его пріѣхать въ Ечміацынъ. По сему письму Сагакъ прислалъ только просимое Баязитскими жителями благословеніе, равнымъ образомъ и всей бывшей его Епархіи; а отъ возвращенія въ Ечміацынъ отказался, проси Папріарха оставить его въ Іерусалимъ, для спокойнаго окончанія послѣднихъ дней его жизни. Жители Баязитскіе, коль скоро получили желаемое отъ него благословеніе: то на слѣдующее шестое лѣто добыли масла въ величайшемъ и непосредственномъ изобиліи, что болѣе усугубило высокое къ нему почтеніе, любовь и уваженіе народа. Даже Магомешанъ, безъ всякаго сомнѣнія, почитали его за мужа, совершенно угоднаго предъ Богомъ. Лука писалъ къ нему въ другой разъ и непременно требовалъ чпобъ онъ пріѣхалъ въ Ечміацынъ; но Сагакъ отказался и въ сей разъ. Таковъ двукратный отказъ его пѣмъ чувствительнѣе былъ Папріарху, что могъ произвести въ народъ нащепъ его непріятныя впечатлѣнія, и подать случай комно-

гичь невыгоднымъ заключеніемъ. Онъ писалъ къ нему въ прешій разъ, и въ семъ послѣднемъ письмѣ, въ случаѣ несоглашенія его, возпрещалъ ему Священно-дѣйствовать и носить Духовнаго чина одежду. Письмо сіе, какъ и прочіе, шли чрезъ руки Іерусалимскаго Патріарха Іоакима, которому также о томъ было писано особо. Іоакимъ имѣя совершенное къ Сагаку уваженіе, не хотѣлъ оскорбить его старость объявленіемъ таковой воли Патріарха и письмо удержалъ у себя; а между тѣмъ опнесся къ Константинопольскому Патріарху Захарію, который также зналъ и уважалъ Сагака. Захарій писалъ къ Лукѣ и между прочимъ замѣтилъ ему; что съ такою неограниченною и деспотическою властію вмѣшиваться въ разпоряженіе духовными особами, сосланными подъ вліяніемъ другаго Государства, не совмѣстно; и что если онъ не опмѣнитъ столь повелительнаго тона, то Сагакъ, по всей справедливости, можетъ его не послушаться и оказанъ явнымъ образомъ неуваженіе къ его власти. Пока произхо-

дила сія переписка, Армянскіе Католики, или Паписшы, провѣдавъ о послѣднемъ повелѣніи Папріарха, вознамѣрились воспользоваться симъ случаемъ, чѣмъ онымъ привести Сагака до крайней степени огорченія, оппоргнуть его опъ Армянской церкви, и согласить признать надъ собою власть Папы. Подъ предлогомъ усердія и уваженія, они объявили Сагаку все, что было писано Лукою; за шѣмъ предлагали ему принять Католическую вѣру, признать Папу своимъ главою, и опредѣляя ему, между прочимъ, на содержаніе по десяти червонныхъ на день, говорили, что они опправиль его въ Римъ въ хлопчатой бумагѣ; каковое выраженіе означало всевозможное и въ самой высокой степени соблюденіе его спокойствія. Сагакъ выслушавъ коварныя ихъ предложенія, съ сердцемъ сказалъ имъ въ опшвъ: знаютъ ли они того, кто даетъ ему такое повелѣніе? — Я, продолжалъ онъ, не токмо не обижаюсь; но даже благоговѣю къ сему повелѣнію; верховнаго Папріарха и перваго чинначальника.

Какъ глава, какъ полновластный Владыка, посипавленный надъ ними Богомъ, онъ можеть приказать, непокмо, чѣшобъ я ѣхаль, но даже влачить меня къ себѣ, лицомъ по землѣ связаннаго; я долженъ ему повиноваться безмолвно, и сей же часъ отправлюсь въ Ечміацынѣ. Въ заключеніе сего отвѣща Сагакъ, какъ человекъ горячій, снявъ съ ноги шувель, ударилъ нѣсколько разъ крѣпко по губамъ Езуипа, который дѣлалъ ему предложенія, сказавъ: „ я дѣлаю сіе для того, чѣшобъ ты лучше помнилъ мой отвѣтъ, и не забылъ пересказать его тому, кто тебя послалъ ко мнѣ для соблазна, чѣшобъ я измѣнилъ церкви, и законному моему повелителю! „ Послѣ сего, тотъ же часъ, пріѣхаль онъ къ Іоакиму, и выговорилъ ему за то, что онъ ушайлъ отъ него послѣднее повелѣніе Патріарха; а чрезъ нѣсколько дней раздавъ по церквамъ всѣ свои деньги, отправился въ Ечміацынѣ. Такимъ образомъ, Сагакъ показавъ собою примѣръ смиренія, и повиновенія къ поспановленной власши, сшяжалъ себѣ сугубое отъ обо-

ихъ Патріарховъ Іерусалимскаго и Константинопольскаго, и опъ всѣхъ тамошнихъ Армянъ удивленіе и уваженіе.

Патріархъ Лука узнавъ о его прибытіи, выслалъ ему на встрѣчу, версты за четыре отъ Монастыря, всѣ Чины монастырскіе съ хоругвями и пѣніемъ, спарался оказати тѣмъ должное ему уваженіе. Но Сагакъ по смиренію своему, остановился; нехотѣлъ продолжати своего пути; и послалъ просить Патріарха, чтобы онъ вмѣсто всей церемоніи, прислалъ ему свое благословеніе. Патріархъ вышелъ ему въ встрѣченіе за крѣпостъ, и принявъ съ благословеніемъ, повелъ его самъ прямо въ церковь, гдѣ Сагакъ повергнулся предъ нимъ и цѣловалъ его ноги. Лука оставлялъ его при себѣ; но Сагакъ упросилъ его отпустить, для спокойствія въ означенный Монастырь Рипсиміи, и поставитъ туда Начальникомъ, бывшаго при немъ въ Монастырь Фаддея, Архимандрита Іоаннеса, гдѣ построилъ себѣ особую келью, и скончался.

Я дожидался обратнаго прибытія въ келью Патріарха, напрасно ; онъ проѣхалъ прямо въ Ечміацынъ; а въ слѣдъ за тѣмъ, по установленному издревль правилу, все имущество Сагака было взято, въ Ечміацынской Монастырь. Патріархъ по видимому, забылъ, и меня и свое обѣщаніе; а можешь быть, и Сагакъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней, вышелъ изъ его памяти. И такъ, не получивъ даже и того, что было самимъ Сагакомъ завѣщено, возвратился въ свое селеніе. Я имѣлъ глупость, щеголять тамъ въ своемъ платьѣ, и дразнить зависть нашихъ богатыхъ, забывъ, что уже не имѣю никакого покровительства и защиты. Учитель мой, и еще нѣкошорые другіе, замѣтили мнѣ мою неосторожность, совѣтуя скорѣе все продать, и оставить только самое необходимое. Я поступилъ немедленно по сему совѣту, и только что не остался нагимъ и босымъ : то есть, что между прочимъ, предоставилъ себѣ одни изрядные чулки, такъ какъ худаго у меня ничего и не было;

*

но и сіи чулки, сдѣлались вскорѣ причиною моего спраданія.

Въ одно время случилось мнѣ идти мимо Ечміацынскаго Монастыря. Прежній управляющій селеніемъ уже умеръ, а на мѣсто его поставленъ былъ другой; и сей новой управляющій, по несчастію, сидѣлъ въ то время предъ воротами Монастырскими, съ нѣкоторыми людьми нашего селенія. Зависпливое его око, увидѣло на мнѣ чулки. Онъ спросилъ про меня у окружающихъ, и ему отвѣщено, что я сынъ такой — по бѣдной вдовы, и находился, при Сагакѣ. Заключение тотчасъ было сдѣлано, что я воровалъ у Сагака, и на эштошъ щопъ щеголяю; не смотря на то, какъ всѣмъ было извѣстно, что Сагакъ благодѣтельствовалъ мнѣ, старался одѣвать меня лучшимъ образомъ, и что я все имѣю отъ него. Ко мнѣ подбѣжали, остановили, и привели предъ управляющаго. По приказанію его привязали меня къ цѣпи, которою заграждаются ворота, и били палками по слѣ-

дамъ; управляющій самъ допрашивалъ меня, чтобы я признался въ воровствѣ, котораго не сдѣлалъ. Я свидѣтельствовалъ всѣми, что Сагакъ самъ давалъ мнѣ все нужное; но сего неслушали; ибо жадный монахъ хотѣлъ только узнать, нѣтъ ли у меня еще чего нибудь такого, что могло бы быть ему пришло, и что безъ всякаго сомнѣнія, опъ меня бы опняли. Я терпѣлъ мое мученіе съ нѣкоторымъ родомъ мужества, которое вселяло въ меня пророческое предвѣщаніе о томъ праведнаго старца. Меня перестали бить, по обыкненію не прежде, какъ уже исчезъ мой голосъ. Насытившись моимъ мученіемъ, монахъ объявилъ мнѣ, что онъ даетъ мнѣ три дни отдохнута, и чтобы я на четвертый день явился къ нимъ въ Монастырь для служенія; въ противномъ же случаѣ угрожалъ, что прикажетъ мени въ селеніи убить до смерти. Во время наказанія, подошелъ мужъ моей сестры, и какъ скоро меня развязали, то онъ взваливъ меня на свою спину, спашилъ въ домъ, едва живаго. Я пролѣжалъ двѣ не-

дѣли не вставая съ постели. Однажды собрались ко мнѣ, мой учипель и нѣкоторые шоварищи; они всѣ совѣтовали мнѣ, чѣмъ я куда нибудь удалился на чужую спорону, чѣмъ терпѣть шакіа мученія. Я болѣе всѣхъ чувствовалъ сію необходимость; но по спранному, врожденному любопытству, горестно было мнѣ оставить мою спорону, не осмопрѣвши тѣхъ древностей, о коихъ я только слыхалъ, но не имѣлъ случая осмопрѣть. Братъ мой собирался ѣхать въ Ериванъ; я просилъ его взять меня съ собою, и послѣ осмопрѣть старинный Монастырь Кегардъ, споящій на одной горѣ, отъ Еривана къ востоку на сѣмки, построенный Армянскимъ Царемъ Тридапомъ (*). Я подговорилъ съ собою еще одного охотника, и въ проемъ отправились въ Ериванъ верхами. По исправленіи братомъ своей надобности, поѣхали къ Кегардъ. Мы проѣхали мимо деревни Джафаровой,

(*) Сей самый Царь мучилъ священномученика Григорія, просвѣтившаго Арменін, и послѣ отъ него крещень.

Червезъ (*), въ которую я былъ отъ него назначенъ управляющимъ, и почевали на дорогѣ въ деревнѣ Норкъ, въ которой находились хорошіе маспера каменной посуды, и изрядные виноградные сады. На другой день продолжая путь нашъ, издали смопрѣли мы на развалины древней столицы Армянской, Карпи, стоящей на гористомъ берегу рѣки, называющейся тѣмъ же именемъ. Мѣсто сіе, обратившееся въ пустыню, усѣяно было разными плодоносными деревьями; но мы никакъ не смѣли отважиться, чтобъ приблизиться къ нему, по опасности отъ разбойниковъ, кои можетъ быть тамъ находились; и частію отъ звѣрей, кои обыкновенно въ такихъ мѣстахъ наиболѣе водятся, гдѣ есть плоды, которые они одни только и собирають.

Не въ дальномъ отъ горы разстояніи находится крѣпость, большою частію обращенная въ развалины, построенная

(*) Въ Червезъ находилась великое множество кремня, который изшолца, выжигаютъ изъ него сщекла.

помянутымъ Армянскимъ Царемъ Трида-
помъ, жившимъ за 1500 лѣтъ. — Крѣпость
сія примѣчательна тѣмъ, что построена
вся изъ дикаго шлифованнаго камня. ду-
мать надобно, что она раскопана един-
ственно для свинца, который употребленъ
былъ при кладкѣ ея, и желѣза, коимъ свя-
заны камни. Многіе приходятъ сюда до-
спавать свинець для липья пуль, да и
самый камень берутъ для печей; по тому
что онъ болѣе всѣхъ терпитъ жаръ. По-
томъ взошли мы на гору, и достигли до
Монастыря Кегардъ. Онъ стоитъ подлѣ
самой рѣки Карни, которая выходя изъ
сей горы сверху, течетъ по глубокой
впадинѣ, или пропасти; а потомъ упа-
даетъ на самой низъ каскадомъ, на до-
вольно далекое разстояніе, оплѣ горной
стѣны, такъ, что между стѣною и водою,
можно стоять, какъ въ большомъ фонарѣ,
что составляетъ весьма пріятное и вмѣ-
стѣ величественное зрѣлище. Шумъ сей
рѣки, производить родъ нѣкоторой со-
гласной музыки, и по крайнѣй мѣрѣ пріятный
для моего слуха; однако шакъ силенъ,

что въ близи естѣли кричатъ : то едва можно разбирать слова. Монастырь Кегардъ, (: что значишь копіе) выстроень Тридапомъ, по крещеніи его , во имѣ того копія , которымъ былъ прободень Спаситель нашъ, и которое теперь находится въ Ечміацынѣ . Онъ весь изъ тамошняго камня , краснаго цвѣща , коего свойство хотя довольно мягкое, но микроты не боится. Монастырь сей, еще во всей цѣлости ; но сколько стоить вѣковъ въ запустѣніи ? сказать точно не можно. Далѣе въ гору, находится чудесная церковь , Арзакану , названная такъ по мѣстули, или по имени строителя, мнѣ неизвѣстно. Она высѣчена вся въ одномъ большемъ камнѣ со сводомъ; нѣтъ въ ней ничего, придѣланнаго изъ посторонняго вещества; образа высѣчены на стѣнахъ такъ, какъ и купель выдѣлана на приличную мѣстѣ, не отдѣльно отъ общаго основанія камня. Свѣтъ входитъ съ верхняго отверстія. Пространство ея можетъ вмѣщать до 200 человекъ. Въ лѣвой сторонѣ церкви, внутрь камня находится

натуральная, или сдѣланная, точно того не знаю, пространная пещера, въ копорой видны наѣ были, нѣсколько человѣческихъ костей, погребенныхъ здѣсь умершихъ; по срединѣ же церкви стоишь открытый ключъ, коего вода чрезвычайно чиста и пріятна, но весьма холодна. Воздухъ въ церкви такъ же холоденъ, но совершенно свѣжъ, и казалось, не было ни малѣйшей сырости. — Главное кладбище здѣсь по видимому было подъ горою. Зданіе сіе, безъ сомнѣнія стоило величайшаго труда, и немалыхъ издержекъ. Выше и около, по разнымъ мѣстамъ отъ Монастыря и церкви, находятся многія пещеры пустынниковъ; въ одной изъ нихъ между камней, нашелъ я довольно количество смолистой матеріи чернаго цвѣта, имѣющій запахъ довольно пріятный. Когда я взялъ нѣсколько сей матеріи, то наѣсто ее тотчасъ выступила новая; изъ чего надобно заключать, что оной находится путь въ большемъ изобиліи. Мѣстоположенія горы чрезвычайно пріятны, и усѣяны плодоносными деревья-

ми; по большой части ореховыми, называемыми грецкими. Здѣсь находились различные звѣри: олени, волки, медвѣди и другіе. Персіане пріѣзжающіе сюда на звѣриную охоту, утверждаютъ, что въ ночное время, неоднократно случилось имъ видѣть въ горѣ горящую свѣчу, или лампаду, но приближаясь къ сему огню, только что хотѣли войти въ то мѣсто, гдѣ онъ казался горящимъ, то свѣча, или лампада исчезала, и они оставались въ темнотѣ. Вообще, мѣсто сіе приводитъ въ нѣкоторый священный воспоргъ. — На возвратномъ пути, ночевали мы въ деревнѣ Норкъ, и на другой день пріѣхали мы въ Еривань. Здѣсь, просилъ я брата убѣдительнѣйшимъ образомъ, чтобы поѣхалъ со мною еще на Араратскую гору; а естли не можешь рѣшиться удовлепворить моему любопытству, чтобы осмопръшь с то я щ а го на Южной сторонѣ оной горы, Монастыря Хор-вирабъ (: что значить глубокую яму, (*) надъ копорой

(*) Яма сія при Тридагѣ была мѣстомъ самаго жестокаго наказанія виновниковъ. Никто не оставался въ ней жи-

онъ построень:) то, покрайній мѣръ проводилъ бы меня къ ближайшему монастырю, построенному Мыцпинскимъ Архіепископомъ Св. Іаковомъ, около 1300 лѣтъ, на самой подошвѣ горы, на Западной ея сторонѣ, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ праведный Ной, сошедъ съ вершинъ Арапата, посадилъ первое виноградное дерево, и развелъ виноградъ; и по тому называемый Заркъ-Уры (: первонасаженный виноградъ, или виноградное дерево:) въ обоихъ сихъ монастыряхъ, въ тогдашнее время, находились еще монашесквующіе; а теперь запусѣли. Послѣдній примѣчающелень потому, что означенный Мыцпинскій Архіепископъ, Святый Іаковъ, какъ говоритъ преданіе Св. опецъ, вознамѣрясь достигнуть вершинъ Арапата, гдѣ останувился Ноевъ ковчегъ, принесъ о томъ Господу Богу усердное моленіе, и отправился въ свой путь; но когда

выиъ даже до сутокъ, и въ кошорой Сладенномученикъ Григорій, брошенный по повелѣнію Тридаша находилъ ся между зміями, скорпіями и прочими ядовитыми животными 14 лѣтъ.—

бывъ упружденъ шествіемъ своимъ, для подкрѣпленія изнеможенныхъ силъ предавался ошдохновенію, то по пробужденіи ошъ сна, каждый разъ находилъ себя ошъ на низу, или не въ дальномъ разстояніи ошъ того мѣста, ошъ котораго начиналъ свой путь; и такимъ образомъ прудился цѣлые семь лѣтъ, пока на послѣдокъ явился ему во снѣ Ангелъ, который давъ ошъ ковчега кусокъ негніющаго дерева, сказалъ, что Богъ не хоща презрѣтъ во все его шрудовъ и моленія, послалъ ему для удовольстворенія любопытства его, сей кусокъ дерева; но что ковчегъ могъ бы онъ видѣтъ только тогда, когда бы возмогъ возвратиться въ нѣдро родившей его матери, и тамъ рассматривать внушренняя ушробы ея. И а к о в ъ, возставшій ошъ сна своего, нашель подлѣ себя данное ему Ангеломъ въ видѣніи дерево (*) Въ засвидѣтель-

(*) Дерево сіе находится нынѣ въ Ечміацынскомъ Монашшре; но съ котораго времени, сказать лѣрно немогу оно сѣрошаго цѣша, имѣеть костаную швердость; запахъ пріятный, но незнакомый; и ошлщное ошъ всѣхъ почти известныхъ деревъ, такъ что ни къ какому прилѣнишь нельзя; и при томъ обдѣлка его показы-

спивованіе грядущимъ вѣкамъ сего произшесивіа, просилъ онъ отъ Бога, показати и оставитъ навсегда на семъ мѣстѣ, какое нибудь чудо; и по сему то прошенію, открылся на томъ мѣстѣ ключъ, который и до днесь находится, не болѣе какъ съ одну версту выше отъ монастыря. Ключъ ни куда не изтекаетъ, и вода его имѣетъ слѣдующую чудесную силу: въ окружности тамошняго мѣста находится не большія черныя пшпцы. Сіи пшпцы въ маломъ числѣ, какъ я видѣлъ, слѣдуютъ въ нѣкоторомъ разстояніи за оною водою, когда привозили ее въ наше селеніе, и утверждаю какъ истинну, что кромѣ того мѣста, гдѣ находится ключъ, ни гдѣ ихъ не видно. Когда на хлѣбныхъ поляхъ покажутся много червей, и особенно при нападеніи саранчи, тотчасъ берутъ означенную воду, и бросаютъ надъ полемъ по воздуху; помянутыя пшпцы,

заесть тѣску обыкновеннаго топора, вѣсно котораго во всей нашей сторонѣ употребляется орудіе другимъ со всѣмъ образомъ сдѣланное на подобіе большой Кир-
и. —

вдругъ Богъ знаетъ отъ куда берутся, на подобіе густаго облака, и бросался на по поле, подаяють саранчу, всякой вредной червь, и шѣмъ спасають хлѣбъ. Сію воду берутъ въ Грузію, и въ окружныя области Турецкаго и Персидскаго владѣній, и употребляютъ въ подобныхъ случаяхъ даже и Магометане; но опшюдь недолжно ставишь ее на землю, или на полъ, но держать всегда висѣющую; ибо въ противномъ случаѣ, она потеряетъ сказанную силу свою. Я готовъ былъ подвергнуться всякимъ опасностямъ, чшобъ видѣшь оно мѣсто своими глазами; но братъ мой, никакъ не могъ на то рѣшиться, опасаясь попасться на разбойниковъ: въ самомъ дѣлѣ, въ нашихъ мѣстахъ, чшобъ ѣхать безъ опасности, всегда собираются караваномъ чловѣкъ 10, 15, и болѣе. И такъ принужденъ я былъ возвратиться съ нимъ въ Вагаршапатъ, и тамъ продолжалъ жизнь самымъ скрышнымъ образомъ такъ, что меня считали въ бѣгахъ. Спустя нѣскольکو времени, учитель мой увѣдомилъ меня, что Архимандритъ Карапетъ, любитель

перца, сдѣланъ Епископомъ и Намѣстникомъ въ Георгіевскомъ монастырѣ, и совѣтовалъ, чтобъ я для лучшей безопасности, прибѣгнулъ опять подъ его покровительство. Я совѣтъ сей принялъ шѣмъ съ большею радостію, что совершенно зналъ простоту и нравъ Карапета, и какъ будто предчувствовалъ, что буду жить у него въ довольствѣ. На другой же день, до солнечнаго возхожденія, вышелъ я изъ своего селенія, прошелъ Ашпаракъ, достигъ Монастыря (: отстоящаго отъ Ашпарака, примѣрно, верстахъ въ пяти, на подошвѣ Аракатской горы :) и прямо явился къ Карапету. Вступленіе мое, началъ я со всевозможнымъ умиленіемъ, хотя мало искреннимъ, или и со всею припворнымъ; что чувствуя прежнія его благодаренія, имѣю къ нему сердечную привязанность, и желаю паки упошребить себя на услугу ему со всею усердіемъ. И такъ ты возвращаешься ко мнѣ, какъ блудный къ своему отцу!.... Такъ почто бапюшка. Ну! такъ спань же на колѣни, и принеси свое разкаяніе! Я пошчасъ

понялъ, что простодушному Епископу захотѣлось видѣть сцѣну Евангельской припчи и самому быть при томъ первымъ дѣйствующимъ лицомъ.— Сшавъ на колѣни говорилъ я: согрѣшилъ на небо и предъ тобою, и несмь достоинъ нарѣцаться сынъ твой; но умилосердись надочною и повѣли причестъ меня хотя къ рабамъ твоимъ. — Поднявъ меня съ пономъ, изъ-являющимъ совершенное примирѣніе и любовь, сказалъ: ну вспанъ сынъ мой, я нашелъ тебѣ погнбшую мою драхму. Послѣ сей небольшой церемоніи, я долженъ былъ пересказать ему кое что изъ моихъ приключеній, но упайлъ то, что вытерпѣлъ отъ новаго управляющаго, и что я приведенъ къ нему не доброю волею, но бѣдственнымъ положеніемъ моимъ и безнадѣжностію спасти себя безъ его покровительства. Я былъ для него также весьма полезный человѣкъ и удостоился всей его доверенности, имѣлъ на своихъ рукахъ приходъ и расходъ; былъ свободенъ во всемъ и дѣлалъ, что хотѣлъ; часто ѣзжалъ въ Ашшаракъ и хотя послѣ покой-

наго Архієпископа Сагака оспалось у меня не лучшее плащье; но и шаковаго ни у кого почпи шамя не было, что и подало поводъ заключить, что я имѣю большіе деньги. — Въ семъ Монастырѣ, копорой Персіане называютъ *Могни*, думать надобно по прежнему названію мѣста сего, или какого нибудь селѣніа, на немъ бывшаго, имѣются мощи Св. Великомученика Георгія, хранящіяся въ стѣнѣ между олтаремъ и ризницею. Христіанѣ, а еще болѣе персіане, весьма часто приходятъ сюда молишься святымъ мощамъ; о избавленіи отъ болѣзни, копорая существуетъ только въ одной Персіи и какъ будто природная по тамошнему климату. Болѣзнь сіа состоитъ въ томъ, что сдѣлается въ лицѣ чрезвычайное воспаленіе, сопровождаемое опухолью и нерѣдко большими понемъ шишками, подобными наростамъ дикаго мяса. Персіане при семъ случаѣ приносятъ еще и жертвы изъ разныхъ чистыхъ животныхъ, копоры закалаются на монастырскомъ дворѣ и раздаются по частямъ бѣднымъ. Послѣ

сего всякой съ усердіемъ и вѣрою молящійся, Христіанинъ ли, или Персіанинъ, получаетъ отъ поманутой болѣзни весьма скорое избавленіе. Сверхъ того приходящіе молишься мощамъ кладуть и деньги. Деньги сіи безъ отчета были въ моемъ управленіи. Я могъ показашь ихъ въ приходѣ сколько хощь, и попому шо никогда не отдавалъ ихъ Епископу сполна; но всегда отдѣлялъ изъ нихъ изрядную часть и раздавалъ тихонько бѣднымъ, и особенно собиравшимся изъ принадлежащей къ Монастырю не большой деревенькѣ для испрошенія отъ молящихъ милосшыни; для своихъ же надобностей я пользовался, впрошчемъ со всевозможною умѣренностію, изъ другихъ доходовъ, собственно принадлежавшихъ Епископу.

Такъ какъ я имѣлъ совершенную свободу, шо бралъ съ собою надежнаго человека и осматривалъ находящіеся на *Аракатской горѣ* въ великомъ множествѣ синаринныя церкви и монастыри, спод-

шіе въ запустѣніи. Они болышею частію
находятся еще въ цѣлости и шочно какъ
новле; а нѣкоторые въ развалинахъ. —
Здѣсь все представляетъ человѣка лю-
пымъ, хищнымъ и губительнымъ. Правда,
что кочующіе тамъ народы, каковы Лез-
гинцы, Курды и прочіе, а частію нѣкопо-
рые изъ Персіанъ, имъ подобные, только
имѣють образъ человѣческой; но впрош-
чемъ чужды всякаго человѣчества и столь
звѣроравны, что едвали уступаютъ въ
нѣмъ и самымъ люпымъ звѣрямъ; исклю-
чая нѣкоторыхъ случаевъ, на примѣръ
гостепріимства Лезгинцовъ. Оно состав-
ляетъ у нихъ столь священную обязан-
ность, что если бы къ кому изъ нихъ,
хотя убійца сына, или брата его, успѣлъ
сдѣлать прибѣжище и заявилъ себя въ
видѣ гостя, то уже тогда долженъ не
только оставить свое надъ нимъ мнѣніе,
но еще на то время и защищать его отъ
другихъ. —

Наслышавшись прежде о находящемся
за симъ Монастыремъ, раззоренномъ спа-

ринномъ городѣ Карпи, называвшемся такъ по названію рѣки Карпи, а болѣе о жителяхъ сего города, которые отличны отъ всѣхъ прочихъ тамошнихъ народовъ своимъ плутовствомъ и обманомъ, чію составляетъ природной ихъ характеръ, побѣхалъ я однажды осмопрѣть сіе мѣсто, разстояніемъ отъ монастыря верстахъ въ пяти, или шести, и чіобѣ увидѣть своими глазами одну тамошнюю церковь обогренную кровію сихъ жителей, коихъ, какъ говорятъ, до 500 душъ мужей и женъ изжарили Лезгинцы, или другіе разбойники, на кровлѣ сей церкви. Пріѣхавъ на мѣсто, въ самомъ дѣлѣ нашолъ я всѣ стѣны сей церкви (: бывшей во имя Архангела Гавріила:) окровавленными. Во время случившагося въ томъ краю, лѣтъ двѣсти назадъ всеобщаго возмущенія. Нѣкоторые жители города Карпи, при нашествіи помянутыхъ разбойниковъ разбѣжались; а другіе, для защищенія, забрались совсемъ имуществомъ на кровлю показанной церкви, кошорыя у насъ по большой

части строятся такъ, чѣшобъ могли служить и крѣпостью. — Разбойники не могли ихъ достать, по крайней мѣрѣ безъ собственнаго вреда не хотѣли оставить и цѣлыми. Они наполнили внутренность церкви и всю окрѣжность ея обложивъ многесѣвомъ деревьевъ и сухаго хвороста, все это зажгли; несчастнымъ не осталось никакого средства къ своему спасенію, и всѣ погибли въ пламени. — Городъ имѣлъ не большую крѣпость; но какъ сѣны, такъ и дома, большею частію, находились въ развалинахъ, кромѣ помянутой церкви и еще другой въ немъ находившейся, во имя Петра и Павла. Разбѣжавшіеся Карпійцы, живутъ нынѣ по разнымъ селеніямъ малымъ числомъ, и едва ли можно найти гдѣ нибудь ихъ болѣе трехъ домовъ. Они дѣйствительно столь отличные плуты и обманщики, что про нихъ еще изъ стари сложена басня, будто бы они обманули и самаго чорта, слѣдующимъ образомъ: чортъ имѣлъ какое то право на поля ихъ, они сдѣлали съ нимъ условіе,

что по созрѣніи посѣвовъ, верхняя часть должна принадлежать имъ, а нижняя чоршу. Они посѣяли пшеницу: чоршу досталось только солома. На другое лѣто, чоршъ взялъ оспорожность въ назначеніи своей доли и опредѣлилъ себѣ верхъ, а Карпійцамъ низъ. Они посѣяли тогда свеклу, морковь и другія коренья, и такимъ образомъ чоршу досталась опять пустая шрава. —

Между тѣмъ, какъ я находился у Карапеша, онъ былъ въ ожиданіи, что я пойду въ духовный чинъ, чего онъ желалъ чрезвычайно и о чемъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, вскорѣ по моемъ къ нему прибытіи. На первой разъ я опозвался, что мнѣ должно испытать себя, измѣрить свои силы и напередъ предъуготовиться совершеннымъ образомъ, чтобы быть достойнымъ носить оное званіе. — Въ другой разъ ошговорился моимъ не совершенствомъ, которое въ себѣ еще чувствовалъ и Карапешъ снисходилъ всему; а напоследокъ въ день Вознесенія, когда

онъ хотѣлъ посвятить меня въ діаконъ , я припворился больнымъ и такъ посвященіе меня отложено было до другаго дни. Но въ послѣдующіе дни , я едва не отдѣлался и опъ посвященія, и опъ самаго Карапета , женидбою по слѣдующему общоштельству :

Къ Ериванскому Хану вошло множество жалобъ опъ молодыхъ Армянъ и Персіанъ, что опцы не хотѣли отдавать за нихъ въ замужство дочерей своихъ, иначе какъ за значную сумму, которую бы они заплатили за нихъ напередъ, что впрошчемъ по тамошнему краю есть дѣло обыкновенное; но требованія опцовъ были споль не умѣренны, что женихи и родственники ихъ ни какъ не въ состояніи были оныхъ выполнить. — Таковое корыстолюбіе, какъ вредное для благосостоянія цѣлыхъ обществъ, и собственно тиранническое для молодыхъ людей, конечно должноствовало быть потчасъ истреблено, и Ханъ сдѣлалъ такое распоряженіе, которое принесло ему весьма

много чести и заслужило общую благодарность молодых людей обоего пола. — Онъ по всѣмъ селеніямъ своего владѣнія разослалъ повелѣнія, чтобы каждое изъ нихъ доставило къ нему въ сераль лучшихъ дѣвушекъ, подѣ опасеніемъ наказанія за упайку. Повелѣніе сіе, и нарочито разнесенной слухъ, что буди по бы съ тѣмъ вмѣстѣ разосланы опъ него и шпіоны, коихъ однако не было, столь устрашили всѣхъ опцовъ, что на перерывъ спарались искашь дочерямъ своимъ мужей, дабы только недопустить ихъ сдѣлаться безчестными жертвами Ханскаго сластолюбія. — Въ нашемъ селеніи Лагаршапатъ, сколько мнѣ извѣстна, въ одни супки обвѣнчано было до 200 паръ, одними только священническими свидѣтельствами, поелику толикаго числа браковъ, тайно и въ короткое время, совершить настоящимъ образомъ во все не возможно, каковымъ образомъ поступилъ и въ прочихъ мѣстахъ.

Сей счастливой оборотъ дѣла, въ числѣ прочихъ палъ было и на меня въ Аш-

таракъ, у одного не весьма зажиточнаго жителя, была дочь первая красавица изъ всѣхъ Аштаракскихъ дѣвушекъ. — Со всею скороспѣю претовали ошъ нее опвѣта, какого бы она желала имѣть своимъ мужемъ. За нее сватались трое тамошнихъ молодыхъ людей. Правду сказать я такъ же ее любилъ, часто ходилъ къ нимъ въ домъ и былъ извѣстенъ за отличнаго изъ всѣхъ молодыхъ людей, сколько по моей учености, сколько и по мнѣнію, что я долженъ быть богатымъ; а при томъ былъ первый человекъ и любимецъ у Епископа. Я очень видѣлъ всѣ сіи преимущества, но однако мало помышлялъ о женитьбѣ, какъ между тѣмъ помянутая красавица избрала меня въ женихи и просила родителей со всею убѣдительностію постараться, чтобы я былъ ея мужемъ. Отецъ тотчасъ прибѣгнулъ съ просьбою къ тамошнему священнику, чтобы принялъ на себя трудъ сего дѣла. Священникъ, чрезъ мужа старшей дочери сего Аштаракца, прислалъ ко мнѣ письмо съ предложеніемъ о бракѣ, и представлялъ мнѣ нѣкошорыя

выгоды, о которых самъ онъ будетъ стараться. Священникъ тѣмъ охотнѣе взялся сослуживать мою свадьбу, что самъ немнѣе интересовался мною и цѣлилъ пристроить меня къ тамошней церкви, по совершенному моему знанію церковнаго порядка и служенія, въ чемъ самъ онъ, какъ я замѣтилъ, не весьма былъ свѣдущъ. И правду сказать: изъ всѣхъ въ тамошнихъ мѣстахъ грамотѣевъ, я лучше чинилъ и зналъ церковной порядокъ, сколько можно видѣть изъ вышечисланнаго, что вездѣ, куда я ни приходилъ, опмичался и заслуживалъ отъ однихъ уваженіе, отъ другихъ зависть, а отъ иныхъ побои. Письмо отъ священника получилъ я вечеромъ, и сдѣланному предложенію, по опрометчивости, обрадовался. Желая увѣдомишь о семъ брата, чтобы онъ находился при моей свадьбѣ, поспѣхъ нашелъ расторопнаго челоуѣка и написалъ къ брату въ Вагаршапатъ письмо, чтобы поспѣшилъ ко мнѣ приѣхать въ слѣдующій же день. За доставленіе письма сего, такъ какъ надобно было въ оба конца

пройти верстѣ до 80, заплатилъ я напередѣ 72 пары, чѣмъ соснавилъ 120 копѣекъ. Монастырскіе ключи были у меня, и потому безъ затрудненія вышелъ изъ монастыря, поздно вечеромъ, пришелъ въ Алтаракъ и явился къ священнику. Между тѣмъ помѣнуемые сватавшіеся при молодца шведовъ, чѣмъ желаемая ими невеста идетъ за меня, прибѣгли къ тамошнему головѣ, представили обиду свою, что чуждой челоуѣкъ опшимаесть у нихъ невесту и что я бывъ Епископомъ назначенъ въ духовное званіе, хочу жениться скрышно отъ него. — Голова далъ имъ позволеніе: если я нахожусь у нихъ въ селеніи, то сыскавъ, хорошенько меня побить и потомъ представитъ къ нему, а онъ препроводитъ меня къ Епископу. — Трое жениховъ, прямо и едва не вмѣстѣ со мною, попали къ священнику; но сей шведъ о жалобѣ и намѣреніи не довольныхъ, успѣлъ прежде меня спрятать и такимъ образомъ той же ночи принужденъ я былъ возвратиться въ монастырь и остаться холосшымъ. Голова между тѣмъ

не преминулъ на другой день явиться къ Карапету и разказать обо всѣмъ. Онъ не хотѣлъ вѣрить, а я оправдывался даже и тогда, когда почти все селеніе прошиву меня свидѣтельствovalo. На послѣдокъ Карапетъ повѣрилъ больше свидѣтельствамъ, нежели мнѣ; укорялъ въ обманѣ и жестоко меня бранилъ. Какъ бы то ни было, но слава богу, что я остался холоснымъ и свободнымъ. Правда, я былъ бы священникомъ, а священникамъ жить у насъ довольно хорошо; ихъ весьма уважають, какъ на прошивъ при вспрѣчѣ съ монашествовавшими и часто даже предъ самимъ Епископомъ, никто не хочетъ снять шапки. — Я не знаю, что бы придумалъ Карапетъ со мною сдѣлать, дабы меня у себя удержать, но зналъ на вѣрное то, что мнѣ отдѣлаться отъ него надлежало бѣгствомъ. — Однако новое обстоятельство, по пробывшіи моемъ у Карапета около двухъ мѣсяцовъ, предупредило и то и другое, и заставило бѣжать не меня одного, но и всѣхъ жителей и монаховъ, оставивъ одни стѣны. На третій день

послѣ того, какъ уничтожилось свадебное мое намѣреніе, вдругъ прислано было отъ Ериванскаго Хана повелѣніе, чѣмъ жители области, для безопасности своей, забравъ свои имущества, удалились по извѣстнымъ убѣжищамъ: ибо дошелъ слухъ что Шихъ идетъ съ войсками на Еривань.

И такъ я со всѣми монашескими отправился въ наше селеніе Вагаршапатъ, и тамъ остался, а Карапетъ съ братьями вошли въ Ечміацынъ. Жители Вагаршапатскіе, такъ же заблаговременно, свезли туда все свое имущество. — Каждому семейству назначено было тамъ мѣсто пребываніе. По всей области, для надежнаго убѣжища отъ непріятельскаго нашествія только и есть двѣ крѣпости: Еривань и Ечміацынъ. Въ общей опасности я былъ безопасенъ и неспрашивая нашествія непріятелей, имѣвъ въ собственномъ мѣстѣ жесточайшихъ. Въ это время, какъ всѣ гнѣздились въ крѣпость монастыря, прибыли въ Арзерумъ (отъ

Баязита на 6 супокъ ходу) изъ Царяграда и другихъ дальнихъ мѣстъ 150 человекъ Армянъ, слѣдовавшихъ въ Ечміацынъ на поклоненіе и предварительно о семъ увѣдомили Патріарха. — Лука въ отвѣтъ къ нимъ, описывая положеніе дѣлъ и опасность, которая неизбежно предстоишь имъ отъ Персіанъ, совѣщивалъ опложивъ имъ пріѣздъ ихъ до удобнѣйшаго времени; но изъ нихъ нашлось 70 человекъ споль ревностныхъ, что рѣшились на все, даже если бы это стоило имъ и жизни. Они прибыли въ Ечміацынъ и удовлетворивъ своему желанію и усердію, пробыли въ монастырѣ шрое супокъ; а между тѣмъ возвратный ихъ путь сдѣлался еще опаснѣе и затруднительнѣе; ибо Персіанъ начали уже разѣзжать партіями даже за Баязита, и переходили рѣку Ерасхъ къ Ечміацынской споронѣ. Почему поклонники просили Патріарха, чтобъ для безопасности дать имъ изъ нашего селенія 50 человекъ вооруженныхъ провожатыхъ. Братъ мой назначенъ былъ въ число оныхъ, а я по-

желалъ ѡхотѣ добровольно, съ тѣмъ, чтобы отъ своего отечества удалѣться на всегда. Я не желалъ уѡхотѣ тайно отъ матери и пришею съ нею проститься. Я убѣждалъ ее согласишься на мой отъѣздъ тѣмъ именно, что не терпимъ въ селеніи и чего долженъ еще ожидать впередъ. Сверхъ того, если Шахъ возьметъ Ериванъ, то по обыкновенію отъ всякаго мѣста потребуетъ плѣнниковъ, и такъ какъ я во всякихъ не пріятныхъ случаяхъ всегда былъ первой, то и тогда взявъ буду первой же; и въ такомъ случаѣ нельзя уже имѣть надежды, что бы я съ нею когда нибудь увидѣлся. Отъѣзжая же съ одновѣрцами, могу удалиться заблаговременно отъ всѣхъ ожидаемыхъ опасностей; никогда не забуду ея воспитанія и всѣхъ обонѣ родительскихъ попеченій, и употреблю всѣ силы, чтобы на чужой сторонѣ снискавъ помощь, какъ для себя, такъ и для нее; но всѣ мои резоны не были приняты, и бѣдной моей матери расстаться со мною было очень горестно. Она желала меня удержавъ

по горячему своему нраву проклятіями; но я имѣлъ такъ сказать опчаянную рѣшительность: ибо положеніе мое дѣйствовало на меня сильнѣе всякаго другаго убѣжденія, и я отправился съ караваномъ поклонниковъ.

Не доѣзжая до кустарниковъ Елгона, коимъ устьяны прибрежными мѣста рѣки Аракса, увидѣли мы издали ѣдущихъ Персіанъ, человѣкъ до ста. Командовалъ ими старшій сынъ Макинскаго Султана, гдѣ находился выше означенный Монастырь Св. Фадѣя. Спаслись отъ нихъ было не возможно, они насъ наспигли и какъ поклонники были Турецкіе подданные, то потребовали съ нихъ съ cadaго человѣка по пяти червонцовъ, которые имъ тотчасъ и были заплачены. Наши провожатые, на вѣрное, не уступили бы Персіанамъ; подрались — и безъ сомнѣнія разбили бы ихъ; но не смѣли сего сдѣлать; ибо одинъ изъ младшихъ сыновей Султана жена въ былъ на родной сестрѣ Хана и жилъ въ Ериванѣ. Только что достигли

мы до берега и спали искать брода, какъ таже толпа опять напала на насъ подъ предлогомъ, что они ищутъ мѣста переправиться, и возобновивъ свои прѣбываніи, не внимая ни какимъ убѣжденіямъ, настояли, чтобъ имъ заплашили еще по 10 червонцовъ съ каждаго человѣка; но присемъ дали клятву, что оставлятъ путешественниковъ съ покоемъ и даже проводятъ благополучно. Деньги были заплачены на мѣстѣ. Провожатые имѣя обязанность проводить ихъ только до берега Аракса, подозрѣвая, что Персіанѣ не останутся довольными и на дорогѣ ограбятъ путешественниковъ нашихъ совершенно, совѣтовали мнѣ всѣ вообще не подвергаться видимой смерти и возвратиться съ ними въ свое мѣсто. Братъ мой такъ же убѣждалъ меня возвратиться къ матери и не огорчать ее моими опасностями, коимъ неминуемо подвергнусь на другомъ берегу. Справедливость сихъ представленій была очевидна и я согласился поѣхать назадъ. Въ самомъ дѣлѣ, дни черезъ два, услышали мы опъ нѣко-

пюрыхъ пришедшихъ изъ Баязита, что путешественники лишь только, что переправились на другой берегъ и прошли нѣкоторое разстояніе, то Персіане атаковали ихъ, опяли у нихъ все и самихъ почти всѣхъ изрубили, кромѣ чловѣкъ десяти, кои успѣли отъ нихъ ускокаться.—

Не успѣлъ я показаться въ селѣніи, какъ съ насмѣшкою начали вопрошать меня: давноли я возвратился изъ путешествія; каковъ Константинополь; что тамъ дѣлается и прочее; а нѣкоторые изъ сосѣдей уведомили меня, что мать моя въ отчаяніи въ домъ Іова, молился Богу предъ Евангеліемъ, чтобы я возвратился къ ней (*). Я потчасъ пошелъ

(*) Фамилія Іова есть древняя въ нашемъ селѣніи и можно сказать единственная. Евангеліе писано на пергаментѣ; но кѣмъ именно не знаю и ни отъ кого не слыхалъ, знаю только то, что къ нему, кромѣ Священника, одѣяннаго въ ризы свои, частный чловѣкъ прикасаться не можетъ. При нашествіи: Шахъ Аббаса, бывшій въ то время хозяинъ, или начальникъ дома сей фамиліи, чтобы Евангеліе не досталось въ руки Магометанамъ, спрятавъ его подъ кошкою въ рѣчкѣ Соломоновой, гдѣ находилось оно въ водѣ подъ камнемъ, до возвращенія жищелей,

✱

въ оной домъ; масть моя дѣйствительно стояла на колѣняхъ предъ тѣмъ Евангеліемъ и молилась. Увидя меня, она, какъ сама мнѣ призналась, сочла меня за привидѣніе, но увѣрившись, что я явился къ ней въ самомъ существѣ моемъ, обрадовалась не сказано. Я возвратился съ нею въ нашъ домъ, преслѣдуемый тѣмъ же насмѣшками праздныхъ людей. —

Послѣ того не прошло недѣли, какъ пріѣхали въ наше селѣніе изъ Тавреза съ шоварами Тифлисскіе купцы, коихъ въ караванъ съ работниками было человѣкъ до 50, почти всѣ Армяне. Они слѣдовали въ Тифлисъ и были вооружены, какъ говоришся съ головы до ногъ. Тифлисскіе жители или Грузинскіе подданные, славились въ то время за людей самыхъ отважныхъ и храбрыхъ. Доброй мой

7 м лѣтъ, и по прошествіи столькаго времени найдено хозиною въ совершенной цѣлости безъ малѣйшаго поврежденія. Его не однократно брали въ Монастырь въ церковь; но оно всегда возвращалось на прежнее мѣсто, и послѣ нѣсколькихъ попытокъ, оставалось въ домъ означенной фамиліи,

учитель, не упускавший ни одного случая къ моей пользѣ, и на сей разъ рѣшительно присовѣщывалъ мнѣ воспользоваться оказіею уѣхать съ симъ караваномъ. Одинъ изъ сельскихъ Священниковъ, находившійся прежде въ Тифлисѣ, былъ знакомъ съ однимъ купцомъ изъ того каравана. Учитель мой вмѣстѣ съ нимъ упросили сего купца взять меня съ собою, съ пѣмъ, чѣмъ доставить въ Россію, ибо онъ имѣлъ непременное намѣреніе шуда ѣхать съ своими поварницами. Онъ согласился и далъ вѣрное слово исполнить ихъ порученіе, сколько возможно лучшимъ образомъ. Учитель мой отдалъ ему находившіяся у него на сохраненіи мои деньги 30 руб. Наконецъ въ воскресенье, 15 Іюля (1795 года) утромъ рано, купецъ сказалъ мнѣ, что они выѣдутъ до полудни и чѣмъ къ тому времени я собрался. Я потчасъ бросился въ свой домъ и пощастію мать моя была у моей сестры, а братъ ушелъ въ Монастырь къ обѣднѣ; оставалась одна невѣстка. — Увѣдомивъ ее что я отпѣзжаю, просилъ, изготавивъ

мнѣ, что нибудь надорогу съ ѣстнаго. Но она въ томъ мнѣ отказала съ грубостію, сказавъ, что я не хозяинъ въ домѣ и ни чего не принесъ, а потому не имѣю права ни чего и требовать. Озлобленный таковымъ отвѣтомъ, я напрощанъ изрядно ее выругалъ, и взявъ самъ нѣсколько сыру, хлѣба и при курицы, опінесъ послѣднію къ сосѣдкѣ, которая мнѣ потчасъ ихъ зажарила. Собравшись такимъ образомъ, выѣхалъ я изъ Вагарцапата на всегда, имѣвъ тогда отъ роду 20 лѣтъ. Нѣкоторые изъ товарищей моихъ просили меня, чтобъ взять ихъ съ собою; но я отвѣчалъ имъ, что опшваживаясь на все, не знаю что сомною будетъ: живость, или смерть, и вѣрнѣе полагаю первое; они же на противъ того не имѣютъ столь сильныхъ побудительныхъ причинъ, какъ я, подвергаться вѣроятнымъ опасностямъ, и такимъ образомъ отъ нихъ отдѣлался. Я распрощался только съ однимъ учителемъ и тогда, какъ купецъ вѣлѣлъ мнѣ собратъся.

Сей добрый человекъ далъ мнѣ спасительныя наставленія еще наканунѣ, и я считаю долгомъ, въ засвидѣтельствованіе его благочестія, благоразумія и моей признательности, помѣстивъ здѣсь хотя нѣкопорыя отрывки оныхъ, кои для лучшаго памятованія въ потѣ же вечеръ, какъ и Испорію моей матери, бросилъ на бумагу. —

„Ты, любезный другъ мой, говорилъ онъ мнѣ, теперь уже въ совершенныхъ лѣтахъ; испыталъ многое, можешь разумѣть и различать худое и доброе. Отъѣзжая на чужую сторону подъ покровительствомъ одного Бога — ты не знаешь, что еще ожидаетъ тебя внѣ твоего отечества. — Благоразумный человекъ, всякой новой случай, всякое предначинаніе, разсматриваетъ прежде съ самой худшей стороны; предполагаетъ болѣе не пріятныя слѣдствія, разсуждаетъ о средствахъ, и такъ сказать запасается напередъ мужествомъ переносить все огорчительное. Такимъ образомъ онъ меня

ошибается въ надеждахъ своихъ; дѣйствуетъ правильнѣе; огорчается тѣмъ менѣе, чего ожидалъ прежде, и съ большею удобностию преодолеваетъ то, что напередъ обдумалъ и къ чему готовился.

Ты испыталъ болѣе зла, нежели сколько видѣлъ себя по среди добра. — Ты испыталъ на самомъ себѣ, и самыя жестокія спраданія дали тебѣ познать, что человѣкъ, къ несчастію, бываетъ исполненъ болѣе злобы, зависти, не нависти и всѣхъ пороковъ, губительныхъ для подобнаго ему человѣка и унижающихъ его предъ всѣми дышущими тварями, — Сколько ни силенъ человѣкъ въ произвѣденіи зла, имѣя способность изобрѣтать къ тому многія средства, какъ тварь одаренная разумною душою; но онъ менѣе бы опасенъ былъ, если бы, подобно прочимъ живошнымъ, не умѣлъ скрывать своихъ намѣреній и чувствованій, что хочетъ произвести зло, подъ личиною доброй воли и благорасположенія. Такимъ

образомъ не благодарный человѣкъ своему создателю, сотворившему его съ свободою волею по образу и по подобію своему, употребляетъ во зло и то и другое.— Соображаясь съ сею горестною истинною, испытанною самимъ тобою во многихъ приключеніяхъ, совѣшую тебѣ поставивъ за правило, располагать не только дѣйствіями, но и каждою мыслию со всѣвозможнымъ благоразуміемъ и осторожностію; не говоришь даже ни одного слова опрометчиво не обдумавши. Старайся изыскивать друга и заслуживай справедливое право на его дружбу; будь ему вѣренъ; но при семъ помни замѣчаніе древнихъ мудрецовъ, чѣмъ по слабости и безъ не обходимой нужды не вверять своей тайны, дабы не сдѣлаться работою незнавшаго ее. Въ таковыхъ случаяхъ, легко можешь ты подвергнуться крайности; быть принужденнымъ дѣлать то, что добрыя твои свойства отрицаютъ и что можешь на всегда очернить и опягошить чистую совѣсть. — Будите мудры, яко змѣи, и цѣли яко голуби. Разумъ

словъ сихъ заключаешь въ себѣ наставленіе, чѣмъ мы старались быть благо-разумны, но вмѣстѣ съ тѣмъ не винны и чисты въ нашихъ намѣреніяхъ и поступкахъ. Слѣдуя сему, не предосудительно быть хитрымъ, но безъ коварныхъ ухищреній, чѣмъ хитросеть твоя была бы не иное что, какъ одно чистое благоразуміе и самосохраненіе отъ несправедливости, измѣны, или коварства другихъ. Будь добръ и простосердеченъ, но блюди, чѣмъ прослужишь, толико пріятное Богу и человѣкамъ, не было въ тебѣ слѣдствіемъ глупости, или соединено съ нею. Истинный свѣтъ высшей благодати пребываетъ въ душахъ благихъ и непорочныхъ; основаніемъ свойствъ сихъ есть простота сердца, единственная подруга невинности; а соприсутственный ей страхъ Господень есть начало мудрости, и не заходимый свѣтъ чистаго разума. Берегись быть спроптивымъ и бѣги отъ спроптиваго: „съ избраннымъ избранъ будешь, и состроптивымъ развратишься.“ При огорчитель-

ныхъ встречахъ воздерживайся отъ гнѣва, и не будь вспыльчивъ. Запальчивость подобна огню, который испребляя подверженное ему, исчезаетъ послѣ и самъ. Человѣкъ запальчивый, неумѣющій управлять злыми движеніями сердца своего, дѣлается безумнымъ, несдержаннымъ; опгоняетъ отъ себя людей; теряетъ ихъ уваженіе; испребляетъ любовь и расположеніе къ нему другихъ, не обходящихъ союзъ для каждого во взаимныхъ отношеніяхъ общежитія; а вмѣстѣ съ тѣмъ такъ скажетъ, испощаетъ самого себя. При встречахъ съ такими людьми будь сдержанъ, терпѣливъ, и кротостью старайся предупреждать раздраженіе и запальчивость ихъ, наблюдая только за ихъ намѣреніемъ, чтобы не подпасть отъ нихъ какому либо дѣйствительному злу; будь подобенъ водѣ, которая все на себѣ носитъ, все въ себя принимаетъ и угашаетъ пламя. Рѣка, какое бы ни было сдѣлано загражденіе, чтобы остановить теченіе ея, мало помалу преодолеваетъ все препятствія и

открываетъ себѣ пошъ же, или другой путь. Ты вступишь въ новый свѣтъ; можешь быть достигнешь благополучно до народовъ просвѣщеннѣйшихъ; будешь находиться тамъ, гдѣ есть много мудрыхъ и разумныхъ: старайся искать случаевъ научаться отъ упонченныхъ ихъ разумнѣй; но болѣе всякаго возможнаго зла берегись отъ нихъ шѣхъ думспвованій, которыя не чувствительнѣе заводятъ въ разныя заблужденія подъ видомъ истинны христіанскаго ученія. Убѣгай ихъ и не допускай до слуха своего, коль скоро увидишь, что они противны извѣстнымъ основаніямъ вѣры, и дѣлаютъ превращенія по волѣ разума, и по наклоненію спрасстей человѣческихъ. Это такія привидѣнія, которыя слабаго человѣка съ начала прельщаютъ, а потомъ погубляютъ его; и для того старайся употреблять все свое вниманіе, чтобы раздѣлять пшеницу отъ плевелъ. Не желай, и не ищи сдѣлаться слишкомъ разумнымъ; но учись быть благоразсудительнымъ; будь вѣренъ своему закону и старайся

ушверждашь въ вѣрѣ, которая познается самыми простыми понятіями. Разумъ не управляемый ею, есть уже безуміе, паче безумія безсловесныхъ. Гдѣ будешь находишься, будь усерденъ, покоренъ и вѣренъ тамошнему Государю и пошановленнымъ ошъ него власшмъ. Несшъ власш иже не ошъ Бога. Испытавши сполько спраданій, шы привыкъ почши ко всѣмъ шрудносіямъ жизни; чшобъ не пошупашъ опрометчиво ко вреду себѣ, благоразуміе пребуешъ не обольщашся ни какими суешными надеждами, и даже не желашъ скорого поправленія швоихъ обшшояшельспвъ; но бышъ терпѣливымъ и приближашся къ шому пошшпенно и лущами правильными. Случишься можешъ все: лучше, нежели желашъ и скорѣе, нежели ожидаешъ; но предоспавъ все промыслу; будь добрый человекъ, уповай на Бога и вѣрѣ, что онъ знаешъ лучше насъ доброе наше; мы же часшо желаемъ шого, что можешъ послужитъ ко вреду нашему, и чего мы ни предвидѣшъ, ни предупредишъ, ни опшрацишъ не въ

силахъ. Если же, по милости Божіей, достигнешь ты до благополучнаго и довольнаго во всемъ состоянія: — будь учѣренъ и воздерженъ отъ всего; не употреби во зло и ко вреду самому себѣ благихъ твоего Создателя, а паче не надыхайся, не превозносись гордостію, толико противною Богу, всѣмъ небеснымъ силамъ и каждому человеку.,, За симъ помянулъ онъ мнѣ и опрочихъ смѣртныхъ грѣхахъ; подтвердилъ наблюденіе заповѣдей и особенно о любви къ Богу и ближнему; располковалъ въ подробности всѣ ихъ значенія, слѣдствія и воздаяніе. Наконецъ въ заключеніе сказалъ мнѣ изъ псалма: удаляйся отъ зла, швори благо, ищи мира и взыщешь его.

Сей добрый мой наставникъ вскорѣ послѣ отпѣзда моего пославленъ былъ во Священники, въ каковомъ санѣ и по нынѣ проводитъ жизнь свою съ довѣющимъ благочестіемъ.

Караванъ поѣхалъ по Абаранской до-

рогъ чрезъ Ашшаракъ. Купецъ приказалъ своему работнику взять опъ меня мою ношу и положишь на лошадь; я шолъ съ однимъ только ружьемъ. Опошедши версты на три опъ своего селѣнія, я благословилъ Бога, что избавился опшуда, ибо по погдашнему опасному времени зналъ что на такое разстояніе преслѣдовать меня не будутъ. Караванъ остановился въ Георгіевскомъ монастырѣ, гдѣ я жилъ у Карапета. Ашшаракскіе жили такъ же выбирались въ свои пещеры, находящіяся въ неприсступныхъ каменныхъ высотахъ рѣки Карпи, или яснѣе сказавъ, въ бокахъ пропасти, по которой течетъ она рѣка при Ашшаракъ. Въ пещеры сіи не иначе можно входилъ, какъ по веревкамъ на блокахъ и точно такъ, какъ обыкновенно щекошуряшъ и красилъ большія дома, поднимая щекошура на веревкѣ въ ящикѣ. Между шѣмъ человекъ по десяти и болѣе, назначаюшся по суточно въ селѣніи бытъ кораульными; навѣдывающся по окрестностямъ опъ проѣзжающихъ, или проходящихъ, о обстоятельствевахъ, и примѣ-

чать за напешивіемъ непріятеля. — Изъ числа сихъ караульныхъ случилось быть одному молодому Ашшаракцу, котораго я училъ грамотѣ. Онъ былъ изъ хорошей фамиліи и малой не дуракъ. Пришедши къ намъ въ Монастырь, съ прочими, узнать, что дѣлается и что слышно въ Ериванѣ, или у насъ; извѣстно ли о непріятелѣ и прочее, онъ радъ былъ нашему свиданію; спрашивалъ о моихъ обстоятельствахъ и о намѣреніи куда хочешь хать. На другой день обѣщавъ принести мнѣ изъ селѣнія нѣсколько провизіи на дорогу. Я считалъ себя совершенно уже свободнымъ и отнюдь не воображалъ повстрѣчаться съ кѣмъ либо изъ нашего селѣнія, какъ, на другой день, вдругъ появился мой братъ въ числѣ десяти челоуѣкъ. Они за сто рублей взяли въ проводимъ одного ошеспавшаго ошъ нашего каравана купца и наспигли насъ въ Монаспырѣ; но мой братъ сказалъ мнѣ, что онъ пріѣхалъ собственнo только за мною, и поэтому упрашивалъ и прѣбовалъ, чтобы я возвратился съ нимъ въ селѣніе;

Я на противъ того убѣждалъ его оставишь меня съ покоемъ, не возвращаешь опять къ мученіямъ и неспрашивъ въ караванъ какъ беглеца; но онъ хотѣлъ непременно, чтобы я исполнилъ его пребываніе. Послѣ сего не оставалось мнѣ ничего болѣе, какъ дожидаться моего Ашпаракскаго пріѣзжа, и нарочно сперегъ, чтобы поговорить съ нимъ наединѣ. Не прошло часа, какъ онъ пріѣхалъ съ обѣщанною провизіею. Я вспрыгнулъ его за Монастыремъ; уведомилъ о пріѣздѣ брата, моего пребыванія, и просилъ, чтобы онъ, въ доказательство дружбы своей, поспарался меня выручить изъ сихъ хлопотъ и избавилъ бы отъ брата. Другъ мой охотно за сіе взялся, поскакалъ обратно въ свое селѣніе и подговоривъ напередъ челоуѣкъ допридцати удалцовъ, своихъ товарищей, вступился потомъ за меня и уговаривалъ брата оставить меня въ покой, представляя ему, что онъ изъ одной только прихоти хотѣлъ подвергнуть меня спыду и возвращишь къ спраданіямъ. Я такъ же говорилъ ему, что ѣду на чужую спо-

рону не съ тѣмъ, чтобы забыть его и мать нашу; но съ тѣмъ, что если буду благополученъ, то всѣ свои приобретенья раздѣлишь съ ними и успокоишь ихъ; Но братъ не зная и не ожидая того, что мною приняты рѣшительныя мѣры, упорствовалъ въ своемъ требованіи и не убѣждался ни какими резонами. Тогда Алшпаракской мой другъ сказалъ ему: ну! такъ послушай же: когда ты не хочешь согласишься на то по доброй волѣ, такъ послѣ непеній, если мы обратимся къ другимъ средствамъ. Пущь братъ съ тобою возвратился; но онъ недалеко уйдетъ отъ Монастыря; васъ только десять человекъ, а у насъ гошовой прироста; мы на васъ нападемъ, изрубимъ всѣхъ въ куски и дадимъ ему свободу ѣхать куда, куда захочетъ.— Братъ мой увидѣлъ тогда свою слабость, безуміе, и удовольствовался только укоризнами, что я обманулъ его, присовѣщавъ ему жениться, и общавшись сдѣлавъ поже, теперь оставляю его одного. Я старался его утѣшить все возможными увѣреніями, о моей любви,

не премѣнномъ усердіи, и съ тѣмъ раз-
 прощался. По благодаря усерднаго моего
 друга, за важную его услугу, обѣщаль ему,
 при случаѣ, еесли буду въ сослоуіи, до-
 казать мою благодарность, такъ же самымъ
 дѣломъ.

Караванъ нашъ пробылъ въ Монастырѣ
 прои. сущи, развѣдывая о безопасности
 пуши. На чешвертый день, слѣдуя по
 берегу рѣки Карпи, вступили мы на по-
 дощву Аракатской горы съ Сѣверной
 спороны, и остановились провести тамъ
 ночь, близъ спариннаго Монастыря, Ке-
 нацъ-Пайша (: живоноснаго древа :). Мо-
 настырь сей построень по случаю при-
 несенія тудѣ части живоноснаго древа
 креста Господня. Онъ называется такъ
 же Сагмосъ - а - Ванкъ, что значить псал-
 ырной Монастырь : ибо псалпырь чи-
 щается въ немъ день и ночь. Оное древо
 производило такіе чудеса, что когда вы-
 носимо было на поле, то находящіеся на
 немъ змѣи, бѣжали отъ лица его и дѣла-
 лись слѣпыми; нынѣ же въ шомъ мѣстѣ,

хотя и водятся змѣи, но никакого вреда не причиняющъ. —

На утро дошли мы до того самаго мѣста, которое называется Амаранъ, что значитъ лѣпше мѣсто. Оно идетъ на весьма большое пространство, почти ровною долиною; и по всюду имѣетъ превосходную траву и ключи. Ошменно пріятной воздухъ его прохлаждаетъ путешественника; подкрепляетъ изнуренныя его силы и вливаетъ въ чувства нѣкошорую особенную ошраду.

Здѣсь увидѣли мы, въ нѣкошоромъ ошъ насъ распонніи, человекъ до сна вооруженныхъ. Примѣня, что они раздѣлясь на двѣ паршіи, хотѣли на пасъ на насъ съ двухъ споронъ, пошчасъ ошановились; сняли вьюки и, какъ обыкновенно водились, сдѣлали изъ нихъ родъ батарей; лошадей поставили въ средину и начали стрѣлять. Хищники увидѣвъ сильное сопрошивленіе, хотя и ошавили насъ; но мы принуждены были пробить шуть до

Другаго дня, и употребишь епо время на-
 прилѣжнѣйшія развѣдыванія по окрестно-
 стямъ, чтобъ нечаянно не встрѣшился
 еще съ подобною шолпою, засѣвшею въ
 какомъ ни есть закрытомъ мѣстѣ. — На
 утро пустились опять въ путь и шли съ
 такою же оспорожностію. Предъ вече-
 ромъ увидѣли въ правой рукѣ довольно
 большой лагерь, расположенный въ низкой
 долинѣ, при копоромъ находилось много
 верблюдовъ, и быковъ, лошадей и нѣсколь-
 ко барановъ; почему и заключили, что
 епо селѣнїя, какого нибудь цѣлаго се-
 ленія, укрывающіяся отъ опасностей во-
 еннаго времени. Остановясь провести
 ночь, Караванщики послали въ ла-
 геръ просить для себя какой нибудь пищи,
 и узнали, что епо были жители Нахиче-
 ванской Области, изъ селенія Гарадага,
 (: черная гора :), слѣдовавшіи для укры-
 тія себя въ Шуракаль, укрѣпленное мѣсто
 Турецкаго владѣнія. Частію изъ нихъ были
 Армяне, а болѣе Персіанѣ. — Отъ нихъ
 принесли къ намъ кислаго молока, сыру
 и хлѣбовъ. — Между тѣмъ подѣхали къ

каравану нашему съ другой стороны нѣ-
 сколько человекъ и говорили съ купцами
 по Грузински. Я хопя не зналъ по Гру-
 зински; но въ разговорѣ замѣнилъ слово
Джашуть, которое значитъ шпионъ. По
 движеніямъ нашихъ купцовъ могъ я заклю-
 чить, что они увѣдомляли пѣхъ шпионовъ
 о нахичеванцахъ; а услышавъ имя ихъ
 предводишеля, догадался, что онъ, по
 тогдашнимъ обсполтельствамъ, ищепъ
 также кого нибудь разбить изъ непри-
 надлежащихъ къ подданству Грузіи, и что
 бѣдные Нахичеванцы, снабдившіе насъ пи-
 щей, непременно должны быть разбиты
 и ограблены; почему я рѣшился какимъ
 ни будь образомъ увѣдомишь ихъ о сей
 опасности. Въ караванъ нашемъ нахо-
 дился еще другой, подобной мнѣ, путеше-
 ственникъ, молодой человекъ, изъ де-
 ревни Плуръ, съ которымъ я познако-
 мился уже на дорогѣ. Открывъ ему мое
 замѣчаніе, нашель его не меньше готовымъ
 употребить себя на спасеніе невинныхъ
 людей; я научилъ его, какъ можно скрып-
 нѣе сходишь въ лагерь и увѣдомишь пу-

пешественниковъ о предстоящей имъ опасности. Онъ принялъ сію комиссію охотно и шопъ часъ ее исполнилъ. Упомянутый предводителъ находился тогда съ палкою спами челоѡкъ въ Памбакацоръ, на два дни ходу отъ того мѣста, гдѣ мы спояли; и потому нахичеванцы, предъувѣдомленные объ опасности, для спасенія себя, успѣли уклониться къ Еривану, какъ ближайшему для того мѣсту. Въ слѣдующіе два дни доспигли мы до Памбакацора безъ всякихъ приключеній. и узнали, что предводителъ уже выѣхалъ для своей добычи; но свѣдавъ, что пушественники удалились подъ Ериванъ, не посмѣлъ шуда ихъ преслѣдовать и возвратился на свое мѣсто. Къ несчастію онъ засталъ насъ въ Памбакацоръ, и не удача его споила жизни несчастному Плурцу: ибо Предводителъ въ разсужденіи сего прямо обратился съ подозрѣніемъ на нашъ караванъ. Купцы и ихъ работники, не могли сего сдѣлать, какъ Грузинскіе подданные; я находился безъоплочно съ шѣмъ, кому былъ поручень, и

потому всё указали на бѣднаго Плуца. Предводителъ не спрашивая признанія, прямо приказалъ убишь его, что подданные его пошчасъ и исполнили. Между тѣмъ, какъ его били, чѣмъ и почему ни поцало, я объявлять былъ смершнымъ спрахомъ и возносился къ Богу всею моею душою, ожидая равной учаспи, когда Плу-рецъ укажетъ на меня, какъ на главнаго виновника шого дѣла, зашпорое приказано лишишь его жизни; но онъ, рѣшившись великодушно принявъ всё мученія и умереть одинъ, неподалъ никакого къ шому вида. Ему размозжили голову и раздробили руки, ноги и всё члены. — Я чувствовалъ ужасное шерзаніе въ моей совѣсти, видя себя единшвеннымъ виновникомъ мученической смерши сего несчастнаго человѣка. Въ утѣшеніе себя, и въ оправданіе своей совѣсти въ семъ случаѣ, приводилъ шолько то, что въ дѣйствіи его заключалось общее наше доброе намѣреніе, спасти отъ рукъ злодѣевъ множество невинныхъ жершвъ, и что я ни какъ не могъ предвидѣшь шполь пагу-

бныхъ для него слѣдствій, отъ коихъ спасло меня самого, чудесное его шerpнiе. —

Предводителъ имѣлъ причину нападать на Гарадагцовъ Нахичеванскихъ за то, что они искали себѣ убѣжища не въ Грузіи; а шли для того въ Турцію. Но Гарадагцы поступили благоразумнѣе и выбрали лучшее мѣсто къ своему спасенію: ибо мы, выѣхавши изъ Памбакадора на степь, въ продолженіи двухъ дней, были на каждомъ шагу свидѣтелями плачевнѣйшаго позорища. Жили обласпей: Карабагской, Ериванской, Нахичеванской и другихъ мѣстъ, Христіанъ и Магометанъ, колы скоро узнали, что Шахъ, Государь ихъ, идетъ войною на Ериванъ, избѣгая раззореній, сопряженныхъ съ насиліями различнаго рода при проходѣ войскъ, уклонились со всемъ имущесвомъ и скопомъ, въ предѣлы Грузіи, надѣясь имѣть тамъ спокойное пристанище, бывъ при томъ увѣрены, что Шахъ не одолѣетъ Грузинскаго Царства. Но они въ томъ

оптѣлись. Преселясь на сіи ешѣпи, они пошчасъ встрѣтили недоспашокъ въ хлѣбѣ, чего во все не предполагали; испощивши на покупку онаго, самою дорогою цѣною, всѣ деньги въ короткое время, принуждены были платишь Грузинамъ, за при фунта хлѣба, овцу; а за Лидерь, или 10 фунтовъ, лошадь; а на конецъ отдавали и послѣднѣе свое платье. Но сего недовольно: Грузины, чего не успѣли, лишивъ ихъ такимъ образомъ, по опняли у нихъ силою, и даже весьма многихъ изъ нихъ обобрали со всѣмъ, по ешѣ, сняли рубахи и оставили нагихъ. Таковыми бѣдствіями доведенныя до отчаянія, помимые голодомъ и обнаженные, отдавались они шамошнимъ богатымъ Грузинамъ въ рабство, лишь бы только избавишься голодной смерти. Многіе изъ нихъ помершіе отъ такового бѣдствія, валялись по полямъ непогребенными: ибо у сихъ пришеельцовъ небыло лопашокъ, чтобъ зарышь въ землю умершихъ собратій своихъ; зотъ чего самый воздухъ, на всемъ пространствѣ двудневнаго пуши нашего, шакъ

сдѣлался тяжель, что мы едва могли переносить его. По всему вѣроятно, что Грузинцы приняли сихъ несчастныхъ подъ свое покровительство и поступали съ ними такимъ образомъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ доведя ихъ до возможной степени крайности, не только ичѣніе, но и самихъ ихъ сдѣлавъ своею собственностію, въ чѣмъ и успѣли. Пройдя сіе плачевное позорище, подъ конецъ другаго дня по выходѣ изъ Памбакацора, остановились на ночь въ нѣсколькихъ верстахъ отъ того мѣста, гдѣ на утро надлежало намъ спускаться съ горы и на короткомъ находились густой и огромной лѣсъ. По опасности сего мѣста, мы оправились на утро весьма рано. Бывъ же увѣдомлены, что Лезгинцы, занѣсколько предъ тѣмъ часовъ разбили и ограбили одинъ купеческій караванъ, мы, для утѣшенія разбойниковъ, стараясь показать большее число людей, нежели сколько насъ было, кричали и пѣли разными голосами; стрѣляли изъ ружей и пистолетовъ; а между тѣмъ, навьюченныхъ шо-

варами лошадей, понуждали идти какъ можно скорѣе. Такимъ образомъ, объѣхавъ спрахомъ, шли мы около чепырехъ часовъ по весьма узкой пропинкѣ, не встрѣливъ нигдѣ ни какой лощинки, на копорой можно бы было распорядиться и поставивъ себя въ оборонительное положеніе. На послѣдокъ спустились къ небольшой рѣчкѣ, прошли чрезъ нее по мосту и опять поднялись въ гору. Здѣсь такъ же находился лѣсъ; но только рѣдкой, а кустарники были довольно густы, и по тому большая опасность наша миновалась не прежде, какъ выбрались на ровное мѣсто; коимъ пройдя еще около трехъ верстъ, остановились для отдохновенія и корма лошадей. Снявши съ нихъ выюки, пустили на траву; но здѣсь встрѣшили другихъ непріятелей: большихъ мухъ, которыя жалили лошадей нашихъ столь сильно, что тамъ, гдѣ укусають, тогда же выступала кровь. Мы какъ скоро ихъ увидѣли, тотчасъ закрылись; но лошади не находили отъ нихъ ни какого спасенія; злыя насѣкомыя недопустили ихъ

даже отвѣдать находившейся тутъ въ изобиліи весьма хорошей правы. Почему купцы принужденными нашлись, опять ихъ навьючить и идти далѣе. Пройдя еще, покрайней мѣрѣ, верстѣ до пашы, напослѣдокъ нашли на прекрасное мѣсто, гдѣ права была густая и высокая. Чтожь касается до воды, то во всѣхъ шамоцкихъ мѣстахъ ключей и источниковъ вездѣ весьма довольно. На семь мѣстѣ мы провели ночь, и собравшись съ силами, въ коихъ изнурены были докрайности, особенно послѣднимъ днемъ, въ слѣдующій день пришли къ рѣкѣ Нахетуръ, которая стояла тогда въ полной водѣ, какъ думать надобно отъ спеченія въ нее съ возвышенныхъ мѣстѣ дождевой воды. Въ караванѣ нашемъ не было ни одного, который бы зналъ хорошенко положеніе сей рѣки, чтобъ найсти бродъ. Всякъ искалъ для себя, гдѣ бы выгоднѣе переправиться; отъ чего произошло то, что лошади въ иномъ мѣстѣ плыли, а въ другомъ хопя и шли, но такъ глубоко, что всѣ вьюки подмокли. Почему должно было

на другомъ берегу разобрать и пересушить почти всѣ товары, большая половина дня прошла въ сей работѣ и караванъ остался тушь ночевать. На другой день пришли въ большое и весьма изрядное селеніе Коду, опъ куда купцы, по тяжести каравана, отправили его поспешной Соганлутской дорогѣ; а сами, на легкѣ, переправились прямо чрезъ гору и къ вечеру прибыли въ Тифлисъ.

Конецъ первой части.

